1995

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

В НОМЕРЕ

11-12

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

11-12'95(36)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

ЕСЛИ

Редактор журнала:
Александр Шалганов.
Заместитель редактора:
Елена Босовская.
Редакция:
Марина Виденина,
Валерия Галлай,
Владимир Губарев,
Михаил Комаровский,
Кирилл Королев,
Сергей Никифоров,
Татьяна Сычева.

Иллюстрации:
Анна Аштау *(В.Виндж)*,
Надежда Бальжак *(И.Уотсон)*,
Олег Васильев *(Ф.К.Дик)*,
Константин Рыбалко *(А.Етоев)*,
Алексей Филиппов *(А.Дэвидсон)*.
Верстка:
ТОО «Апокриф».

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 200-25-08 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

Сдано в набор 5.09.95. Сдано в печать 10.10.95
Отпечатано в ИПК «Московская правда»,
123845, Москва, Д-22, ул. 1905 года, д.7.
Усл. печ. л. 12,2. Уч.изд. 14,1. Тираж 30 тыс. экз.
В розницу цена свободная.
Заказ № 4608

Аврам Дэвидсон

Дом, который построили Блэкни

Четыре люди идут сюда по Лесной Дороге, ей-ей, — объявила Старая Мэри Верзила.

Молодой Том Рыжий понял ее сразу.

— Не наши.

В длинной-предлинной кухне сделалось очень тихо. Старый Билл Белобрысый ворохнулся в своем сидикресле.

— Ну точно, Боб Коротышка и Джинни Худышка, — молвил он.

— Нет, — откликнулась Старая Мэри Верзила. — Это не они.

— Да! — Старый Билл Белобрысый заерзал, опираясь на свою клюкотрость. — Чейные еще они могут быть. Всегда говорил: она за ним побежала.

Молодой Билл Белобрысый подкинул в очаг еще один жгун, бормоча: «Кругом гребем, гребем кругом». Тут все заговорили разом, столпившись у окновидов. А потом разом прекратили: громко забулькало в больших пищекотлах. Молодая Мэри Верзила произнесла возбужденно:

— Вишь ты, сюда гляди: говорю, я-то, что они не Блэкни.

Из прядльни выскочила Старая Мэри Коротышка.

— Люди! Люди! Их четыре там, на Лесной Дороге, и я их не знаю. Как они смешноходят!

— Четыре странные люди!

— Не из Блэкни!

— Перестаньте дурословить! Должны быть из! Чейные же еще?

— Так ведь не Блэкни!

— Не из Дома, вишь ты, сюда смотри! Люди не из Дома!

— Беглец Боб и та самая Джинни Худышка?

— Нет, не может быть. Старых нету.

В комнату сбежались все, кто был в Доме: из коровни, из лошадни, из доильни и гладильни, из учильни и даже из лечильни.

— Четыре люди! Не из Блэкни.

— Блэкни они или не Блэкни, да только не из Дома, вот!

Роберт Хаякава с женой Суламифью, Эзра и Микихо выбрались из леса.

— Итак, что я вам говорил? — заметил Роберт, как всегда вдумчиво. — Дорога, если идти в одну сторону, может завести в никуда, но вряд ли она заведет в никуда, если пойти в другую сторону.

Суламифь вздохнула. Ей, вынашивавшей дитя, приходилось тяжко.

— Возделанные поля. Это меня радует. Первые возделанные поля на этой планете. Должно быть, новое поселение. Хотя мы прошли всю ту...

Она не докончила фразы.

Эзра поднял руку:

— Дом...

— Больше похоже на замок? — заметила Микихо. — Так, Роберт?

— Может быть, — откликнулся Хаякава. — Сооружение явно не из новых. Суламифь, ты видишь?

Суламифь вдруг вскрикнула, тревожно или удивленно. Через поле бежал человек. Стоило всем взглянуть на него, как он споткнулся, остановился, но потом снова двинулся вперед забавной походкой, сильно приволакивая ноги. Немного погодя до них донесся его голос:

— Эй! Ей-ей. Эй. Вишь ты. Молчу. Молчок. Ох, эй...

Лицо у человека было багровым, круглое такое лицо с выпученными голубыми глазами. Нос острый и крючком, будто орлиный клюв. Одет в какой-то балахон из грубой ткани.

— Эй, вы, должно быть, эти, молчу, звать-то его как? А она еще сбежала следом за ним? Давнодавно. Джинни! Джинни Худышка! Детедети, ей-ей?

За спиной странного человека, в поле, появились два помахивавших хвостами существа.

— Микихо, посмотри, — сказал Эзра. — Это, наверное, коровы.

Человек остановился футах в десяти и покачал головой.

— Коровы, нет. Ох, нет, молчокмолчу. Быкоблюдки. Не коровы. — Внезапно он что-то сообразил и, похоже, поразился до глубины души. — Ей-ей, вы ж меня не узнаете! Ни в жизнь не узнаете! — Он засмеялся. — Ох. Вот дело какое. Странные Блэкни. Старый Том Рыжий, я-то.

Церемонно и серьезно все четверо представились. Человек насупился.

— Не знаю таких имен, — произнес он. — Нет, молчок. Сотворили их, как детей, в лесу. Давнодавно. Ох, я, вот! Беглец Боб Коротышка. Да, такое имя! Ваш отцеотец. Помер, ей-ей?

Очень вежливо, остро ощущая усталость после долгого перехода, Роберт Хаякава произнес:

— Боюсь, я его не знаю. Мы не те, за кого вы нас принимаете... Вы не знаете, можно ли нам идти дальше, туда, где этот дом?

Суламифь, согласно кивнув, оперлась на руку мужа.

Старый Том Рыжий, который слушал разинув рот, ухватился за знакомое слово.

— Дом! Ей-ей, да. Ступайте дальше, туда, к нему.

Четверо тронулись в путь, медленнее, чем прежде, а Старый Том Рыжий распряг своих быкоблюдков и поплелся следом, время от времени бормоча нечто совершенно неразборчивое.

— Забавный малый, — сказал Эзра.

— И так странно разговаривает, — отозвалась Микихо.

Суламифь призналась: единственное, чего ей хочется, это сесть. А потом...

— Ой, смотрите! — воскликнула она. — Вы только посмотрите!

— Все квартиранты вышли нам навстречу, — заметил ее муж.

Так оно и было.

Ничего подобного никогда не случалось за всю историю рода Блэкни. Однако Блэкни ничуть не

растерялись. Привели чужаков в Дом, усадили их в самые мягкие сидикресла, как можно ближе к очагу, подали пеймолоко, мясосыр и татотравки. Пришельцев в одночасье одолела усталость: все четверо откинулись на спинки сидикресел, не в силах произнести ни слова.

Зато у обитателей дома языки развязались — да еще как! Большинство тех, кто уходил по делам, уже вернулись и кружили непрерывным хороводом: кто жадно поглощал кушанье, кто вытягивал шею и пялился во все глаза, а в основном Блэкни болтали, болтали, болтали... Они казались отражениями друг друга, диковинными фигурами из какого-нибудь зеркального зала вроде тех, о каких Хаякаве доводилось читать в книгах по социальной истории: одни и те же лица, похожие одежды. Повсюду багровые физиономии, голубые глаза навыкате, выпирающие лобные кости, тонкие носы крючком, отвислые рты.

Блэкни.

Худые Блэкни, высокие Блэкни, низкие Блэкни, старики, молодые, мужчины и женщины. Казалось, имелся некий стандарт, единая колодка, по которой все остальные вытягивались или сжимались, только трудно было представить себе, каков именно этот стандарт, какова в точности эта колодка.

— Звездокрай, значит, — произнесла Молодая Мэри Верзила. — Других никаких не живет у Блэкнимира. Звездокрай. Одинаковые с Капитанами.

Молодой Билл Белобрысый указал жгуном на Суламифь.

— Ребенок растет, — сказал он. — Кругом гребем, гребем кругом. Скоро ребенок.

С огромным усилием Роберт разомкнул веки.

— Да. Очень скоро у нее родится ребенок. Будем признательны вам за помощь.

Старый Билл Белобрысый, опираясь на клюкотрость, приплелся глянуть еще разок.

— Мы происходим, — поведал он, вплотную приблизив свое лицо к лицу Роберта, — от Капитанов. Не слыхали? И другие тоже? Смешно. Мы происходим, вишь ты. От Капитанов. Капитана Тома Блэкни. И его жен. Капитана Билла Блэкни. И его жен. Братья, они-то. Джинни, Мэри — жены Капитана Тома. Другая Мэри — жена Капитана Боба. Была и еще жена, но мы не помним, как ее. Они жили в Звездокрае. Вы тоже? Молчок, вы? Ей-ей, Звездокрай?

Роберт кивнул и спросил:

— Когда? Когда они прилетели из Звездокрая? Те братья, о которых вы рассказали?

Опустилась ночь, но ламп не зажигали. Лишь трепетали в очаге языки пламени, жадно поглощавшего сочащиеся смолой маслянистые жгуны, освещая просторное помещение.

— Когда? — переспросил Старый Том Рыжий, ковыляя к сидикреслу. — Пять сотнялет. Давнодавно.

Неожиданно подала голос Старая Мэри Коротышка:

— Они смешноходят. Они смешнословят. И смешновыглядят тоже!

— Ребенок. Растет ребенок, скоро.

Пара-тройка малюток Блэкни, точные копии своих взрослых сородичей, только ниже ростом, жадно зачмокали, захихикали, принялись просить показать им ребенка из Звездокрая. Старшие смеялись и успокаивали: скороскоро.

— Пятьсот лет... — Хаякаву сморил сон. Внезапно он встрепенулся и заговорил:

— Мы направлялись к спутникам Лора. Вам не приходилось... впрочем, понятно, что нет. Перелет не представлял опасности. Но с нами что-то произошло. Как бы это объяснить... Мы наткнулись на нечто такое, чего как будто не должно быть. Искривление? Дыра? Звучит глупо, я понимаю, но все испытали чувство, будто корабль проваливается неведомо куда. А потом отказали приборы, мы обнаружили, что у нас нет звездных таблиц, а вокруг — ни единой знакомой звезды. Как говорится: «Да будут вам и новый Рай и новая Земля». Вот нас и угораздило попасть на Блэкнимир.

Искры взметнулись и унеслись прочь. Кто-то произнес: «Спать пора». Все Блэкни разошлись, и Хаякава уснул.

Когда четверка проснулась, в разгаре была «мытьпора», и все Блэкни — большие и маленькие — скреблись и мылись, терли и чистили свою одежду.

— Полагаю, эта еда на столе предназначена нам, — сказал Эзра. — Роберт, быстрей твори молитву о хлебе насущном. Я жутко голоден.

Встав из-за стола, они хорошенько огляделись вокруг. В дальнем конце просторного помещения было настолько темно, что, несмотря на льющийся сквозь растворенные ставни солнечный свет, люди с большим трудом разглядели изображение на стене. Краска на росписи облупилась, во всяком случае, всю ее прошила похожая на зигзаг молнии трещина; кто-то пытался залепить трещину штукатуркой или чем-то подобным, но у него явно ничего не вышло.

— Вам не кажется, что вон те высокие фигуры изображают Капитанов? — спросила Микихо (Роберт успел передать товарищам рассказ Старого Билла Белобрысого).

— Наверное. Выглядят они сурово и весьма решительно. Когда многоженцев преследовали, кто знает?

В трудах по новейшей социальной истории о том периоде говорилось мало, но в конце концов четверка пришла к единому мнению: преследования происходили в Эру Пересовершенствования — около шестисот лет тому назад.

— Неужто этот дом такой древний? — спросила Суламифь.

— Вполне возможно. Вот что я думаю: те Капитаны как древние патриархи со своими женами, чадами с домочадцами, со своими стадами и прочим отправились куда глаза глядят, чтобы избежать наказания, и столкнулись с той самой штукой, на которую напоролись и мы. И очутились здесь. Как и мы с вами.

Микихо произнесла тонким голоском:

— И, может, пройдет еще шестьсот лет, прежде чем сюда опять кого-нибудь забросит. То есть нам отсюда не выбраться.

Безмолвные и растерянные, они шли по бесчисленным коридорам и комнатам. Попадались помещения сравнительно чистые, встречались и забитые всяким хламом, иные использовались под амбары, конюшни или хлев, а в одном устроили кузницу.

— Итак, — заговорил наконец Роберт, — надо приспосабливаться. Иного выхода нет.

Ориентируясь на громкий визг и смех, они вскоре добрались до мыльни, осклизлой, жаркой, наполненной паром и шумом, и снова очутились в кольце Блэкни.

— Мытьпора, мытьпора! — вопили хозяева, показывая чужакам, куда положить одежду, с любопытством касаясь разных предметов, помогая намылиться, объясняя, что вот этот пруд питают горячие ключи, а вот этот — холодный, снабжая полотенцами и заботливо ухаживая за Суламифью.

— Дом вашего мира, ваш-то, ей-ей, — завел с Эзрой разговор какой-то дожидавшийся намыливания Блэкни, — он больше этого? Нет?

— Не больше, — согласился Эзра.

— Ваши — Блэкни? Нет. Молчок. Семья? Меньше, ей-ей?

— О, намного меньше.

Блэкни довольно кивнул. Потом предложил потереть Эзре спину, если Эзра потрет спинку ему.

Текли часы, проходили дни. Оказалось, что тут никто никем не правит, не существует никаких законов — живут, как заведено. Кто чувствовал в себе такую склонность — работал. А кто нет, тот бездельничал. Чужакам никто ничего не предлагал, но и не мешал им заниматься чем угодно.

Наверное, прошло уже с неделю, когда Роберт с Эзрой снарядились в поход вдоль залива. Пара лошадей тащила перекошенную, расшатанную фуру. Возницу звали Боб Коротышка.

— Надоть половать, — сообщил он. — Полы, ей-ей, в лечильне. Надоть доски. Полно в реководе.

Солнышко пригревало. То и дело Дом скрывался из глаз за деревьями или за холмом, но стоило дороге в очередной раз вильнуть следом за речной излучиной, он вновь появлялся на виду.

— Нам следует найти себе какое-нибудь дело, — сказал Эзра. — Может быть, эти люди — большая и счастливая семья, единственная на всей планете. Но если я проведу рядом с ними еще неделю, то сделаюсь таким же чокнутым.

— Блэкни вовсе не чокнутые, — с неодобрением в голосе откликнулся Роберт. И наставительно прибавил: — Рано или поздно нашим детям придется с ними породниться...

— Наши дети могут породниться и между собой...

— Тогда внукам. Боюсь, мы лишены древних навыков, необходимых первопроходцам. Пройдет столетие-другое, а может, того меньше, и наши потомки окажутся точно в таком же кровосмесительном родстве и сделаются, прямо скажем, не менее странными.

Они перешли реку вброд прямо напротив Дома. Жидкий столбик дыма поднимался над одной из его громадных мрачных труб. Фура свернула на торную дорогу, шедшую по-над берегом реки.

— Полно досков, — сказал Молодой Боб Коротышка. — Молчу, молчок.

Досок, вылежавшихся и выветрившихся до того, что они стали серебристо-серыми, и впрямь оказалось в избытке. Они были уложены в штабели под огромным навесом. С одного его края вращалось в потоке воды громадное колесо, изготовленное, как и сам навес, из тусклого, совершенно не тронутого ржавчиной металла. Все остальные механизмы покрывал слой пыли.

— Жернова, — сказал Эзра. — И пилы. Токарные станки. Всякого добра хватает. Почему же тогда они... Боб, почему вы перетираете зерно вручную?

Возница пожал плечами.

— Надоть муку делать, ей-ей. Хлеб.

Вскоре выяснилось, что ни одного механизма в рабочем состоянии не осталось. Вдобавок, Роберт с Эзрой узнали, что никто из живых Блэкни понятия не имеет, как наладить эти механизмы, хотя, по словам Боба Коротышки, еще есть такие, кто, должно быть, помнит прежние времена: Мэри Верзила, Мэри Коротышка, Билл Белобрысый...

Хаякава движением руки прервал разошедшегося Блэкни.

— Эзра, думаю, мы сумеем все это запустить. Привести в рабочее состояние. Вот тебе и «какое-нибудь дело». Весьма подходящее занятие, которое, надеюсь, многое изменит.

Эзра выразился в том смысле, что это изменит все.

Ребенок Суламифь, девочка, родилась на исходе летнего вечера, когда солнце щедрыми мазками расписало небо розовым, темно-красным, малиновым, алым, лимоновым и пурпурным.

— Назовем ее Хоуп*, — сказала Суламифь.

«Дело ради дела», — так прозвала ремонтные работы Микихо. Она полагала, что, отремонтировав для начала водяное колесо, они тем самым как бы сделают первую ступеньку в лестнице, что ведет в космос. Роберт с Эзрой не поощряли этих мечтаний. Работа оказалась трудной и долгой. Они облазили весь Дом: от осыпающегося чердака до обширных подвалов с колоннами — и отыскали много полезного, много такого, что будоражило воображение, а еще больше старья, которое давным-давно пора было выбросить на свалку. Нашли инструменты и лекала, отыскали библиотеку и печатный станок.

Ни один из Блэкни особой пользы принести не мог. У них хватало желания поднимать и таскать, пока не иссякла новизна впечатлений — после чего они только путались под ногами. Больше всего помогал кузнец Боб Рыжий; впрочем, от его усердия толку тоже было не слишком. Роберт с Эзрой начинали работать с восходом солнца и заканчивали далеко за полдень. Они бы трудились и дольше, однако вынуждены были подчиниться заведенному порядку: в первый же день, как только в воздухе повеяло прохладой, все Блэкни стали выказывать признаки беспокойства.

— Надоть обратно, сейчас, ей-ей. Надоть начать идти обратно.

— Почему? — недоуменно спросил Эзра. — Ведь на Блэкнимире, кажется, нет хищников?

Блэкни не могли объяснить, однако стояли на своем: ночи надо проводить в Доме. И Роберту с Эзрой пришлось уступить.

Дело продвигалось туго. Зачастую механизмы, которые вроде бы удавалось запустить, тут же ломались. Поэтому никакого праздника в честь успешного завершения работы устраивать не стали. Разве что Мэри Верзила испекла горку пирожков из первой муки мельничного помола.

— Как в те времена, давнодавно, — сказала она довольно. Взглянула на чужаков, состроила забавную рожицу ребенку и высказала мысль, которая, очевидно, уже давно ее донимала:

— Не наши, вы-то. Другие. Но мне лучшей, пусть вы тут, чем обратно этот Беглец Боб Коротышка или эта Джинни Худышка... Да, мне так лучшей.

В наличии имелся всего один годный для дела топор, так что лес рубить не стали. Однако Эзра разыскал маленькую заводь, в которой постоянно скапливался плавник — и ветви, и целые деревья, — так что лесопилка пожаловаться на отсутствие «пищи по зубам» не могла.

— Полно досков делаете, ей-ей, — заметил однажды Боб Коротышка.

— Мы дом строим, — объяснил Роберт.

Возница глянул через залив на мощные башни и башенки, на громады фронтонов и высокие стены. Издали не было видно ни единой трещины, хотя, если присмотреться, в глаза бросались две слегка покосившиеся печные трубы.

— Ну да, — сказал он. — Ей-ей, вся крыша на северном крыле, молчокмолчу, плохая, ей-ей.

— Да нет, мы свой собственный дом строим.

**Hope* (англ.) — надежда. (Прим. ред.)*

Блэкни удивленно воззрился на них.

— Хотите еще построить? Легче, говорю, я-то, очистить ничейное. Жилищекомнаты. Их полно!

Тогда Роберт предпочел эту тему не обсуждать, однако вовсе замолчать ее было нельзя, так что в один прекрасный вечер, сразу после ужина, он попытался объясниться.

— Мы вам очень признательны за помощь , — сказал он. — Вы помогли тем, кто чужд вашему образу жизни. Вероятно, именно оттого, что мы действительно чужаки, в нас так сильна потребность в собственном доме, где мы могли бы жить.

Блэкни сидели тихо. К тому же они явно не успевали постичь смысл сказанного.

— Именно так мы жили и привыкли жить. Найдется немало планет, где люди на самом деле живут множеством семей (а все их семьи меньше, чем ваша, Блэкни. Много семей в одном большом доме). Но на планете, где жили мы, было иначе. У каждой семьи был свой собственный дом. И мы тоже собираемся жить отдельно. Поначалу поселимся впятером в новом доме, который построим возле мельницы, а как только сможем — выстроим второй...

Он замолк, беспомощно оглянулся на жену и друзей. И начал сначала:

— Мы надеемся, что вы нам поможете. Мы готовы платить: вы даете нам еду и одежду, а мы мелем вам муку и пилим дрова. Мы поможем отремонтировать вашу мебель, станки, пришедшие в негодность полы, стены и крыши. И, в конечном счете...

Увы, Роберту так и не суждено было объяснить, что произойдет в конечном счете. Выше его сил оказалось даже растолковать Блэкни про новый дом. Ни один Блэкни не откликнулся на его просьбу. Роберт с Эзрой, соорудив ворот и систему блоков с талями, сумели-таки (с помощью двух женщин) отстроить небольшой домик. Блэкни больше не показывались, зерно на помол никто не приносил. Изготовленные на лесопилке обшивные доски так и лежали без движения невостребованные.

— У нас кончаются припасы, — сказал Роберт, заглянув однажды вместе с Эзрой в Дом Блэкни. — Мы хотели бы купить у вас еду. Мне очень жаль, что вы воспринимаете все это так болезненно. Пожалуйста, поймите: дело вовсе не в том, что вы нам не нравитесь. Просто мы хотим жить, как привыкли. В своих собственных домах.

Повисшее молчание нарушил какой-то крохотный Блэкни.

— Что такое «домах»?

На него тут же зашикали и заодно уверили:

— Нет такого слова, эй.

— Мы собираемся попросить у вас кое-что взаймы, — продолжал Роберт. — Зерна, татотравок — столько, чтобы хватило до урожая, и пару-тройку голов скота. Ну как, дадите?

Если не считать Билла Белобрысого, который, сгорбившись у очага, бормотал свое: «Гребем кругом, кругом гребем, кругом», — Блэкни продолжали хранить молчание. Таращились и без того выпученные голубые глаза, лица побагровели, пожалуй, больше обычного, тряслись под длинным крючком широкие дряблые губы.

— Мы только попусту теряем время, — сказал Эзра.

Роберт вздохнул.

— Что ж, друзья, у нас не остается иного выхода... Мы просто вынуждены забрать то, что нам необходимо. Но мы заплатим, как только сможем, причем вдвое против того, сколько все это стоит. Если вам понадобится наша помощь, приходите в любое время. Я уверен, мы снова станем друзьями. Мы должны быть друзьями. Ведь, кроме нас, на этой планете никого нет. Мы...

Эзра подтолкнул Роберта локтем и увлек прочь. Они взяли фуру с лошадьми, подводу с парой быкоблюдков, съестные припасы, коров и овец, годовалого бычка и барана-стригунка, несколько рулонов ткани, семена. Никто им не мешал, не пытался задержать. Роберт оглянулся и долго смотрел на молчаливых Блэкни. Впрочем, вскоре он отвернулся и стал глядеть вперед, на дорогу.

— Хорошо, что наш дом у них на виду, — заметил Хаякава ближе к вечеру. — Он служит как бы постоянным напоминанием. Я убежден: рано или поздно они к нам придут.

Блэкни пришли гораздо раньше, чем он думал.

— Как я рад видеть вас, друзья! — радостно приветствовал их Роберт.

Они же схватили его и неумело связали. Потом, не обращая внимания на его вопли: «За что? За что?» — ворвались в новый дом, выволокли наружу Суламифь, Микихо и малютку, вывели на волю всех животных, но ничего больше не взяли. Потом взялись за печь — они разворотили ее, разбросали повсюду тлеющие уголья, зажгли кто ветку, кто щепку, кто жгун. Вскоре дом охватило пламя.

Казалось, Блэкни окончательно обезумели. Багровые лица, глаза вот-вот выскочат из глазниц, дикие вопли — ничего не разберешь. Эзру, который работал под навесом и прибежал на шум, повалили наземь и принялись дубасить поленьями и палками. Когда Блэкни утихомирились, стало ясно, что ему больше не встать. Микихо протяжно завыла.

Роберт на какой-то момент прекратил сопротивляться. От неожиданности Блэкни ослабили хватку, он вырвался и с криком: «Инструменты! Инструменты!» — бросился прямо в огонь. В тот же миг со страшным грохотом обрушилась крыша. Суламифь потеряла сознание. Тонюсенько, пронзительно заверещал младенец.

Блэкни словно очнулись — быстро обложили навес со всеми механизмами и инструментами, мусором и хламом и, не мешкая, подожгли.

Пламя поднялось до небес.

— Неправильно, неправильно, — твердил на обратном пути Боб Рыжий.

— Плохое дело, — соглашалась Мэри Коротышка.

Суламифь с Микихо кое-как плелись следом за Блэкни. Ребенка несли Мэри Верзила. Она напевно мурлыкала:

— Ребенок малышка, ей-ей.

Старый Билл Белобрысый никак не мог избавиться от сомнений.

— Быть дурной крови, — сказал он и пустился в размышления вслух: — Женщины других нарастят больше ребенков. Молчок, молчу. Учить их как следует. Пусть никак не смешноходят, так-то. — Он закивал, широко осклабился и уставился в оковид. — Неправильно было. Неправильно. Еще один дом. Небыть никогда еще один дом, ни второй, ни третий. Ей-ей! Небыть никогда других, как этот Дом. Нет.

Он посмотрел вокруг, охватил взглядом стены в трещинах, просевшие полы, провисшую крышу. В воздухе слегка попахивало гарью.

— Дом, — произнес он блаженно. — Наш Дом!

Перевел с английского
Владимир МИСЮЧЕНКО

Александр
Кабаков

ТОСКА ПО РОДИНЕ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

МОТИВ

А поначалу какими безобидными созданиями виделись нам герои А. Дэвидсона!.. И сколь трагически неожиданным на фоне патриархальной безмятежности оказался исход. Вечную дилемму, что лучше: свобода незащищенной личности или защищенность личности несвободной — автор и не пытается разрешить, лишь добавляет очередную горькую ноту. Но ведь специалисты в этом вопросе нам хорошо известны. Это мы с вами, уважаемые сограждане. Правда, писатель А. Кабаков полагает, что над этим вопросом нам предстоит мучиться еще и в грядущем веке, куда автор отправил персонажей нового романа «Последний герой», который издательство «Вагриус» планирует выпустить в свет в конце этого года. Любители фантастики, помня «Невозвращенца», будут весьма удивлены картиной нашего будущего, нарисованной в романе, и мы непременно предоставим автору возможность оправдаться перед читателями в ближайших номерах нашего журнала. Ну а пока останемся в XX веке и вместе с писателем попытаемся рассмотреть этот вопрос не в социальном или философском, но в эстетическом ключе.

Есть в Москве несколько домов, облик которых сложился не только по архитектурному замыслу, но и в связи с таким житейским обстоятельством, как смерть от инсульта семидесятитрехлетнего старика. Их начинали строить как высотки, но после пятьдесят третьего года быстро завершили, отказавшись от средней, собственно высотной, со шпилем, части. Так они и остались: плоские мощные квадраты с невысокими башенками по углам, остановленные на полпути к небу символы величия маленького покойника. В некоторых из углоаых башен живут люди, там помещаются крайне неудобные, но невероятно изысканные квартиры, двухкомнатные, но при этом двухэтажные, с тесными кухнями, самодельными ванными и уборными, заставленные и заваленные, естестаенно, старомосковским барахлом.

...Итак, я поднялся в старом, с сетчатыми дверями лифте до девятого этажа, потом еще на один марш по лестнице, отпер железную дверь в прожилках ржавчины и вышел на залитую гудроном крышу. Сиреневое московское небо, чуть припорошенное золотом мелкой городской пыли, летело над этой огромной, усеянной неаысокими трубами под металлическими зонтиками и бетонными коробками, крышей. Несколько венских стульеа с рваными плетеными сиденьями стояли вокруг овального раздвижного стола на толстых квадратных ножках. Стол был застелен вязанной крючком скатертью, на нем стояла штампованная алюминиевая многоэтажная ваза с белой и красной черешней. Над столом на длинной, косо висящей проволоке качалась лампа под жестяным колпаком.

Я открыл дверь своего жилья.

В тесной прихожей на стене висели мужской и дамский велосипеды харьковского завода со свернутыми для экономии места набок рулями. Спицы мужского были переплетены цветным проводом, а женского скрыты под разноцветными сетками. Рядом с велосипедами висело чешуйчато переливающееся жестяное корыто, а под ними стояла гигантская прямоугольная плетеная корзина с крышкой, запертой маленьким висячим замком. Возле рогатой вешалки приткнулись мужские галоши с красной байковой подкладкой и слегка надорванными задниками и дамские резиновые ботики с пряжками сбоку и оставленными внутри них туфлями. Тощими складками свешивался зацепленный за один из рогов вешалки-цепочкой макинтош сизовато-серого коверкота, рядом с ним обвисло дамское пальто из бордового драпа. А на самых верхних рогах вешалки болтались зеленая велюровая мужская шляпа и маленькая дамская шляпка-«менингитка».

Я прошел в кухню. Низенький пузатый холодильник «Газоаппарат» хлюпал и задыхался, в эмалированную раковину с черными пятнами сколов редко капала вода из крана, газовый счетчик неумолимо нааисал над плитой. Я положил покупки на стол, покрытый кремовой медицинской клеенкой, — что делать, достать цветную почти невозможно.

В комнате выпуклым тусклым глазом линзы глянул на меня «Ленинград» — гордость дома: аппарат, совмещающий телевизор и радиолу. Слева от него громоздилась «хельга», еще один предмет моей роскоши — огромный шкаф-буфет со стеклянной дверцей в средней, более низкой части, со скругленными, обтекаемыми углами и большим количеством медных накладных полосочек и уголков. Справа же аозвышался вовсе не гармонирующий с этими чудесами современной моды и комфорта платяной шкаф из потертой и потрескавшейся фанеры, с мелкими стеклянными переплетами в верхней части узкой дверцы и зеленоватым зеркалом в широкой. Посередине комнаты, под ребристо-круглым оранжевым абажуром с длинной шелковой бахромой стоял круглый стол, края вишневой плюшевой скатерти свешивались до полу, а в центре стола, на ажурной белой салфетке сверкала узкая к середине, высокая лиловая ваза с «золотыми шарами», сорванными минувшей ночью в соседнем дворе.

Я сел на кожаный диван, привалился к потертому и потрескавшемуся валику, закинул руки за голову, закрыл глаза... Когда я откинулся, мраморные слоны на полочке, которой венчалась спинка дивана, пошатнулись и тихо стукнули друг о друга. Закатное солнце, горячий поток которого тюль на окне рассекал на тонкие струи, согрело веки.

Когда я открыл глаза, она уже накрывала стол к ужину, а по телевизору передавали концерт. Пел Бунчикоа, читал Смирнов-Сокольский. Она поставила шпроты, тарелку с ломтями языковой колбасы в коричнево-красно-кремовую шашечку, бутылку любимой ею «рябины на коньяке» и пару бутылок темного «мартоаского» пива для меня. В треснутую, невесть от кого оставшуюся гарднеровскую салатницу она выложила из влажного пергамента, обнаружиашегося анутри банки, крабов, а на десертную кузнецовскую тарелку с отколотым краем — брынзу из «Армении». Широкий подол ее кремового, в голубых цветах, крепдешинового платья взвивался и закручивался, не поспевая за ее мелкими и быстрыми шагами, и пробковые подошвы молочно-белых босоножек часто стучали по крашеным доскам пола и беззвучно переступали, попадая на пересекавшие в разных направлениях комнату узкие дорожки из лоскутов.

Я выключил телевизор — заодно вытащив из воды очередную попавшую в линзу муху — и аключил приемник. Футбольный комментатор очаровательно затараторил после торжественных позывных, там-там-та-ра-ра-ра-ра-там-там, матч уже начинался, я представил толпу не добывших билета возле «Динамо», мальчишек в тапочках с обернутыми вокруг щиколотки шнурками и конных милиционероа, аозвышающихся над толпой.

Мы выпили и поужинали, и я принес из кухни свою главную покупку — торт из мороженого в квадратной высокой коробке из прогибающегося картона, разрезал бумажный коричнеаый шпагат, и открылись твердые розочки, кремовые вензеля и плоские шоколадки по углам.

Теперь по радио шел спектакль, «театр у микрофона», голоса Яншина, Аб-

рикосова и Целиковской легко узнавались, в студии с шумом падал дождь, гремел гром и скрипели тележные колеса — играли классику.

Вот и счастье, сказала она, глядя через стол зеленовато-желтыми, оттенка свежего цветочного меда, глазами, вот и счастье — мир и покой, свобода быть вместе... Я не успел возразить ей, не успел сказать: потому и счастье, что ненадолго, и покой лишь иллюзия, а свобода...

В дверь постучали и тут же распахнули, вошли, затопали в прихожей, ступили в комнату. В темных прорезиненных плащах (я знал тввкие, обратная сторона у них а мелкую черно-серую клетку), в суконных темных кепках с большими квадратными козырьками. В связи с войной, развязанной американскими империалистами и их марионетками против корейского народа, сказал один, а такжв в соответствии с политикой партии по искоренению коспомолитизма, аредительства и мелких хищений государственной и колхозной собственности, добавил другой, и как уклоняющиеся от направления на укрепление среднего руководящего звена колхозного села, вспомнил третий, как агенты диверсионного сионистского центра, изаестного как так называемый Антифашистский комитет, конкретизировал четвертый, и поскольку никогда не скрыаали чуждое социальное происхождение, заключил пятый, и, кроме того, в выполнение исторических решений о красном терроре, монументальной пропаганде, новой экономической политике, головокружении от успехов, перегибах на местах, национальной по форме, социалистической по содержанию, панике и паникерах, самовольно отошедших от занимаемых рубежей, сдавшихся врагу, пособничавших оккупантам, не отработавших по распределению после окончания вуза, нарушающих рисунок танца, поддавшихся буржуазным теориям чистого искусства и положения над схваткой, распространяющих заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй, пропели остальные...

Когда мы спускались, я оглянулся и сказал ей — видишь, счастье потому и счастье, что ненадолго.

Но красиво, возразила она, ведь красиво же.

Красиво, согласился я.

Башня тем временем уже рушилась, летели в разные стороны тряпки, черепки, куски старого железа и дерева, в кирпичной пыли смятым желтком мелькнул абажур.

Собственно, выбор у вас есть, сказал злой следоаатель, либо никогда никакой красоты, никаких фокусов (он отдернул занавеску на окне, и мы увидели тоскливый город, чистый, тихий, окна светились голубоватым, неживым), вот, пожалуйста, и без фантазий...

. либо, сказал добрый следователь, все сначала, и мы придем опять в любую минуту.

Мы сделали выбор сразу — слава Богу, мы были вдвоем. Любовь, будучи, конечно, сама иллюзией, от других иллюзий, в том числе и от очень опасных, предохраняет. Но башня, наша башня — ох, как же там было прекрасно!

БОРЬБА МЕЖДУ прекрасным и полезным есть реальная форма основного конфликта человеческого существования, гораздо более реальная, чем теоретически обоснованная борьба классов; наций, народов и государства; старого и нового — по сути, это одно из главных проявлений борьбы зла и добра. То, что в расхожем сознании эти две полярные вещи объединяются (на основе, кстати, пошло истолкованных великих максим, вроде «красота спасет мир» или «красиво то, что целесообразно»), являет пример типично человеческого обольщения. Примером еще одной подобной иллюзии может служить соединение в одном историческом лозунге «свободы» и «равенства», в то время как эти состояния конфликтующие и, практически, взаимоисключающие. Можно и смерть считать частью жизни, завершением ее, но ведь это же не так: небытие земное полностью отделено от земного бытия, а жизнь вечная вовсе не есть продолжение земной жизни в ином виде — лишь промысел Господень связывает их. Только аеличайший гений способен воспринять и передать нам понимание противоречий такого масштаба, причем передать в легко доступной для нас форме. Пока мы живы, смерти нет, а смерть придет, так нас не будет — и все. Или: счастья нет, а есть покой и воля (свобода). То есть либо счастье (которого нет), либо покой и свобода. Следовательно, если бы возможно было счастье на этом саете, то не в услоаиях покоя, мира и реальных свобод. Оно, пожалуй, было бы возможно — счастье, упоение — в бою и на краю мрачной бездны, что очень далеко и от покоя, и от свободы.

Русская жизнь середины девяностых годов двадцатого века, не будучи более трагической в обычном понимании, чем русская действительность начала и середины столетия, да и многие другие национальные ситуации тех лет, все же в некоторых отношениях представляет собой уникальную драму. Уникальность состоит в том, что противостояние эстетического и этического стало фундаментальной частью существования культуры, а наиболее активная в осмыслении жизни часть общества в этом противостоянии безусловно переходит на сторону эстетики. Опять же, следует добавить, что примерно то же самое происходит и в других странах — опроаергая таким образом еще раз тезис об абсолютной особости нашего национального опыта, но нас, конечно, прежде всего интересует происходящее дома.

Свобода, пришедшая а Россию на смену тоталитаризму, и свобода от исходящей со стороны советского режима угрозы, пришедшая во враждебные коммунизму страны с их победой а «холодной войне», чреваты оказались одним и тем же: покой и воля как единственно достижимая альтернатиаа счастью совершенно неприемлемы для людей, произаодящих культурные, особенно художественные ценности. В той же мере неприемлемы, в какой необходимы для производящих ценности цивилизационные. Интеллигенция повсеместно затосковала по Большому Стилю, пренебрегая тем, что в заканчивающемся веке — как, собственно, и всегда — он существовал лишь вместе с Большим Террором. Восхищение мощной красотой последних империй и художественной полноценностью их культурного наследия постепенно переросло в понимание имперских идеологий и примеривание их на постмодернистский бал-маскарад: от мисимовского самурайства до харитоновского антисемитизма, лимоновского пролетарского авантюризма и ерофеевского любования цветами зла.

Заметим, что эта эстетическая ностальгия отлично сочетается с ностальгией социальной, с тоской не умеющих выживать в условиях экономической свободы по гарантированной пайке в ампирно оформленном бараке. Уже в который раз маргинальность «пролетариев умственного труда» становится взаимодополняющей с маргинальностью просто пролетариев. К чему прежде приводило такое взятие в клещи «срединного», среднего человека, обывателя и созидателя, а не разрушителя, держащего на своих плечах цивилизацию, под ногами которого вдруг начинают скользить и колыхаться и идейные, и практические опоры — к чему это ведет, изаестно.

С другой стороны, положение, создаашееся сегодня, естественно и неизбежно. Ностальгия — совершенно нормальное человеческое чуаство, свойственное в той или иной мере каждому. Теперешнее использование этого слоаа для обозначения не только тоски по покинутой родной стране, родному месту, но и по ушедшему времени, в сущности, вполне точно. Поскольку арemя, в котором мы осознали себя, есть наша родина в такой же степени, как территория, предположим, с резко континентальным климатом и смешанными лесами, в которых часто встречается береза.

Я хорошо понимаю непреодолимость такого рода ностальгии, потому что, не будучи совершенно подвержен тоске по ретроидеологиям, не принимая их ни в малейшей степени, будучи абсолютно твердокаменным антикоммунистом (и антифашистом, конечно, хотя при фашизме не привелось жить) — тем не менее отчетлиао ощущаю имперские пристрастия, особенно в бытовой эстетике.

Между прочим, они отчасти отразились в моем фильме «Десять лет без права переписки», только там один из героев живет в доме на крыше «дома правительства», «дома на набережной»... Точно так же страсть к барахлу, которое должно заполнять это жилье, отразилась в антураже действия существенной части моего нового романа «Последний герой».

Если бы я мог аыбирать, то уж, конечно, поселился бы не в «улучшенной планировке» брежневской номенклатуры, и не в «европейском ремонте» нынешних удачников-камикадзе и даже не в одном из их же «коттеджей шведского стиля» — нет, в башенке на крыше ствлинской недоделки, вот мечта!..

А & От автора.

Красота, Стиль, История, Драма притягательны. Устоять перед этими соблазнами можно только вцепившись в Любовь. Вот, собственно, и все — по крайней мере, мне это помогает в выборе.

Микромотор для операции на сердце

Исследователь Эрнест Гарсиа из лаборатории Sandia в Калифорнии (отделение электромеханических составляющих) утверждает, что им удалось создать самый быстрый в мире электрический мотор. Этот механизм развивает скорость аращения до нескольких сотен тысяч оборотов в минуту, тогда как большинство современных двигателей не достигают скорости и 100.000 оборотов в минуту. Кроме того, он сверхминиатюрен.
Принцип действия этого моторчика основан на преобразовании прямолинейного движения во вращательное.
Получаемая таким образом энергия заставляет работать медицинские микроинструменты, используемые, например, для раскупорки артерий, разрушения больных клеток и для других «ювелирных» операций.

Вторая жизнь макулатуры

Огромное количество использованной бумаги пока попросту разбазаривается, вместо того чтобы идти на переработку.
До сих пор было невозможно полностью очистить макулатуру от чернил и типографской краски, что необходимо для получения качественной бумаги.
Однако профессор бактериологии из униаерситета Wisconsin-Madison (США) Том Джеффри считает, что все может измениться. Он обнаружил фермент, который способен полностью очистить использованную бумагу. Этот процесс не очень дорогостоящий и позволяет сократить количество используемых в бумажной промышленности химических веществ. Испытания новой технологии в промышленных условиях начались уже в ноябре 1994 года.

Хранитель Амазонии

Понадобится шесть лет работы для того, чтобы ввести в строй уникальную, единственную в мире систему наблюдения за лесами Амазонки.
Она получила название Amazon Surveillance System (Sivam) и должна охватить 5 млн. кв. км.
Цель ее создания — избежать разграбления природного заповедника, который дает убежище по меньшей мере половине животных и растительных видов планеты.
Эта электронная сеть наблюдения будет использовать спутник Landsat, наземные радарные станции и т.д., а базироваться станет в столице Бразилии.

И в Европе не лыком шиты...

Предпоследние испытания стартовых РДТТ ракетных ускорителей прошли недавно на космодроме Куру.
Тяжелый европейский носитель оснащен двумя такими ускорителями, содержащими 237 тонн твердого топлива. Каждый из них развивает тягловое усилие, равное тяге используемого в настоящее время носителя Ариан-4. Расположенные с двух сторон основной криогенной ступени, они дают 90 процентов общей мощности при отрыве от земли и работают в течение 30 секунд, прежде чем отсоединиться на высоте в 60 км.
Еще одно испытание должно состояться в конце года.
Напомним, что новый европейский носитель может вывести 18 тонн на низкую и до 6,9 тонны на геостационарную орбиту.

Солнечный свет и бытовые приборы

Все чаще солнечная энергия используется для питания бытовых приборов.
Фирма Swatch представляет новые «солнечные» часы.
Они снабжены миниатюрными фотобатарейками, аккумулятором и могут функционировать автономно от 62 до 100 часов.
Полная зарядка аккумуляторов длится 15 минут на солнце, 90 минут в облачную погоду и 6 часов при электрическом освещении.

Световая пушка сохраняет продукты

Для сохранения пищевых продуктов в Германии собираются использовать технологию, совсем недавно разработанную на калифорнийском предприятии Food Co., расположенном в Сан-Диего.
В новом методе используется очень интенсивный световой удар: вспышка в 20.000 раз более мощная, чем солнечное излучение, которая длится миллионную долю секунды. Этого достаточно, чтобы убить все бактерии, плесень и грибки на поверхности пищевых продуктов.
Световое излучение безвредно для витаминов и протеинов, так как воздействует только на поверхность. Помидоры после такой обработки сохраняют в течение четырех недель внешний вид и вкус только что снятых с куста, хлеб в пластиковой упаковке остается без плесени пятнадцать дней.

Запах как основа жизни

Исследователь Соломон Снайдер из Балтиморского университета Джона Хопкинса обнаружил у сперматозоидов рецепторы, содержащие молекулы-детекторы запахов, такие же, как и молекулы обонятельных рецепторов в носу. Они расположены сразу за головкой, там, где находится «мотор» зародышевых клеток. Ученый предполагает, что он обнаружил информатора системы «пилотирования» и выбора направления для встречи с овоцитами, которые выделяют особый запах.
Осталось только найти молекулу женского запаха.
Соломон Снайдер считает, что если это удастся, то можно будет создать мужской контрацептив, который «усыпит» обоняние сперматозоидов.
Потеряв ориентировку, они лишатся способности оплодотворять яйцеклетку.

Сверхпроводники из керамики

Голландские ученые из Лейденского университета объявили, что им удалось разработать технологию производства сверхпроводимых керамических волокон
Это открытие имеет огромное значение практически для всех областей техники, где используется электрический ток.
Процесс получения новых сверхпроводников заключается в бомбардировке ионами титана волокон сплава висмута, стронция, кальция и меди.
Новость уже вызвала интерес таких серьезных промышленников, как Holchst, Siemens, American Superconducteurs...
По мнению разработчиков, первые провода из керамических волокон промышленного изготовления могут появиться не позднее конца следующего года.

Александр Етоев

Экспонат, или Наши в космосе

Говорил тот, с багровой физиономией, который вывалился из корабля первым. В сильно мятом, в масляных пятнах комбинезоне, с продранными рукавами и коленями, ржавчиной на пряжках и на заклепках. И сам он был вроде как не в себе. Дергался, приплясывал, изгибался — может быть, от волнения, а может, сказывались последствия неудачного входа корабля в атмосферу. Кольца, сетки, фляжки, ножи, помятая стереотруба, два десятка непонятных приборов, оружие — все, что было на нем, скрипело, звенело, булькало, скрежетало.

— Эй, длинный! Ты, ты, нечего оборачиваться. Тебе говорю: что это за планета?

Желтый палец пришельца то попадал в Пахаря, то промахивался мимо и тогда начинал выписывать в воздухе странные танцующие фигуры. Другая рука краснорожего крепко заплутала в ремнях, оплетавших его, будто тропические лианы. Он то и дело дергал плененной рукой, желая вернуть ей свободу.

Пахарь стоял молча, положив локоть на соху и пальцами теребя густую рыжую бороду. Он чувствовал, как дрожит под сохой земля, и дрожь ее отдается в теплом дереве рукояти. Земля ждет, когда он, сын ее и работник, продолжит дело, взрыхлит затвердевший покров, и она задышит сквозь ломкие развороченные пласты. Но этот, чужой, и те, которые с ним, и то, что было за ними, — большая круглая штука, похожая на дерево без коры, — мешали доделать начатое.

Он стоял и молчал. Ждал, когда они уйдут.

— Ты что, глухой?

Пахарь молчал.

— Или дурак?

Он почувствовал зуд на шее под рыжими лохмами бороды. Муравей. Высоко забрался. Пахарь повертел головой, потом пальцем сбросил с себя докучливого путешественника.

— Я спрашиваю, планета как называется, а он мне башкой вертеть! Ты ваньку-то не валяй, знаем мы эти штучки.

Чужак, не дождавшись ответа, грозно насупился и подался на полшага вперед. Те, которые стояли в тени его широкой спины, качнулись было за ним, но удержались — видно, подумали, что безопасность тыла важнее.

— Что это у тебя за уродина?

Пахарь подумал: отвечу, может быть, тогда уйдут.

— Со-ха, — сказал он.

— Со-ха? — переспросил пришелец. — Жуть! Соха. Ха-ха.Ты ею чего, копаешь, или так?

Пахарь устал говорить. Одно слово — это уже труд. Но он сделал усилие и выговорил по складам:

— Па-хать.

— Па-хать, — повторил краснорожий и обернулся к спутникам: — Зубы о такие слова поломаешь. «Пахать».

Пахарь стоял не двигаясь. Он сросся с сохой, слушая гул земли. Но пока эти пятеро здесь, она и он, ее сын, будут терпеть и ждать.

Лицо Пахаря, заросшее дикой шерстью, его сильные, грубые руки, низко склоненные плечи — все в нем выражало полное безразличие к суете и словам пришельцев. Он смотрел на них и сквозь них. Так смотрят на свет сквозь пыльную чердачную паутину.

Ни интереса, ни страха, ни удивления — ничто не отражалось в его застывшей фигуре. Он просто стоял и ждал. И земля ждала вместе с ним.

Пришельцы, сбившись тем временем в кучу, о чем-то тихо шептались. Шепот то поднимался волнами, и тогда над поляной воронами вспархивали слова: «в рыло», «с копыт долой», «пусть подавится», — то утихал до ровного мушиного гуда. Наконец главный крикнул:

— Ну ладно, вижу, с тобой много не поговоришь. Давай-ка бросай эту свою со-ху. Полезай вон туда. Дырку в борту видишь? Люк? Туда и полезай.

Пахарь стоял неподвижно. Только рыжие лохмы подрагивали на ветру, и солнце перебирало по волоску густую его копну, добавляя к рыжему золотое.

— Ты чего, дылда, совсем уже в дерево превратился? В плен мы тебя берем. Плен, понимаешь? Такое правило, ну? С каждой планеты, даже такой задрипанной, мы берем по штуке местного населения. У нас там, — краснорожий показал на ракету, — таких охломонов, как ты, уже четыре клетки. Скучно не будет.

Пахарь его не слышал. Он слушал землю. Он ей отвечал. Она и он говорили. Так, неслышным для чужих языком, они могли говорить долго — сутки, недели, столько, сколько могло продлиться вынужденное ожидание. Земля была терпелива, она задерживала дыхание. Пахарь сдерживал внутренний ток тепла. Если бы сейчас к нему прикоснулся чужой, то почувствовал бы холодную, как у рыбы, почти ледяную кожу.

Но чужой стоял далеко. Что-то ему было от Пахаря нужно.

— Слушай, дед. По-хорошему тебе говорю. Полезай в люк. Не то будем говорить по-другому. Это видал?

Говоривший свободной рукой приподнял короткую, но увесистую трубу. От рукоятки она плавно раздувалась, потом, сходясь, выпрямлялась, а на конце чернел, не мигая, круглый опасный глаз.

— А это?

Чужак вытащил откуда-то из-за спины длинную-предлинную штангу. Он споро и ловко переломил ее на добрый десяток колен — и получилось колченогое металлическое существо, очень похожее на паука. Существо стояло неподвижно. Тогда краснорожий пнул паука ногой и кивнул в сторону Пахаря. В ответ на пинок паук заходил, запрыгал на пружинящих лапах, потом на секунду замер и как-то медленно, осторожно стал подбираться к Пахарю. Но подойти близко хозяин ему не дал. Чужак снова превратил паука в штангу.

— Ну чего, понял? Мы шутить не любим. Мы разведчики. Экспедиционный десант. Планета Земля — небось, и не слыхал о такой, деревня?

Ответа не было.

Вместо ответа что-то скрипнуло над поляной, как бы вздохнуло.

В ракете обнаружился небольшой овальный лючок, оттуда вместе с клочьями желтоватого дыма выдвинулся конический раструб рупора.

Группа стоявших на поляне землян уже на скрип напрягла скулы и развернула плечи. Когда же раскрылся зев рупора, краснорожий подпрыгнул строго по вертикали, расслабился на мгновение в воздухе, потом выпрямился и жестко опустился на ноги.

Он стоял тоньше лезвия сабли и такой же отточенный. Амуниция ему не мешала. Кроме того, в полете он повернулся, как стрелка компаса, на половину круга и стоял теперь к лесу передом, к полю задом.

Рупор заговорил. Голос его был с песком, словно заезженная пластинка, и звучал очень уж глухо, будто говорили не ртом.

— Старший лейтенант Давыденко...

— Й-а, тащ грал.

— Плохо, лейтенант. Не вижу темпов. Форсируйте программу контакта. Немедленно. От третьего пункта — теста на агрессивность — срочно переходите к четвертому: мирная пропаганда. Выполняйте.

— Есть, мирная пропаганда.

Рупор убрался. Овальная рана в борту быстро зарубцевалась.

Старший лейтенант Давыденко прочистил рот крепким горловым «га» и приступил к четвертому пункту программы.

— Слышь, дед. Соглашайся, а? На Земле у нас, знаешь, как хорошо? Малина. Жить будешь в отдельной клетке. Клетка теплая, остекленная. Отличная клетка. Это не какая-нибудь тебе хибарка из соломы или вонючая яма в земле. Жратвы будет — во! Делать ничего не надо. Ни пахать, ни сеять. У нас — автоматика. Ты — экспонат, понимаешь? Люди придут, на тебя посмотрят. Во, скажут, ну и дед! Где такие деды водятся? А на клетке табличка. Ага, скажут, планета такая-то, звезда, созвездие, все путем. Ну как?

Картины рая, которые он только что рисовал, должно быть, подействовали на самого лейтенанта. Наверное, ему стало жаль себя, не имеющего угла, мотающегося по пространству, как безымянный неприкаянный астероид.

Лейтенант выдержал положенную по инструкции паузу. Пахарь молчал, и Давыденко решил: хватит. Пора кончать. Время переходить к делу. Еще минута, и все. Надо бородатого брать. Такова программа контакта. Пункт пять.

— Эй... — начал он и осекся.

Потому что с местным творилось что-то уж очень неладное. Вроде как он стал короче.

Лейтенант соображал. Он протер рукавом глаза, и пока протирал, дед заметно укоротился.

— Черт! — сказал Давыденко и повернулся к своим товарищам. А вдруг они что-нибудь понимают в творящемся безобразии. Но те смотрели сквозь главного такими детскими безоблачными глазами, что лейтенант понял: эти ему не советчики.

От деда оставались буквально плечи, руки и борода. Да на земле перед ним стояла, прикрывая его, словно парижская баррикада, та безлошадная дедова соха, на которую он только что опирался.

— Куда? Эй! — закричал Давыденко. — Стой!

Из-за спины лейтенанта высунул голову некто худой, щуплый, в очках и с лаковой бороденкой.

— Я знаю, я знаю... — Голос его срывался, как у всякого выскочки, стремящегося опередить других.

— Я сам знаю, — сказал лейтенант, как отсек. Очечки враз стали тусклыми и погасли.

А Давыденко уже командовал:

— Рябый, Герштток, Сенюшкин. Быстро. С лопатами. Дед под землю уходит. Вон, одна плешь торчит. Скорей! Ибрагимов — на помощь. Черт, весь ушел! Копать. Ибрагимов, чурка безмозглая! Да не причиндатором, а лопатой! Отставить причиндаторы, кому говорю!

За спиной лейтенанта стало просторно, там загулял ветерок.

Впереди над полем взлетали и падали белые черенки лопат. Локти копающих ходили мерно, как рычаги.

Пришельцы копали планету. Планета не сопротивлялась. Планета была умна. Пахарь продолжал делать дело руками пришлых людей.

Ком земли, прошитый белыми волосками корней, откатился к сапогам старшего лейтенанта. Лейтенант вдавил свой каблук в эту зыбкую земляную плоть, и на земле отпечатались мелкие паучки звезд, забранные в контур пятиугольника, — эмблема Космофлота.

— Пусто, — сказал лейтенант, заглядывая за спины землекопов. — Никого. Неужто ушел в глубину?

Опять засверкали стекла очкастого выскочки.

— Товарищ лейтенант, я, кажется, понимаю...

— Во-первых, старший лейтенант, а во-вторых — как тебя там...штаб... штуб?..

— Космозоолог Герштейн.

— Так вот, зоотехник Горшков, понимать — это моя забота, а твоя — молчать и копать.

Тут острие лопаты бортинженера Сенюшкина и его запотевшее от труда лицо повернулись в сторону леса.

— Холмик, товарищ старший лейтенант. Там. Левее того пенька. Раньше вроде бы не было.

— Говоришь, не было? — Давыденко надавил пальцем на правый глаз.— Пожалуй, и правда не было. Ах, дед! Ах, зараза! Мы, как гады, копаем вглубь, а он, падло, по горизонтали чешет. Сенюшкин. Ибрагимов. И ты, зоотехник. Всем к тому холмику. Быстро. Копать.

Солнце неподвижно стояло в воздухе. Тень от ракеты, как упала когда-то, развернувшись на земле мутной пепельной полосой, так и продолжала лежать. Она чувствовала себя здесь хозяйкой.

Холмик вскоре исчез, превратившись в могильную яму.

По черенкам лопат, по зазубренным лезвиям скатывались желтые горошины пота. Люди трудились. Солнце стояло. Поляна превращалась во вспаханное поле. Земля знала, что делает.

— Вот он. Всем туда. Герштток. Ибрагимов.

И опять: пот, труд, могила.

— Ушел. Ну, ловкач. — Давыденко сплюнул в очередную вырытую траншею. — Нет, так дело не пойдет.

Плевок еще не впитался в землю, а лейтенант зигзагами, как положено, уже бежал к ракете. Подойдя к самому борту, он снял с ремня стереотрубу и с размаху ударил ею по обгорелой обшивке. Потом ударил еще. Второй удар был короче. Сделав два условных удара, лейтенант задрал голову вверх и заорал что есть мочи:

— Там, на борту! Срочно спускайте экскаватор. Закопался чертов экспонат, без экскаватора не отроешь!

Рядом с лейтенантом встал малогабаритный землеройный автомат типа «Урал», управляемый голосом.

— Слушай мою команду. — Лейтенант взял власть над машиной.

Экскаватор его команду почему-то не слушал. Он стоял как стоял, даже дрожь прошла.

Давыденко не стал смущаться. Смущаться лейтенант не любил. Решив, что машина, может быть, слегка глуховата, он добавил голосу грома:

— Слушай мою команду.

Глухонемой экскаватор стоял без движения.

Сенюшкин, бортинженер, тихонько, как бы разговаривая с лопатой, сказал:

— Белая кнопка на пульте. Питание.

— Ага, — вдруг прокричал Давыденко, хлопнув раструбом причиндатора о бедную стереотрубу, — а питание? Идиоты! А питание кто подключать будет? Белая кнопка на пульте. Совсем отупели, бездельники.

Он кулаком пригрозил ракете.

Через пару минут машина уже тарахтела, раскладывая по полю ровные кучи земли.

Время шло незаметно. Азарт поисков несколько поутих, но приказ есть приказ — без экспоната на орбиту не возвращаться. И хотя начальство находилось там, на орбите, распивая чаи на флагманском корабле, и генеральский голос был не самим голосом, а всего лишь радиослепком, усиленным для пущего трепету, но лейтенант в службе был тверд и спуску подчиненным не давал.

То и дело кто-нибудь из землян кричал, показывая на кочующий по поляне холмик.

Послушный «Урал» переползал в указанном направлении, и скоро новая яма добавляла пейзажу дополнительную глубину и симметрию.

Все бы хорошо, только вот холмик норовил играть в свои прятки все ближе и ближе к ракете. И экскаватор в роли водящего соответственно тоже.

Не известно, кто заметил первый, да и неважно, но солнце вдруг словно проснулось, и тень от корабля, до того дремавшая в неподвижности, поползла, поползла, словно кто ей хвост прижигал.

Собственно говоря, заметили движение не солнца, а тени, потому что смотрели не вверх, а вниз, в терзаемую машиной землю. А когда посмотрели вверх, ахнули. Корабль превратился в легендарную башню из Пизы. Он стоял, страшно кренясь, и крен на глазах увеличивался. Ракета заваливалась на сторону.

— Ай, — закричал лейтенант как-то по-детски обиженно и с досадой, но тут же себя осадил, и его бессильное «ай» превратилось в громкое командное «Эй!».

— Эй, там, на борту! Спите вы, что ли? Ракета падает! «Ногу» давай, «ногу»!

Наверху, видно, не поняли, потому что из люка вместо опоры показалась обутая в сапог нога.

— Да не ногу, а «ногу»! Не ту ногу, дурак! Кто там, на двигателе? Цедриков, твою так! Табань вторым боковым. Ракета заваливается! И «ногу», дополнительную опору по четвертому сектору!

Из борта полезла «нога». Это была гладкая полированная телескопическая конструкция с ребристой платформой вместо стопы. Одновременно затянул свою волчью песню боковой двигатель, и струя газа, выбивая из почвы пыль, сдобрила воздух поляны новыми ароматами.

Ракета перестала заваливаться и быстро пошла обратно.

— Не спят, черти. Работают, — похвалил лейтенант. Потом повторил громче, чтобы услышали на борту:

— Работают, черти. Тянут.

Он хотел похвалить еще, но, видно, и того, что сказал, хватило — перехвалил. Двигатель продолжал реветь, а ракета, быстренько миновав вертикаль, уже заваливалась на другую сторону.

Как ни орал Давыденко, как ни размахивал кулаками, как ни крутил палец у набухшего от крика виска — все зря. Будто огромный бидон, полный звонких и хрупких стекляшек, ракета упала на кустарник и низкие деревца, росшие по краю поляны. Тень ее, верный слуга, бросилась к ракете на помощь, но сдержать удар не смогла...

Команда понуро стояла за спиной своего командира. Лишь экскаватор послушно кряхтел на поле, как будто ничего не случилось, как будто не он, а дядя довел дело до беды.

Первым пришел в себя лейтенант. Ему по званию полагалось прийти в себя первым. Вот он и пришел.

— Не унывай, хлопцы, — сказал Давыденко бодро. — За мной.

Лейтенант впереди, за ним остальные двинулись к поверженному кораблю.

Корабль молчал. Мертвая телескопическая «нога», как вражеское копье, торчала из его большого бездыханного тела.

Тогда Давыденко стал осторожно выстукивать рупором по корпусу сигналы азбуки Морзе. Стучать громко, тем более помогать стуку голосом, он не хотел.

Внутри корабля что-то охнуло. Или кто-то. Потом они услышали скрежет и поняли, что изнутри открывают люк.

Из отверстия показалось круглое лицо Цедрикова, оператора.

— Связи с флагманом нет. Связисту Бражнину отшибло слух. Начисто. А без связиста аппарат — что электроутюг без тока.

— Утюг, — согласился Давыденко.

— Мое дело маленькое, — продолжал оператор, — ответственным за операцию назначили тебя, вот ты и думай, как нам отсюда выбираться.

— Утюг... без тока. — Давыденко все никак не мог переварить образ, нарисованный оператором.

— Вот именно. — Цедриков от досады стукнул кулаком по обшивке.

— Знаю! — Лейтенанта внезапно осенило. — Знаю, как передать на орбиту сообщение. Черт с ним, с утюгом. Рябый, когда здесь темнеет?

— Через четыре часа по земному времени, товарищ старший лейтенант.

— Отлично. Будем жечь лес.

— Как? — это сказал оператор.

— Будем выжигать лес в виде сигнала SOS, чтобы увидали с орбиты. Слушай мою команду! Рябый, Сенюшкин, Ибрагимов. Ты, Цедриков, и давай сюда Бражнина. Это ничего, что оглох. Не ушами будем работать. Все на прорубку просек! Лопаты отставить, всем взять топоры. И быстренько, пока не стемнело.

Когда утром следующего дня аварийный подъемник поднимал их всех на орбиту — невыспавшихся, перемазанных сажей и пеплом, из-за нехватки места перемешанных не по рангам в одну плотную кучу — кто-то (кажется, бортинженер) вспомнил аборигена.

Повздыхали в темноте кабины, и вдруг кто-то сказал:

— С этими геоморфами вообще трудно. Сейчас они люди, а через час — земля, глина или песок. И, главное, в таком состоянии они будут оставаться лет сто, если не двести. Ты уже помер, а он встанет себе, и дальше пахать.

Лейтенант от этих слов чуть об потолок не ударился. Хорошо, уберегла теснота кабины, а так бы наверняка подскочил.

— Что ж... что ж... — Он запнулся, не зная, что говорить дальше. От злости и досады на этого чертова умника, который разглагольствовал в темноте. — Что ж ты... — Он не видел, кто, но догадывался. — Зоотехник, что же ты раньше молчал?

Давыденко вдохнул и выдохнул.

— Планета геоморфов. Надо же! А с виду такой приличный старик. С бородой. И вел себя мирно.

Лейтенант представил широкий генеральский лампас, в который скоро упрется его виноватый взгляд, и сказал тихо и уже безо всякой злости:

— Утюг. Без тока. Эх ты, зоотехник...

Александр Никонов,

академик

АТЛАНТА НОРОВИТ ОБИДЕТЬ КАЖДЫЙ...

Самое примечательное в этой истории то, что бравый лейтенант силится понять значение слова «пахать». Видимо, наша пресса вконец запугала даже писателей-фантастов мрачными пророчествами о грядущем голоде в связи с исчезновением крестьянства. Меж тем, патриарх отечественной агронауки А. Чаянов говорил, что страна решит проблемы, когда всю тяжесть возьмет на свои плечи Атлант — русский крестьянин. Наш современник, последователь и ярый сторонник идей Чаянова А. Никонов, директор Аграрного института РАСХН, развивает мысль так: «Будьте уверены, плечи Атланта выдержат, если его не будут обирать, как у нас водится, правители, чиновники, банкиры, посредники, коммерсанты»...

Александр Александрович, в наше нестабильное, смутное времечко даже самые неисправимые оптимисты нет-нет, да и задумываются: а может, и вправду грядет беда, коль отечественного съестного нет на прилавках продмагов. А ну как заграница перекроет «кран»? Так возможен ли на рубеже веков в России голод?

— Конечно, нет. В любом случае производство сельхозпродукции у нас не прекратится. Несколько лет назад более 70 процентов продуктов питания производили колхозы-совхозы и 24 процента съестного «выдавали на-гора» частники. Сейчас на селе произошли крупные структурные изменения. Падает производство в хозяйствах, зато личный подсобный сектор чуть ли не удвоил свои усилия. На долю частника уже приходится 38 процентов продовольствия. Правда, личное подсобное хозяйство — скорее средство выживания людей, уповающих ныне больше на себя, нежели на государство.

Есть и другое обстоятельство. Наконец-то начался процесс создания крупного сектора хозяйств, работающих на кооперативной основе. Они вышли из колхозно-совхозной среды, но имеют большое будущее. Я всегда верил в кооперацию. Для того чтобы наладить полный цикл воспроизводства (от прикладной генетики до еды на прилавке) нужна система, работающая безотказно — в юридическом, экономическом, социальном плане. У нас же в условиях превратно понимаемого рынка части неделимого целого оказались обособленными. Крестьянин абсолютно не заинтересован что-либо производить, ибо за свой товар получает унизительные гроши. Между закупочными и розничными ценами на продукты питания образовался колоссальнейший разрыв, который бьет по карману и пахаря, и горожанина-едока. Зато кормится здесь несметная армия посредников и торгашей. Несколько лет назад у нас был брошен клич: «Даешь скорую и повальную фермеризацию страны!» А на главный опыт Запада чиновники закрыли глаза. Фермер без кооперации — пустое место. Именно в кооператиах платят по труду, там нет богатых и нищих. «Верхи» отчитываются перед «низами», а не наоборот. Кооперация не подвержена коррупции. Более того, она и нашими предками замысливалась как единственно верное средство борьбы с ростовщиками. Те когда-то сильно мордовали некооперированного русского крестьянина.

И вот, наконец-то, в целом ряде регионов страны начался поиск оптимальной модели кооперации. Например, в Тамбовской области кооперируются два района, почти пятьсот крестьянских хозяйств, товариществ, колхозов. При этом союзе создается кредитный банк. В Рязанской области объединяются садоводы...

Конечно, нам далеко до продуктового изобилия. Предстоит модернизировать сельское хозяйство, помочь ему встать на ноги. Но в качестве экстраординарного средства полностью обрубать импорт нельзя, даже если очень хочется поддерживать только своего, российского, товаропроизводителя. Импорт пока нужен. Однако он должен иметь скромные границы.

— Тем не менее официальные прогнозы неутешительны. Например, по данным экспертов Совета Федерации, в этом году у нас будет произведено лишь 2200 тысяч тонн мяса, в 1997-м — 2050 тысяч. А пять лет назад мы имели его в два с лишним раза больше. Прогнозируется дальнейший спад производства колбас и всех видов консервов, молока, масла, сыра, чая, безалкогольных напитков, даже мыла...

— Кормит нас не только индустриальный способ, но и сама природа: солнце, вода, почва. Правда, эти дары все же надо уметь использовать. Мы, например, уповаем только на минеральные удобрения, а про органические напрочь забыли. А в маленькой сытой Голландии на гектар поля их вносят по 20 — 25 тонн. То-то голландцы и себя кормят, и половину Европы подкармливают.

Да, падение производства в сельском хозяйстве налицо, но оно не столь обвальное, как, например, в промышленности. Это плюс. И тут же минус. Село будет медленнее подниматься из «пепла». Оно вообще более консервативно. Но это та консервативность, которая идет от особого образа жизни, тесно связанного с циклами природы.

И еще раз повторю: село спасет кооперация. А коль ее ноаые ростки появились, не верьте слухам о голоде. Я родился в начале века в деревне — бывшая Псковская губерния, потом — Латвия... И хорошо помню 20-е годы, нашу общину. Да, все вели индивидуальное хозяйство, обитали в хуторах. Но удобрения завозили на поля вместе, всем скопом друг другу помогали. Общей была и молотилка, ходившая по кругу. Чтоб речка при разливе не превращала землю в болота, создали мелиоративное товарищество. Деревня вообще привыкла кооперироваться, всем миром проблемы решать. Если ей еще и самоуправление доверить, отучить городских чиновников насаждать там свои инструкции и порядки, деревня-матушка и пахать будет в три силы, и раздражаться перестанет. А то вот, к примеру, поле, которое сто лет кряду пахалось и засевалось, дедами и прадедами пестовалось, нынче его какими-то готическими коттеджами застроили. Кто? Почему? На каком основании? Ах, сверху чиновник спустил директиву! Пусть сельский сход решает, кому и какую землю дать, а кому указать от ворот поворот. В любой доброй семье кормильца уважать принято. Только тогда он семью накормит.

— Александр Александрович, знаю, вас тревожит нынешняя хлебная ситуация. Помните, как правительство на старте жатвы гарантировало стране каравай сначала в 80 миллионов тонн, потом — в 70, а получили еще меньше. Эксперты уверяют, что за рубежом предстоит закупить в нынешнем году семь, а то и больше миллионов тонн продовольственного зерна. Но за границей год тоже выдался засушливый. А значит, мировые цены на хлеб обещают быть очень высокими. В то же время у своих крестьян хлебушек российский правительство не закупает — нет денег. Скупают его коммерсанты. Они и продиктуют нам в очень скором будущем свои цены. Что вы думаете по этому поводу?

— Нам, конечно, не хватит наших нынешних запасов продовольственного зерна. И зерна вообще. Ученые давно предупреждали, что грядет засуха, с каждым разом она будет учащаться и обостряться: и в силу глобального изменения климата на планете, и в силу того, что мы не в ладах с экологией.

А крестьяне, кстати, если и будут продавать правительству свой хлеб, то весьма неохотно, потому что оно вовремя не расплачивается с ними. Доверие пахаря к правительству утрачено (у Горького есть фраза: «Совесть издохла»). Между тем государство обязательно должно иметь свой хлебный фонд. Можно по-разному относиться к Ленину, но он был глубоко прав, когда сказал: государство, продовольственным фондом не обладающее, — это ничто.

— Хлеб, как известно, на приусадебном участке не культивируют, не те площади. Он — прерогатива крупного хозяйства. А курс на кооперацию взяли пока лишь немногие. Зато очень многие нынче ходят в банкротах.

— Да, сегодня свыше 70 процентов бывших совхозов-колхозов — убыточные единицы. В прошлом году, если быть точным, таковых насчитывалось 13.400. А в 1990 году — 0,7 тысячи, а 1991-м — 1,3 тысячи... Но давайте рассмотрим для объективности два возможных варианта развития событий. В худшем случае банкротами станут практически все. Это если на селе не добьются самоуправления, не возродится кооперация, будут продолжать душить деревню диспаритет цен, монополизм переработчиков и торговли, дикая инфляция. Село станет производить ровно столько продуктов питания, сколько потребно ему самому для прокорма, ну и городским родственникам.

Совсем иная картина возникнет, если будет пересмотрена аграрная политика государства. Тогда к 2000 году мы многое из утраченного сможем вернуть, восстановить, быстро наладить объем производства, особенно в растениеводстве, несмотря на то, что почва сильно оскудела.

Кое-где колхозы сохранятся в прежнем виде, это те самые крепкие хозяйства, которые всегда были в лидерах, имеют большой потенциал, в том числе кадровый. Например, колхоз «Борец» в Подмосковье или колхоз имени Фрунзе на Белгородчине. А в массе своей они реформируются, превратятся в производственные кооперативы, выйдут на рынок, оттеснив с него мафию. В сущности, реорганизация совхозов-колхозов была в общем и целом закончена к концу прошлого года. Появились акционерные общества открытого и закрытого типов, ассоциации, малые предприятия, кооперативы. Правда, не всегда с изменением названия, перерегистрацией устава, возникновением частной, коллективно-долевой и коллективно-совместной собственности на землю и средства производства они быстро встают на ноги и успешно работают. В жизни все куда сложнее. Есть те, кто встал. Другие лишь вывеску сменили. Третьи попросту развалились.

Переживаемая нами смута мало способствует нормальному ходу реформы. И безжалостная ценовая, налоговая, кредитная политика государства — тоже. Парламентская, митинговая риторика в счет не идет.

— А как живется фермеру: возможно, реформа проводится именно в его интересах?

— Фермера «подставили». А ведь были в той среде энтузиасты. А когда к трудолюбию со временем добавились знания, квалифицированность, жить, казалось бы, стало можно. Но либерализация цен в индустрии, трудности со сбытом продукции, непомерные налоги лишили энтузиазма даже самых хватких, закаленных бойцов. Фермеров сегодня почти 280 тысяч. Но рост фермерского движения прекратился. Перед нами типичный пример того, как хорошее дело за какой-то год-другой превратили в полный абсурд. Объявив тотальную «фермеризацию» страны, придав этому движению нереальные темпы, дискредитировали умную идею. Движение, естественно, забуксовало. Наш очередной паровоз вперед не полетел. Конечно, можно было бы самортизировать удары, если бы опять же в фермерской среде была кооперация. Ведь нигде в мире фермер вне кооперации не живет. На Западе, который мы сами себе в пример ставим, зимой кооперация фермеров обучает, летом, в страду, она им централизованно горючее завозит, забирает и гарантированно продает урожай... А у нас отправили в большое плавание лодку без весел и стали ожидать результата. Наши фермеры ни сегодня, ни в обозримом будущем страну не прокормят. Не в состоянии.

— Неужели аграрная наука не способна помочь крестьянству? Неужели к предупреждениям специалистов никто не прислушивается?

— Именно в агронауку у нас наловчились бросать камни, обвиняя ее во всех бедах перестройки и неудачах реформы. Ни один научный коллектив не предлагал разрушать инфраструктуру бывших совхозов-колхозов, проводить сплошную «фермеризацию» страны, форсировать реорганизацию государственных и коллективных предприятий. В Аграрном институте разработали методику исследования по реформированию хозяйств в Нижегородской области. Кстати сказать, по просьбе Бориса Немцова. Мы никому ничего не навязывали. Но нашлись силы в Совете Федерации и Бюро Отделения экономики и земельных отношений Россельхозакадемии, записавшие нас во «враги народа». Дескать, по нашей вине растаскивают под Нижним крупные сельхозпредприятия. Ату Аграрный институт! Такого повышенного специфического внимания к коллективу ученых я еще не видел.

Наука всегда предупреждала о недопустимости диспаритета цен, рекомендовала рассматривать любую реформу как сложнейший эволюционный процесс. Ну и что, разве к нам прислушались? Конечно, нет. Отсюда скачкообразные перекройки, полумеры, ценовой беспредел, человеческие страдания. В своей новой книге я недаром вспомнил Николая Бердяева, которому принадлежат такие слова: «Экономика для человека, а не человек — для экономики». Наше село из века в век каким только реформам не подвергали: то нэп, то коллективизация, то укрупнение, то разукрупнение, то тотальная приватизация... Одно дело аптеку, магазин приватизировать, другое — тот же «Ростсельмаш». Или возьмем вопрос либерализации цен. Это, безусловно, нужно, но возможно лишь тогда, когда существует конкурентная среда и нет монополизма. А у нас монополизм во всех сферах жизни бурно процветает. Своих товаров не сыщешь днем с огнем, на прилавках — сплошь заморские. Очередная революция в экономике обернулась надругательством над экономикой. В России ее, бедную, всегда насиловали, руководствуясь лучшими побуждениями.

Что с нами, спросите, будет? Не погибнет Россия — слишком велика, чтобы погибнуть. И потом, Россия не скопище мафиози и безрассудного чиновничества — это прежде всего провинция, которая, к счастью, ко всякой болезни имеет иммунитет.

Беседу вела
Елена БЕРЕЗНЕВА

Есть горькая супесь,
глухой чернозем,
Смиренная глина и щебень
с песком,
Окунья земля, травяная медынь
И пегая охра, жилица пустынь.

Меж тучных, глухих и скудельных
земель
Есть Матерь-земля,
бытия колыбель,
Есть пестун Судьба,
вертоградарь же Бог,
И в сумерках жизни
к ней нету дорог.
Николай Клюев

Иэн Уотсон

Мир во всю ширь

В кабинете Дейва Бартрэма нас собралось в тот день четверо: сам Дейв, попыхивающий трубкой, Салли-Энн из чертежного бюро, Мэгги из отдела сбыта и я из компьютерной графики.

После многочасового унылого мелкого дождя над Лончестером наконец-то проглянуло солнце. За окном крутые шиферные крыши домов отсвечивали синевой и зеленью, будто облитые нефтью, а каменные стены кафедрального собора отливали чуть ли не золотом.

И мы с Мэгги поцапались, как всегда. На сей раз спор разгорелся вокруг высказанной мною идеи, что серию «Время в картах» нашей компании «ДжиоГрэфикс» можно бы расширить за счет дополнительных программ, предлагающих карты воображаемых миров — Средиземье Джона Толкина, Страну Стивена Доналдсона, и так далее, и тому подобное. Переспорить Мэгги мне не удалось, но разозлил я ее не на шутку.

— Ради всего святого! Мы вот-вот выпускаем серию, и она, такая, как есть, пойдет нарасхват! Подумай сам, какой рынок: колледжи, университеты, да просто родители! И знаешь, на что они «купятся»? Именно на то, что «Время в картах» представляет мир в точности таким, каков он был в прошлом. А твоя идея превратит серию, — она запнулась в поисках подходящего ругательства, — в паршивую видеоигру!..

— Держу пари, что дополнительные карты привлекут к серии еще большее внимание.

— Ты хочешь все опошлить!

Антракт — зажужжал зуммер, и Дейв щелкнул коммуникатором. Послышался щебет нашей секретарши Дороти:

— Сэр, звонил мистер Макнамара из Хитроу. Он просил не тревожить вас во время совещания, но самолет из Нью-Йорка прибыл с опозданием. Так что он никак не сможет быть у вас дома раньше семи.

Дэн Макнамара — наш агент в Америке, и его визит имел для нас серьезное значение.

— Спасибо, Дороти. Позвоните, пожалуйста, моей жене: пусть накрывают ужин к восьми.

Разумеется, Мэгги по-своему была права. «Время в картах», как заверяла рекламная брошюра, было самым совершенным на сегодняшний день учебным пособием: компьютерная программа предлагала меняющуюся карту мира от палеозоя до наших дней. По желанию можно было вычленить любой участок площадью в один миллион квадратных километров — это примерно площадь Франции. Можно наложить на карту движущиеся фигурки, ни в чем не уступающие мультипликации, наблюдать схватки динозавров, следить за жизнью племени, отправиться вместе с Колумбом открывать Америку, увидеть армию Наполеона, наступающую на Москву...

— По-видимому, сэр, сегодня многие самолеты опаздывают.

— Хм, вот как...

Еще мальчишкой я влюбился в географию. Был такой приключенческий журнальчик, давно скончавшийся, под названием «Весь мир». Дома у меня до сих пор хранится стопка старых номеров, и я иной раз, посмеиваясь над собой, перелистываю их. Какие яркие обложки! Какие сенсационные материалы! Анаконды семидесятифутовой длины, обгоняющие лошадей, шесть недель в одиночку на плоту в кишащих акулами южных морях...

Увы, когда я подрос, выяснилось, что работа географа — это нечто иное. И она никоим образом не включает в себя составление пиратских карт, где крестиком помечен заветный сундук.

Дейв, наш начальник, нетерпеливо грыз свою, похоже, потухшую, трубку.

— Продолжай, Алан.

— Послушайте, если мы включим в набор световое перо и графический планшет и слегка изменим программное обеспечение, покупатели смогут даже рисовать карты сами, создавая собственные воображаемые миры...

— Нет и еще раз нет, — заявила Мэгги.

— Если разрешите, я подготовлю подробную разработку, сделаю ее в свободное время...

О да, Сара просто умрет от счастья. Я и так почти все свое время посвящаю серии...

— Давайте-ка закругляться, — сказал Дейв. — Возможно, Алан, в твоей идее есть определенные достоинства Можно рискнуть.

Мэгги послала мне усмешку, признавая проигрыш. Но уж будьте уверены, к следующей встрече зубки у нее будут, как скальпель.

До моего дома в Феррнер Мэлвис — двенадцать миль по пустошам. «Вольво» доставляло меня к родным пенатам за двадцать минут. Но на сей раз, когда я уверенно проскочил мимо одного из ориентиров — полуразвалившегося каменного амбара, — в мозгу будто прозвенел тревожный сигнал. Я бросил взгляд на часы — точно, двадцать минут миновали.

Словом, домой я прибыл с опозданием на пятнадцать минут. Зеленого «рено» Сары еще не было. Видно, она тоже задержалась в пути.

По дороге на кухню я запустил кассету с музыкой Вивальди. Залез в холодильник, нацедил себе охлажденного вина и расположился за сосновым столом поработать при золотом свете заходящего солнца.

У крыльца хлопнула дверца машины. Через минуту в комнату влетела Сара.

— Ты не слушаешь радио, Алан?

— Нет, я слушаю «Четыре времени года».

Она бросилась было в гостиную с явным намерением придушить Вивальди, но решила не отказывать себе в удовольствии самой сообщить новость.

— Последние рейсовые самолеты из Штатов прибывали в Хитроу с опозданием на три часа!

— Ну и что?

— Один еле дотянул до Шеннона в Ирландии — кончилось горючее. «Боинг» из Бразилии совершил вынужденную посадку на воду возле Лиссабона. И то же самое повсюду! А я ехала домой на полчаса дольше обычного...

— Если хочешь, я налью тебе выпить.

— Виски. Без содовой.

Когда я направился в гостиную за виски нашей любимой марки «Тетерев», Вивальди подошел к концу. Жена следовала за мной по пятам.

— И как же ты это объяснишь?

Тон у нее был обвинительный, будто я ввел в программу серии «Время в картах» несчетные квадратные километры пустоты, а теперь эта пустота полезла в реальный мир. Я извлек благородную «птичку» из бара, налил на три пальца в два бокала и произнес:

— Что-то стряслось с пространством...

— С пространством?

— С качественными характеристиками пространства. Вселенная расширяется, не так ли? Следовательно, пространство увеличивается. Теперь дело дошло до нашей Земли. Задачники устарели: теперь, чтобы попасть из пункта А в пункт Б, требуется больше времени...

Честное слово, мне моя шутка понравилась. Кажется, я даже рассмеялся.

Четыре часа спустя — после дальнейшего знакомства с «птичкой», ужина на скорую руку и длительного бдения у телевизора — мы узнали, что пространство осталось в точности таким же, каким было вчера. Луна не отодвинулась от Земли ни на дюйм. Измерения со спутников подтвердили, что окружность нашей планеты нисколько не изменилась.

И тем не менее радарные и лазерные наблюдения с орбиты показали, что самолеты не в силах одолеть расстояния, какие полагались при заданной скорости полета и фиксированном расходе горючего. В ту ночь не было недостатка в болтовне (совершенно бесплодной), о лазерах, скорости света, нелинейной тригонометрии и прочих вещах...

К полуночи аэропорты по всему свету были закрыты, полеты отменены. Было очевидно, что «эффект нарастания дистанций» продолжает усиливаться.

Наутро, когда будильник выхватил меня из середины какого-то дурацкого сна, по радио передавали информацию. За ночь «эффект нарастания дистанций» стабилизировался и стал достаточно предсказуемым. Комментатор предлагал слушателям представить себе график — кривую, которая поднимается сперва полого, а затем все круче и круче. Расстояния до пятидесяти миль удвоились. Путешествие в сотню миль растянулось до пятисот. А, скажем, расстояние от Лондона до Нью-Йорка равнялось ныне примерно ста тысячам миль. Возможно, что до Австралии теперь добрый миллион миль — если эффект нарастает по гауссовой кривой, в чем, однако, никто не был уверен. Американское правительство после консультаций с Россией решило запустить межконтинентальную баллистическую ракету из Невады через Тихий океан к острову Гуам, заменив боеголовку приборами.

Мощность единой энергосистемы страны снизилась примерно на восемь процентов — все линии удлинились, соответственно выросли и потери, и пришлось обратиться к потребителям с просьбой экономить электричество.

— Предлагаю не включать тостер, — заявил я Саре. — Как насчет кукурузных хлопьев?

— Ради всего святого!..

— Есть-то надо...

— Ты так еще ничегошеньки не понял, Алан? Что будет с бензином? С нефтью? С продуктами, которые везут из-за границы? Почем станут торговать новозеландской бараниной, если ее придется доставлять за миллион миль? На кораблях не останется места для груза, все будет занято топливом. Да и команда за время плавания успеет состариться...

Я быстренько провел в уме несложный расчет.

— Нет, не успеет. Рейс займет около десяти лет.

— Ну тогда я просто счастлива! Мы по-прежнему будем ловить по радио новости, пусть даже за сто тысяч миль. О том, как японские заводы скрипят и глохнут без сырья. О том, как люди умирают от голода, — такие же люди, как мы с тобой, Алан, — и никто не в силах помочь им...

— Боже, мы уже не съедим ни одного банана!

Смешно, но это единственное, что пришло мне в голову. Не развернутая картина крушения цивилизации, а только этот пустяковый пример.

— Мы будем жить, как на Марсе. И умирать, как на Марсе.

Радио советовало тем, кто живет в пределах тридцати миль от своего офиса, не менять привычный распорядок, лишь прибавить горючего на дорогу.

— Ну и глупость, — заметила Сара. — Надолго ли хватит бензина на заправочных станциях?

— А что ты предлагаешь, ходить пешком? Впрочем... До Лончестера двенадцать миль. В прошлом веке иным ребятишкам приходилось изо дня в день преодолевать такое расстояние до школы.

— А зачем тебе, собственно, в Лончестер? Что ты там забыл? Куда разумнее, скажем, вскопать лужайку позади дома и засадить ее овощами. И купить кур, пока их еще не расхватали!

— Ну, во-первых, сегодня к нам на фирму должен пожаловать Дэн Макнамара.

— Для чего?

— Обсуждать «Время в картах» — для чего же еще?

— Вы всерьез собираетесь экспортировать свою телевизионную игрушку за сто тысяч миль в Америку? Если поторопитесь, как раз поспеете к Рождеству...

— Слушай, не надо думать, что этот эффект будет длиться бесконечно. Он появился вчера, набрал силу за пять-шесть часов, потом стабилизировался. С такой же быстротой он может и сойти на нет. Позвоню-ка я Дейву и проверю, сумел ли «Большой Мак» добраться до нашей конторы.

Прямо в пижаме я направился к телефону, на ходу закуривая палочку верблюжьего помета, то бишь алжирскую сигарету «Диск блю». Я привык к алжирским, предпочитал их любым другим — и задал себе вопрос, на каком расстоянии от меня оказались теперь выпускающие их фабрики.

Накануне «Большой Мак» все-таки доехал до Дейва, хоть и с опозданием на три часа. Дейв согласился со мной, что надо бы встретиться в помещении фирмы. Так что после холодного и довольно угрюмого завтрака я отбыл на «вольво» в Лончестер, а жена проводила меня клятвами, что сама вскопает всю лужайку и посадит морковку, капусту или что-нибудь еще, если только достанет семян в деревенской лавочке в Хорнтоне (это неподалеку).

Рыжеволосый Дэн Макнамара держался с грубоватым дружелюбием, только я поневоле заметил, что над верхней губой у него то и дело выступают капельки пота. Совещание по проблемам сбыта захлебнулось, едва начавшись.

— Черт возьми, — сказал «Большой Мак». — Давайте перестанем делать вид, что ничего не случилось. Вам-то, ребята, еще не так плохо — вы ведь здесь и живете...

— И скоро, похоже, будем голодать, — отозвался я. — Британия никогда не могла полностью обеспечивать себя собственными продуктами, а также различным сырьем. Мы с вами просто обязаны исходить из того, что процесс пойдет в обратную сторону, и притом скоро.

Мэгги постучала пальчиками по рекламной брошюре:

— А лучше попытаться найти выход из положения. Мы же опытные картографы! Алан, ты так и будешь сидеть сложа руки?

Снова вызов. Пусть весь мир распухает, как флюс, она все равно найдет повод воткнуть шпильку, в точности как другие женщины находят время напудрить себе нос во время землетрясения.

— А если феномен гнездится у нас в головах? Может, все это иллюзия?

В сущности, я просто трепал языком.

— Если бы нам это мерещилось, — возразил «Большой Мак», — то самолеты зависали бы в воздухе, а машины застревали бы на низшей передаче, только и всего.

— А вы полагаете, что нам приходится преодолевать иное расстояние? Однако пространство — категория нематериальная. Потому что, — я обшарил комнату глазами, словно в надежде найти что-нибудь в углу, — потому что мы неспособны выйти за пределы привычного мира...

Мы неспособны увидеть, например, мир детства, где существуют Эльдорадо и копи царя Соломона. Мы не можем это сделать, ибо карта мира уже заполнена до отказа шоссейными и железными дорогами, нефтяными вышками и мегаполисами. На ней не осталось места для надписи: «Здесь водятся драконы» или: «Здесь обитает морской змей». Итак, что если карта мира таинственным образом раздвинулась, чтобы включить в себя иные страны и континенты? Может быть, дело не в расширении пространства, а в ограниченности нашего зрения?

Нет, не сходится.

Мир перенаселен, переполнен людьми. И всем им свойственно коллективное бессознательное — общее царство грез.

Когда пчел в улье становится слишком много, они «понимают», что пора роиться, и половина улетает на поиск нового улья. А у нас один-единственный улей, один-единственный мир. И вот настала пора роиться, но нет у нас иного пространства, кроме...

— Почему ты замолчал? — требовательно спросила Мэгги. — Ну-ка признавайся!

— Просто мне хотелось бы получить полицейскую сводку. Например, много ли сообщений об исчезновениях поступило к ним за последние сутки. Сколько людей пропало без вести. Дейв, ты ведь играешь в гольф с главным констеблем?

— Раз в год...

— Сделай одолжение, позвони ему.

Дороти великолепно знает свое дело, так что спрятаться от нее невозможно. Уже через двадцать минут Дейв беседовал с констеблем, бросая на меня интригующие взгляды.

— Кажется, ты угадал. Он спрашивает, откуда мы об этом узнали, — сообщил он, прикрыв микрофон ладонью. — Сперва они думали, что люди просто не сумели добраться до места своего назначения. Не хватило бензина или еще что-нибудь в этом роде... Слушай, поговори с ним сам.

Я взял трубку.

— Могу сказать вам только одно, — игнорируя его вопросы, произнес я. — К вечеру звонков об исчезновениях будет столько, что они захлестнут вас с головой.

— Я это запомню. И ваше имя я тоже запомню, не сомневайтесь.

Он бросил трубку. Дейв с сомнением изучал меня.

— Окажите нам любезность, — язвительно потребовал «Большой Мак». — Объясните, что происходит.

— Дело в том, — начал я, — что разум творит реальность. Наши идеи создают мир...

— Разве что условно, — перебила Салли-Энн, тряхнув каштановыми кудряшками. — Так сказать, в философском смысле. Однако, — она с силой стукнула ладонью по столу Дейва, — вот тебе и опровержение. Плетью обуха не перешибешь.

— Но что если разум действительно в состоянии сотворить реальность? Мир стал слишком тесен для нас. Завтрак в Лондоне, второй завтрак в Нью-Йорке. Каждый квадратный дюйм на картах забит до отказа. Последние сто лет пространство стремительно сжимается, с каждым годом все быстрее. И вот наконец все возвращается на круги своя. Точнее, мы начали роиться. Как только достаточное число людей найдет дорогу в иные миры, расстояния вернутся к норме.

— Дорогу в иные миры? — с насмешкой переспросила Мэгги.

— В дополнительные пространства.

— Алан, ты, наверное, переутомился. Поезжай домой, отдохни.

— Лучше бы мы поехали все вместе и вместе поискали эту дорогу. А затем постарались вернуться. Ведь точек выхода, без сомнения, миллионы, и за сегодняшний день миллионы людей неизбежно наткнутся на них. Невидимые точки перехода. А мы попробуем выявить одну из них. Нанести на карту. Ведь именно к этому сводилась твоя блестящая мысль, а, Мэгги?

Вообще-то я не ожидал от Дейва ничего, кроме попытки напоить-накормить «Большого Мака» по-королевски в единственном на весь Лончестер приличном ресторане «Сорренто» и, осушив вместе с ними пару-тройку бутылок, отвлечься от забот, связанных с крушением мира, еще вчера такого устойчивого и понятного. Я почти не ошибся, он поступил именно так — и не так. Или, может статься, он выпил больше, чем я заметил. А только в середине десерта он вдруг предложил:

— Ладно, Алан, давай попробуем. Чем мы рискуем?.. — Когда мы вышли на улицу, он вручил мне ключи от своего «ягуара». — Садись за руль. Ты вроде бы должен знать дорогу...

— Какую еще дорогу? — вспылила Мэгги.

— Пусть едет куда хочет. Наудачу...

И Дейв сунул в рот трубку.

Прагматичная Салли-Энн наотрез отказалась ввязываться в подобную авантюру и настояла, чтобы ее подбросили обратно в офис. Мэгги, напротив, была полна решимости убедить меня в том, что я сошел с ума, а «Большого Мака» вдруг потянуло на лоно природы. Машина тронулась, и я, недолго думая, выбрал маршрут, который знал назубок, то есть дорогу домой, в Ферриер Мэлвис. Мы таращились изо всех сил, но не увидели ровным счетом ничего. Минут через пятьдесят я подогнал «ягуар» к нашему крыльцу. «Рено» на месте не оказалось: надо понимать, жена действительно отправилась за две (теперь, по-видимому, за четыре) мили в Хорнтон добывать семена.

С нами, повторяю, ровным счетом ничего не случилось, не считая того, что дорога стала вдвое длинней обычного.

— Давайте зайдем и выпьем по рюмочке, — сказал я. — Хочется взглянуть, что Сара сотворила с нашей лужайкой.

— Хорошо, что хоть у кого-то в семье есть голова на плечах! — заметила Мэгги. — Между прочим, Алан, ты отдаешь себе отчет, что тебе придется еще везти нас обратно в город?

— Что?

— Ты же должен забрать свою собственную машину...

Да поможет мне Бог!

— Тогда, значит, есть надежда обнаружить что-либо на обратном пути.

Мэгги расхохоталась.

Мы вошли в дом. Я выставил из бара бутылки,

достал бокалы, а сам прошел прямиком на кухню.

На лужайке чернела полоска земли — ярдов десять в длину, ярд в ширину. Дерн, который обошелся нам в кругленькую сумму двумя годами раньше, сейчас был свален грязной кучей рядом, во дворикс. В черной земле вертикально, черенком вверх, торчала лопата.

Сколько времени это могло занять? Полчаса? Наверное, даже меньше. После чего Сара решила, что закончить работу с тем же успехом могу и я. И поспешила в Хорнтон.

В любом случае, это было несколько часов назад. Еще до обеда. А сейчас половина четвертого.

Я бегом вернулся в гостиную, где уже булькал разливаемый по бокалам джин.

— А где лед, Алан?

— В морозилке. Мне нужно позвонить.

Номер лавочки в Хорнтоне я нашел в красной книжечке подле телефона — жена сама вписала его туда своим аккуратным почерком. И миссис Как-ее-там ответила мне, что Сара действительно заглядывала туда и купила семена. Когда? Около десяти утра. А потом отправилась домой.

Расстояние — две мили (теперь, быть может, четыре). Пять часов назад. Я повернулся к гостям.

— Сара исчезла. Она наткнулась на точку выхода...

«Ну конечно, — я осознал это сразу же после того, как довел «ягуар» с пассажирами до личной стоянки Дейва перед зданием фирмы, — мы не могли найти точку выхода как раз потому, что искали ес. А ведь тут все должно зависеть от работы подсознания...»

Вновь пересев на «вольво», я погнал домой с безрассудной скоростью, стремясь покрыть вдвое большее расстояние за привычное время.

Нацедив себе «птичку» побольше и покрепче — демонстративный жест на пользу подсознанию, — я включил телевизор и добрый час просидел у экрана. Сообщения о пропавших без вести шли потоком. Подлинная эпидемия исчезновений, воистину новый Гамельн. На одних только Британских островах сотни тысяч отправились по зову Дудочника* в неведомые миры. И многим для этого понадобилось всего-то повернуть за угол. Или дотащиться до дальней ограды собственного участка...

Совершенно пьяный, я сделал в тот вечер на «вольво» несколько диких рейсов в Хорнтон и обратно. Но и пьяный я, увы, точно знал, чего хочу. Кончилось все это тем, что я заснул в одиночестве. Прежде чем «птичка» сморила меня, я успел еще промочить подушку хмельными слезами...

...и проснулся на рассвете с больной головой под пересвист настоящих птичек, вьюрков и дроздов. Первым делом я включил радио.

— ...явные признаки, что за последние часы эффект нарастания дистанций пошел на убыль... — обрушились на меня безжалостные слова.

— Сара! — отчаянно позвал я, но мне никто не ответил.

Натянув брюки и сунув ноги в ботинки, не умывшись, не причесавшись, я метнулся вниз к машине. Уже через две минуты я летел, как сумасшедший, к пустошам. И следующие три часа носился между Ферриер Мэлвис и Лончестером, включив приемник и слушая, как мне с нарастающим оптимизмом докладывают, что «пространственная аномалия» уменьшается так же быстро и необъяснимо, как появилась.

«Сара! Моя Сара! Где ты?»

Я гнал машину с остервенением гамельнской крысы, по старости отставшей от остальных. Аномалия исчезает, выходы в неведомые миры затягиваются без швов!

В конце концов я израсходовал весь бензин и застрял у полуразвалившегося амбара. Дальше пришлось добираться на своих двоих. Сделав несколько шагов, я бросился бегом, помчался со всех ног в надежде довести себя до изнеможения, впасть в транс и тем самым заработать все-таки право на выход. Однако вскоре поневоле перешел на шаг. Боль в боку прошла, но отчаяние поглотило меня целиком.

Мы лишились, по меньшей мере, каждого десятого. За время аномалии бесследно исчезла десятая часть человечества. Сильнее всего пострадали самые густонаселенные страны. Такие, как Британия.

Нынче, полгода спустя, воспоминания о тех двух днях для многих померкли. Мы ведем себя, как австралийские аборигены, которые, по рассказам, не обращали ни малейшего внимания на гордые парусники капитана Кука, впервые приплывшие к их берегам, по той простой причине, что никогда прежде не видывали ничего столь огромного. Оплакав свои потери, жалобно помычав неделю-другую, мы двинулись дальше и забыли о том, что произошло. В то же время мы — те, кто остался, — научились радоваться друг другу и приветствуем друг друга при встрече с небывалой сердечностью.

Ко мне это не относится. Ибо я потерпел фиаско именно из-за того, что разобрался во всем раньше других.

Самолеты долетают из Хитроу до Нью-Йорка точно в срок. Но каждый раз, возвращаясь из Лончестера по пустошам, я понимаю, что Сара где-то рядом, хоть я и не могу ни дотянуться до нее, ни увидеть. Она где-то рядом, но в неведомых новых мирах.

Моя Сара!

Может статься, лет через десять —двадцать, когда население Земли опять достигнет плотности роения, швы на стыках миров разойдутся вновь, и начнется новый исход...

Сегодня я уволился из «ДжиоГрэфикс». Дейв заявил, что я делаю идиотскую ошибку — серия «Время в картах» прорвалась на мировой рынок с успехом, какой нам и не снился, и продается повсеместно в миллионах копий. Сдается, что в людях почему-то проснулся глубокий интерес к географии... Мэгги, прослышав о моем увольнении, стиснула зубки с довольной крокодильей ухмылкой. А мне наплевать.

Завтра я сожгу все номера журнальчика «Весь мир» на той полоске земли, какую успела расчистить Сара. Лопата из нержавеющей стали все еще торчит черенком вверх там, где она ее воткнула. Я не мог заставить себя даже прикоснуться к лопате вплоть до этой минуты. Но завтра я возьму ее в руки, едва сказки об Эльдорадо и отравленных дротиках пигмеев из Бельгийского Конго будут преданы огню. Как бы ни затвердела земля нынешней зимой, я вскрою грунт и закопаю пепел.

А затем я собираюсь устроиться на прежнее место Сары — в антикварный магазинчик в Форби. Я перестану ездить на «вольво», курить «Диск блю» и прикладываться к «птичке» по вечерам. Когда придет весна, я перекопаю весь участок под овощи, чтобы обеспечить себе дешевое пропитание. Куры, которых я куплю, составят мне добрую компанию.

И я буду ждать, ждать, ждать — и дождусь дня, когда мир начнет расширяться вновь. Тогда я окажусь первым, кто повернет за угол. Или первым, кто дошагает до дальней границы участка.

Перевел с английского
Олег БИТОВ

* *Английский поэт Роберт Браунинг (1812 — 1899) написал стихотворение, использовав сюжет известного немецкого сказания о гамельнском крысолове. Волшебник, выманивший из города всех крыс, а затем детей, у Браунинга получил кличку Дудочника. (Прим. перев.).*

Джон Толкин

«МОЙ МИР ПОЯВИЛСЯ ВМЕСТЕ СО МНОЙ»

ГИПОТЕЗА

Когда-то, на заре существования журнала «Если», в нем была опубликована глава из неизданного на тот момент «Сильмариллиона» — «Повесть о Берене и Лучиэнь». И переводчик Дж. Р.Р.Толкина В.Грушецкий выдвинул на страницах журнала интересную версию: будто бы автор своей эпопеей поведал читателям сюжеты реальных событий, которые произошли в предначальную эпоху. У этой гипотезы есть немало сторонников (которые, естественно, относятся к ней с определенной долей условности). И.Уотсон предлагает прямо противоположное решение: творческая энергетика автора столь велика, что способна из вымысла творить реальные миры, существующие где-то в параллельной Вселенной и принимающие людей в момент глобальных космических катастроф. Пусть же сам автор расскажет о том, как он создавал свои миры. Эти письма Дж. Р.Р.Толкина, написанные им в разные годы, на русском языке публикуются впервые.

Теперь — что касается, так сказать, начала начал. Спрашивать об этом — приблизительно то же самое, что интересоваться, откуда появился язык. Я шел к своему миру с самого рождения. Лингвистические структуры всегда действовали на меня, как музыка или цвет; я с детства полюбил растения и с детства же прикипел (не подберу иного слова) к тому, что называется нордическим характером и северной природой. Если человеку хочется написать что-нибудь в этом духе, он должен обратиться к своим корням; и тот, кто родом с Северо-запада, волей-неволей, подчиняясь велению сердца, передаст дух этого края. Безбрежное Море бесчисленных поколений предков на Западе, бескрайние просторы (откуда обычно появляются враги) на Востоке. Кроме того, такой человек, пускай даже совершенно не знакомый с устной традицией, может вспомнить о молве, что идет о Морском Народе.

Во мне присутствует то, что некоторые психологи именуют «комплексом Атлантиды». Вполне возможно, я унаследовал его от родителей, хотя они умерли слишком рано, чтобы поведать мне о чем-то подобном, слишком рано, чтобы я сам мог что-то такое о них узнать. От меня же, полагаю, этот комплекс унаследовал лишь один сын. До недавнего времени я об этом и не подозревал, а он до сих пор не знает, что мы с ним видим одинаковые сны. Я имею в виду сон, в котором Гигантская Волна поднимается в море и накатывает на берег, сметая деревья, заливая поля. В трилогии этот сон видит Фарамир. Правда, после того как написал «Падение Нуменора», последнюю легенду Первой и Второй Эпох, я больше не видел во сне ничего похожего.

Трудно остановиться, когда рассказываешь о себе, но я все же попробую и о годах учебы упомяну лишь вкратце. Я поступил в школу короля Эдуарда и большую часть времени тратил на изучение латыни и греческого. В школе я выучил англосаксонский (а также готский — по чистой случайности, в расписании его не было).

Вот истоки моего мира. Пожалуй, следует еще сказать, что меня сызмальства зачаровывали валлийские имена — и очарование не пропадало даже когда взрослые, к которым я приставал с вопросом: «А что это значит?», давали мне книги, непосильные для ребячьего ума. По-настоящему валлийским я занялся в колледже и получил от него громадное лингвистико-эстетическое удовольствие. Как, впрочем, и от испанского. Мой опекун был наполовину испанцем, и подростком я часто заглядывал в его книги, пытаясь что-нибудь запомнить. Испанский — единственный из романских языков, на котором мне приятно говорить... Но самое главное — в библиотеке Эксетерского колледжа я однажды наткнулся на грамматику финского языка. Я ощутил себя человеком, который обнаружил винный погреб, битком набитый бутылками с вином, какое никто и никогда не пробовал. Я бросил попытки изобрести «новый» германский язык, а мой собственный — точнее, их было несколько — приобрел явное сходство с финским в фонетике.

Именно на этом фундаменте и зиждется мое мироздание. Для меня языки и имена неотделимы от моих произведений. Они были и остаются попыткой создать мир, в котором получили бы право на существование мои лингвистические пристрастия. В начале были языки, легенды появились потом.

Первое свое произведение я написал в возрасте семи лет. Речь в нем шла о драконе. Больше в памяти ничего не сохранилось, за исключением маленького курьеза. Матушка, прочитав мой опус, не сказала ни слова о самом драконе, зато заметила, что надо писать не «зеленый большой дракон», а «большой зеленый дракон». Честно говоря, я не понял, почему, и не понимаю до сих пор.

Финский я упомянул по той причине, что именно он побудил меня снова взяться за перо. Меня восхитила и очаровала «Калевала». Свод моих легенд, частью которых (заключительной) является трилогия, возник из стремления «переписать» «Калевалу», в первую очередь — трагическую историю Куллерво.

(Из письма У. Х. Одену)

Мой мир появился вместе со мной — впрочем, это вряд ли интересно кому-либо кроме меня самого. Я хочу сказать, что не проходило и дня, чтобы я не продолжал его придумывать. Мои произведения основываются на вымышленных языках... У тех существ, которых я ошибочно назвал эльфами*, имеются два родственных языка, возникших из одного и того же источника; эти языки представляют две стороны моего «лингвистического вкуса». Из первого позаимствованы почти все имена, встречающиеся в моих легендах, что, как я полагаю, придает ономастикону своеобычность, которая обыкновенно отсутствует в подобного рода произведениях.

Кроме тяги к языкам, меня с самого детства привлекали мифы (но не аллегории!) и сказки, а в особенности — героические предания на грани волшебной сказки и исторической хроники; таких преданий, к сожалению,

** Это слово я употребляю в первоначальном значении, которому следовал еще Спенсер, — и чума на Уилла Шекспира с его пресловутыми крылатыми малютками! (Прим. автора).*

было не слишком много. Кстати, только поступив в колледж, я наконец-то осознал, что между волшебной сказкой и исторической хроникой существует крепкая внутренняя связь. Не могу сказать, что стал знатоком мифов и сказок: дело в том, что я всегда искал не просто знаний, а знаний определенных. Вдобавок — надеюсь, мои слова не покажутся нелепыми, — меня с малых лет печалила бедность моей родной страны, у которой не было собственных легенд (выросших, как говорится, на местной почве). Греческие, кельтские, германо-скандинавские, финские (в которые я влюбился раз и навсегда), рыцарские романы — пожалуйста, сколько угодно; но ничего чисто английского, за исключением дешевых литературных поделок. Конечно, у нас есть артуровский цикл, однако, несмотря на все свое могучее притяжение, он недостаточно натурализован, связан с Британией, но не с Англией, а потому не мог восполнить ту пустоту, которую я ощущал. Иными словами, его «волшебность» чрезмерна, он чересчур фантастичен и условен, и в нем слишком много повторов. К тому же, что гораздо важнее, в этом цикле отчетливо ощущается влияние христианства.

По причинам, в которые я не стану вдаваться, это представляется мне роковой ошибкой. Как и всякое искусство, миф и волшебная сказка должны содержать в себе моральные и религиозные принципы (не важно, истинные или ошибочные), однако нельзя, чтобы они выпирали, имели ту же форму, что и в «первичном», реальном мире.

В незапамятные времена (с тех пор много воды утекло) я намеревался сочинить цикл более или менее связанных между собой легенд, от космогонических до сказочно-романтических (первые получали бы от вторых некоторую «приземленность», а последние приобретали толику великолепия первых), и хотел посвятить эти легенды моей стране, моей Англии. По манере изложения легенды должны были соответствовать нашим традициям (под «нашими» я разумею Северо-Западную Европу в противовес Эгейскому побережью, Италии и Европе Восточной) и обладать, если у меня получится, неким неизъяснимым очарованием, которое кое-кто именует «кельтским» (хотя в исконно кельтских преданиях оно встречается весьма редко); затем их следовало сделать «высокими», то есть избавить от всякой вульгарности и грубости, каковые вовсе не подобают стране, давшей миру столько великих поэтов. Главные события я собирался изложить во всех подробностях, а прочие изобразить двумя-тремя мазками. Цикл должен был представлять собой единое целое и в то же время производить впечатление незаконченности, чтобы и другие — не только писатели, но и художники, музыканты, драматурги — могли поучаствовать в его создании. Смешно, не правда ли? Наивно и смешно.

Разумеется, столь великая цель возникла не сразу. Ей предшествовали сюжеты, приходившие ко мне с детства; чем больше их становилось, тем явственнее проступали связи. Несмотря на то, что меня постоянно отвлекали (сначала домашние заботы, потом учеба и работа), я продолжал их записывать, чувствуя при этом, что лишь «фиксирую» существующее в действительности, а вовсе не «изобретаю».

Не люблю Аллегорию, тем более возникшую не случайно, созданную совершенно сознательно, — однако всякая попытка объяснить содержание мифа или волшебной сказки требует аллегорического языка. И, естественно, чем больше в произведении «жизни», тем легче оно поддается аллегорическому истолкованию; тогда как чем лучше явная аллегория, тем ближе она к «обыкновенным» произведениям. Так или иначе, перед нами всегда три проблемы — Грехопадение, Смерть и Машина. Падение неизбежно, хотя происходить может по-разному. Смерть оказывает несомненное влияние на искусство и на творческую (наверное, следует сказать субтворческую) способность, которая, похоже, никак не связана с физиологией. Эта способность проистекает из страстной любви к реальному, «первичному» миру и позволяет создавать новые варианты «грехопадения». Может случиться так, что творческая способность станет одержимостью, болезненной привязанностью к тому, что создано «собственными руками»; что создатель вторичного мира пожелает стать верховным божеством своего творения. Он восстанет против Творца и установленных тем законов — в первую очередь, против Смерти. Отсюда рукой подать до жажды Власти, до стремления как можно быстрее осуществить свои желания, а следовательно — и до Машины (Магии). Под последней я разумею применение внешних средств вместо того, чтобы обратиться к внутренним силам, а также использование этих внутренних сил в недобрых целях. Проутюжить мир, словно бульдозером, подчинить себе волю других... Проблема Машины выросла из проблемы Магии.

В своих легендах я нечасто прибегаю к «магии»: эльфийская королева Галадриэль укоряет хоббитов за то, что они обозначают этим словом и происки Врага, и действия эльфов. Жаль, что в человеческом языке нет слова, которое позволило бы подчеркнуть разницу между той и другой магией. Впрочем, мои эльфы всячески стараются показать, что их магия — другая. Это Искусство, лишенное множества ограничений, какими его наделили люди; искусство свободное, смелое, совершенное (ибо предмет и образ существуют в нем как единое целое). И цель такого искусства — не Власть, а Вторичный мир — создается не для того, чтобы покорить и перекроить Первичный. Эльфы бессмертны — по крайней мере, если и погибнут, то вместе с мирозданием, поэтому сильнее озабочены тяготами бессмертия, чем бременем смертности. Враг же, который возрождается всякий раз в новом обличье, помышляет, естественно, лишь о Власти, а посему является властелином магии и машин.

(Из письма М. Уолдмену)

Моя книга — литературное произведение, а не историческая хроника, в которой описываются реальные события. То, что выбранная мною манера изложения, придающая произведению «историческую достоверность» и иллюзию (?) трехмерности, оказалась удачной, доказывают письма, судя по которым «Властелин Колец» воспринимается как «отчет» о реальных событиях, как описание реальных мест, чьи названия я исказил по невежеству или небрежности. Кстати, меня неоднократно укоряли в том, что я не потрудился как следует изобразить экономику, науку, религию и философию Средиземья *(Среднеземелья — К.К.)*.

Что касается отношений между Творением и Вторичным Миром. Я бы сказал, что отказ от «использования средств, уже примененных творцом» является основополагающим свойством вторичного творения, своего рода благодарственным подношением Творцу. Я не метафизик, однако приведенная выше фраза явно попахивает метафизикой, причем весьма любопытной (различных метафизик на свете много, скорее всего, и не перечесть).

«Реинкарнация» применительно к роду человеческому означает уже не метафизику, а дурного толка теологию. В основе же моего легендвриума — в особенности это относится к «Падению Нуменора», которое непосредственно примыкает к «Властелину Колец», — лежит убеждение, что люди смертны, а потому к ним не следует относиться как к «бессмертным во плоти». * Однако мне непонятно, каким образом, даже в Первичном Мире, любой теолог или философ, если только он не осведомлен лучше других о взаимоотношениях духа и тела, может отрицать возможность реинкарнации как модуса существования, присущего определенным видам разумных существ.

Полагаю, основные трудности, с которыми я столкнулся, — научного, биологического характера, причем наука заботит меня ничуть не меньше, нежели теология и метафизика. Эльфы и Люди, с точки зрения биоло-

** Поскольку Второе Поколение Детей Божьих (Эрухини, «Дети Единого Бога») получило смерть в дар, а не в наказание, здесь мы тоже, можно сказать, сталкиваемся с «дурного толка теологией». В Первичном Мире, наверное, так и есть, но тут нас выручает воображение, способное прояснить истину. (Прим. автора).*

гии, принадлежат к одному и тому же виду, иначе они не могли бы заключать между собой браки и производить здоровое потомство (пускай такое бывает крайне редко, оно все же случается). Кое-кто считает, что основной биологической характеристикой вида является продолжительность жизни; если придерживаться этого мнения, то «бессмертные», «не умирающие от старости» эльфы попросту не могут состоять в родстве со смертными, как и в Первичном Мире, Людьми. Что тут можно сказать? Биология — всего лишь теория; геронтологи, или как они там себя называют, недавно установили, что старение человеческого организма — штука весьма загадочная и не настолько неизбежная, как представлялось раньше. Кроме того, мне, признаться, все равно, что говорит наука. Родство между Эльфами и Людьми — неотъемлемая черта моего мира, воображаемого, рудиментарно «вторичного», но моего. И если Творцу будет угодно «оживить» его в том или ином измерении, тогда всякий, кто захочет, сможет войти в него и изучать тамошнюю биологию в полевых условиях.

Пока же мой мир таков, каков он сейчас — честно говоря, порой мне кажется, что не я его создаю, а он «проявляется» через меня, — прежде всего продукт воображения, а описание этого мира — произведение литературное и, не побоюсь сего слова, дидактическое.

(Из письма П. Гастингсу)

«Властелин Колец» писался для собственного удовольствия: я проверял, способен ли написать большое произведение, и пытался выразить «веру во Вторичный Мир». Создавалась книга медленно, поскольку я старался не пропускать ни единой подробности, и превратилась в конечном итоге в Картину-без-Рамы. Я выхватил из мироздания крошечный кусочек, историю которого и попробовал отразить. Этим, возможно, и объясняется налет «историчности», а также то, что трилогию издали и она пользуется популярностью у множества самых разных людей. Однако понять, как она возникла, достаточно сложно. Оглядываясь назад, на события, последовавшие сразу за выходом книги из печати, я ловлю себя на странном ощущении: мне кажется, что испокон веку нависавшие над головой облака неожиданно разошлись, и на землю вновь хлынул почти забытый солнечный свет. Как будто я стал Пиппином, который услышал рог Надежды. Тем не менее, вопросы «Как?» и «Почему?» остаются.

Пожалуй, я догадываюсь, что ответил бы Гэндалф. Несколько лет назад в Оксфорде ко мне заглянул человек, чье имя я, к сожалению, позабыл (хотя оно, по-моему, достаточно известно). Его поразило, что многие старинные художники, сами того не подозревая, словно иллюстрировали «Властелина Колец». В подтверждение своих слов он показал пару репродукций. Думаю, сначала ему просто хотелось убедиться, что мое воображение подстегивали не только литература и языкознание, но и живопись. Когда же стало ясно, что я никогда не видел этих картин и к тому же не слишком хорошо ориентируюсь в живописи вообще, он пристально поглядел на меня и вдруг спросил: «Надеюсь, вы не думаете, что написали всю книгу самостоятельно?»

Вопрос как раз для Гэндалфа! Я неплохо знаком с Г., а потому не стал грубить в ответ. Кажется, я сказал: «Нет, больше я так не думаю». Не правда ли, весьма тревожный сигнал для пожилого филолога, полагавшего, что пишет для собственного развлечения? Но для того, кто считает, что все «инструменты в руках Божьих» несовершенны, заключение вполне логично.

Вы говорите о «здравомыслии и святости» во «Властелине Колец», который «поистине великолепен». Я глубоко тронут вашими словами. Мне никогда еще не говорили ничего подобного. Однако вот странное совпадение: сегодня я получил письмо от человека, который называет себя «неверующим» или, по крайней мере, лишь понемногу приближающимся к вере. Он пишет: «Вам удалось создать мир, в котором вера как будто существует, но впрямую о ней нигде не говорится; она — свет, исходящий от невидимой лампы». Что можно ответить? Ни один человек не может судить о собственной святости. Она исходит не от него, а через него, и ее не почувствовать, если думать иначе. Кстати сказать, в этом случае «инакомыслие» грозит обернуться презрением, отвращением, ненавистью...

Разумеется, «Властелин Колец» мне не принадлежит. Он появился на свет потому, что так было суждено, и должен жить своей жизнью, хотя, естественно, я буду следить за ним, как следят за ребенком родители. Мне радостно сознавать, что у него уже нашлись добрые друзья, способные защитить от коварства и злобы врагов. Но, к несчастью, далеко не все глупцы собрались под знамена противника.

(Из письма К. Бэттен-Фелпс)

Комментарии.

1. Уистен Хью Оден (1907 — 1973) — английский поэт и литературный критик, член т. н. «оксфордской группы», куда также входили С. Дэй-Льюис, Л. Макнис и С. Спендер.
2. Милтон Уолдмен (1895 — 1976) — английский литератор, являлся консультантом многих крупных издательств.
3. Питер Гастингс — редактор английского католического издательства.
4. Кэрол Бэттен-Фелпс — одна из почитательниц творчества Толкина.

Публикацию подготовил
Кирилл КОРОЛЕВ

От переводчика:
«Границы моего языка означают границы моего мира», — говорил Людвиг Витгенштейн. Толкин возвел этот принцип в квадрат, если не в куб. У Витгенштейна все же язык вырастает из мира, тогда как у Толкина наоборот — мир возникает из языка.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Филип К. Дик

Лабиринт смерти

Предисловие автора

Теология этого романа не имеет аналогов в известных мировых религиях. Она выросла из нашей совместной с Уильямом Сариллом попытки создания абстрактной логической религиозной системы, основанной, правда, на постулате существования Бога. Позднее Бишоп Джеймс А. Пайк в беседах со мной значительно дополнил ее, предоставив в мое распоряжение богатый теологический материал.

Посмертные переживания Мэгги Волхв до мелочей совпадают с моим собственным опытом приема ЛСД.

Взгляд на мир в этом романе очень субъективен; реальность показана не непосредственно, а глазами кого-то из героев. От главы к главе это видение меняется вместе с персонажем, хотя большинство событий преломлены через психику Сета Морли.

Весь материал о Вотане и гибели богов в большей мере позаимствован из «Кольца нибелунга» Рихарда Вагнера, нежели из подлинных мифов.

Источником ответов **тенча** *на вопросы героев был «Ицзин», китайская «Книга Перемен».*

«Текел Упарсин» — часть арамейской фразы: «Он рассудил, и отныне они разделились». Арамейский — язык, на котором говорил Христос. В романе есть некто, подобный Ему.*

Глава 1

Работа, как всегда, вызывала у него скуку. Поэтому на прошлой неделе он отправился в корабельную радиорубку и присоединил провода к электродам, вживленным в эпифиз. По проводам его молитва поступила в передатчик, а оттуда — на ближайшую радиорелейную станцию. Все эти дни она мчалась сквозь Галактику и достигла одной из Божьих планет. Во всяком случае он на это надеялся.

Молитва была проста. «Мне осточертело сидеть в патентном отделе, — жаловался он. — Надоела рутина. Этот корабль слишком велик, к тому же я здесь никому не нужен — как бесполезный винтик. Не мог бы Ты подыскать мне какую-нибудь увлекательную творческую работу?»

Свою мольбу он, естественно, адресовал Заступнику. Если бы тот не отозвался, он обратился бы к Промыслителю. Но Заступник откликнулся.

— Мистер Толчиф, — произнес начальник, входя в рабочий отсек Бена, — вас переводят. Что скажете?

— Я немедленно радирую благодарственную молитву! — воскликнул Бен, и на душе у него потеплело; приятно, когда твоя молитва услышана. — Когда меня переводят? Скоро? — Он не имел привычки скрывать от начальства свою неудовлетворенность работой. Да в этом давно и не было нужды.

— Бен Толчиф, вы похожи на фанатика.

— А вы разве не молитесь? — удивился Бен.

— Только в безвыходной ситуации. Мне больше по душе, когда человек сам решает свои проблемы, без помощи со стороны. Ну, как бы то ни было, вопрос о вашем переводе решен. — Начальник бросил на стол перед Беном листок бумаги. Маленькая колония на планете Дельмак-0. Я о ней впервые слышу, но, полагаю, вы все узнаете, когда туда доберетесь. — Он окинул Бена задумчивым взглядом. — Вам разрешается воспользоваться одним из корабельных нозеров. Плата — три доллара серебром.

— Согласен. — Бен схватил документ.

На скоростном лифте он поднялся в радиорубку. Передатчик был загружен — в эфир шли официальные радиограммы.

— У вас сегодня будут «окна»? — спросил Бен главного радиста. — Мне надо еще помолиться, но я не хочу вам мешать.

— Передатчик будет занят весь день, — ответил главный радист. — Послушай, Бен, мы ведь на прошлой неделе передавали твою молитву. Разве этого мало?

— И все-таки я честно попытался, — бормотал Бен, выходя из радиорубки и направляясь к себе. — Если когда-нибудь возникнет вопрос, я скажу, что делал все от меня зависящее, но как всегда каналы связи были забиты служебными переговорами.

Он почувствовал растущее предвкушение новизны. Наконец-то творческая работа, и именно сейчас, когда он больше всего в ней нуждается.

— Еще несколько недель, и я снова взялся бы за бутылку, как в прискорбные старые времена, — сказал он себе. — Ну да, вот почему они согласились. Поняли, что я на грани срыва. Все бы кончилось арестантским отсеком, в компании... Кстати, интересно, сколько там их сейчас сидит? С десяток, наверное. Не так уж много для такого большого корабля со столь суровым уставом.

Из верхнего ящика тумбочки он извлек непочатую бутылку «Питера Доусона» и свинтил колпачок.

— Это надо отметить. — Он наполнил до краев бумажный стаканчик. — Все-таки праздник. Боги поощряют ритуальные возлияния.

Осушив стаканчик, Бен снова наполнил его.

Для пущей торжественности он выложил на стол (правда, не без колебаний) свою настольную Книгу Э. Дж. Спектовского: «О том, как я восстал из праха на досуге, и о том, как это можешь сделать ты». В жизни Бена этот дешевый томик в мягкой

* *Автор перефразирует известное библейское изречение. Во время пира вавилонского царя Валтасара таинственная рука начертала на стене слова: «Мене, мене, текел упарсин», которые призванный в залу пророк Даниил объяснил так: «МЕНЕ — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ — ты взвешен и найден очень легким; УПАРСИН — разделено царство твое и дано мидянам и персам» (Дан. V, 25 — 28) (Здесь и далее прим. перев.).*

обложке был единственной книгой, а посему он относился к ней не без сентиментальности. Открыв наугад, по методу библиомантики, он перечитал несколько параграфов apologia pro sua vita* великого коммунистического теолога двадцать первого столетия.

«Бог не сверхъестествен. Его самозарождение было первым и наиболее естественным актом творения».

Верно, мысленно произнес Бен. Впоследствии это было доказано в трудах теологов. Спектовский не только логик, но и пророк. Все, предсказанное им, рано или поздно сбывается. Правда, осталось еще много неясностей. Например, причина появления Промыслителя (если не удовлетвориться утверждением Спектовского, что существа этого порядка самозарождаются и бытийствуют вне времени, а, следовательно, вне причинности). Но в основном теория мироздания была явлена именно здесь, на многократно переиздававшихся страницах.

«По мере удаления от центра, могущество, доброта и всеведение Божества ослабевают, так что на периферии наибольшего концентрического круга его доброта и всеведение слишком слабы, чтобы сдерживать Разрушителя Форм, который также возник в результате божественного деяния по сотворению формы. Происхождение Разрушителя неясно. Невозможно с уверенностью утверждать, является ли он отделенной от Божества сущностью, не сотворенной Божеством, но самозародившейся, подобно Божеству, или Разрушитель Формы суть Ипостась Божества...»

Бен оторвался от книги, глотнул виски и устало потер лоб. Ему было сорок два, и Книгу он перечитывал много раз. Но жизнь его, хоть и долгая, до сих пор не сложилась. Он сменил множество профессий, всегда работал на совесть, но так ни в чем и не преуспел. Может, его жизнь изменится с этим новым назначением. Возможно, это его великий шанс.

Сорок два. Мысли о возрасте приходили все чаще, и каждый раз он недоумевал, что стало с тем стройным двадцатилетним парнем. Год уходил за годом, безжалостно увеличивая и без того невообразимое число прожитых лет. В мыслях Бен до сих пор видел себя молодым, и, когда случайно натыкался на свои недавние фотографии, бывал потрясен. С некоторых пор он даже пользовался электробритвой, чтобы только не смотреть на себя в зеркало во время бритья. «Кто-то похитил мой подлинный облик, а взамен оставил этот»,— вздыхал он порой. Ну да так уж вышло.

Из всех многочисленных занятий, которые он перебрал на своем долгом скитальческом веку, он с охотой вспоминал только одну. В 2105 году он заведовал музыкальной трансляцией на борту гигантского корабля, летевшего к одной из планет Денеба. В студии он нашел все симфонии Бетховена вперемежку со струнными версиями «Кармен», «Коппелии» и «Сильвы». Он прокручивал «Пятую симфонию» Бетховена, свою любимую, тысячу раз кряду по внутренней трансляции, которая протянулась по всему кораблю — до самого последнего кубрика и каптерки. Как ни странно, никто не протестовал, и он продолжал в том же духе, передав свою любовь «Седьмой», и в конце концов дойдя до «Девятой», которой и остался верен до конца путешествия...

«Что мне, похоже, не помешает, так это сон, — подумал Бен. — Полуявь-полудрема, где остаются только звуки Бетховена. Все остальное — туман, иллюзии...

Нет, — решил он, — я хочу *быть*! Творить и видеть плоды своего труда. С каждым новым годом это желание все острее. И невыполнимее. Суть Промыслителя в его способности обновлять все на свете. Останавливать процесс распада путем замены разлагающихся элементов на новые, совершенные формы. Но и они не вечны — Разрушитель Форм не дремлет. И тогда Промыслитель снова возьмется за дело. Это напоминает постоянную замену старых пчел, износивших свои крылья, на новых. Но я-то не пчелиный рой. Самому мне обновиться не под силу. Я — во власти Разрушителя. я старею. И дальше будет только хуже.

Господи, помоги мне. Но не заменяй меня. С точки зрения космологии, это было бы правильнее, но мне не хочется исчезать. Возможно, ты понял это, раз ответил на мою молитву».

Выпивка навеяла сон: к своему огорчению, он понял, что клюет носом. Необходимо вернуть бодрость! Вскочив, он энергичным шагом подошел к портативному фонографу и наугад поставил запись. В тот же миг противоположная стена комнаты засветилась, на ней ожили, замелькали, наслаиваясь друг на друга, яркие, но ненатурально плоские фигуры. Бен машинально покрутил ручку настройки, изображение стало объемным. Он прибавил звук.

— ...Леголас прав. Не пристало нам стрелять в дряхлого старца, даже если страх и недоверие закрались в наши сердца. Бди и смотри...

Вычурные фразы эпоса вернули ему чувство реальности, он возвратился к письменному столу, сел и взял документ, полученный от начальника. Нахмурив брови, он попытался расшифровать послание. В цифрах, буквах и пробелах скрывалась его новая жизнь, его будущий мир.

— ...Ты говоришь как человек, хорошо знающий Фангорна. Так ли это? — Он уже не слушал видеозапись, пытаясь вникнуть в суть послания.

— ...Что ты можешь добавить к тому, что рассказал во время нашей последней встречи? — прогремел резкий, властный голос.

Бен поднял взгляд и обнаружил перед собой фигуру Гэндальфа в сером одеянии. Словно тот обращался к нему, Бену Толчифу, вызывая его на откровенность.

— Или у тебя есть что сокрыть? — допытывался маг.

Бен встал, подошел к фонографу и выключил его.

«Сейчас я не в силах ответить тебе, Гэндальф, — мысленно произнес он. — У меня неотложные дела. Реальные дела. Отвлеченные, глубокомысленные беседы с мифологическими персонажами, которые, возможно, никогда и не существовали, — непозволительная роскошь для меня. Прежние ценности неожиданно потеряли всякий смысл. Необходимо понять, что означают эти проклятые буквы и цифры».

Бен плотно завинтил колпачок на бутылке. До него уже начал доходить смысл послания. В одноместном нозере он доберется до колонии, где его встретит примерно дюжина других поселенцев, завербованных в разных местах.

Пятый квалификационный разряд. Заказ класса С. Оплата по тарифу К-4. Максимальный срок

* *Оправдание своей жизни (лат.).*

контракта два года. Начисление пенсии и медицинской страховки — со дня прибытия. Если дела обстоят именно так, он улетает немедленно. Доводить до конца нынешнюю работу вовсе не обязательно.

«И у меня есть три серебряных доллара на нозер, — сказал он себе. — Значит, беспокоиться не о чем. Разве что...».

Он так и не понял, чем ему предстоит заниматься. На этот счет буквы, цифры и пробелы не сказали ничего. Точнее, он не разобрался в этой — самой важной — части приказа.

«Все равно предложение выглядит заманчиво. Мне подходит. Я согласен на эту работу.

Гэндальф, мне нечего скрывать. Не так уж часто молитвы находят отклик, и я принимаю этот дар».

Вслух он сказал:

— Гэндальф, тебя давно уже нет на свете. Ты существуешь только в воображении людей, а то, что лежит передо мной, пришло от Единственного, Истинного и Живого Божества, которое абсолютно реально. О чем еще я мог мечтать?

Ответом ему была тишина. Бен больше не видел Гэндальфа, потому что выключил запись.

— Быть может, когда-нибудь, — продолжал он, — мне будет что скрывать. Но не теперь. Понимаешь? — Он подождал, вслушиваясь в тишину и сознавая, что в любой момент может нарушить или восстановить ее простым нажатием кнопки.

Глава 2

Пластиковым ножом Сет Морли аккуратно разделил надвое круг швейцарского сыра «груйяр» и объявил:

— Я уезжаю. — Он решительно отхватил и поднес ко рту на острие ножа здоровенный ломоть. Прожевав, добавил: — Завтра поздно вечером. Кибуц Текел Упарсин видит меня нынче в последний раз. — Он ухмыльнулся, заметив, как Фред Госсим, главный инженер колонии, насупил брови, не разделяя его торжества. Казалось, Госсим излучал молчаливое неодобрение.

Мэри Морли тихо произнесла:

— Мой муж подал прошение о переводе восемь лет назад. Мы не собирались оставаться здесь на всю жизнь, и вы об этом знаете.

— Мы уезжаем с ними, — заикаясь от возбуждения, произнес Майк Ниманд. — Будешь знать, как приглашать классного гидробиолога и запихивать его в распроклятые каменоломни. Нас всех тошнит от этого. — Он ткнул в бок свою маленькую жену Клэйр. — Я не прав?

— На этой планете нет водоемов, — раздраженно бросил Госсим. — Мы с превеликим трудом нашли работу мистеру Морли.

— Однако восемь лет назад вы приглашали именно гидробиолога, — напомнила Мэри, заставив Госсима насупиться еще больше.

— Но теперь это ваш дом. И ваш. — Он указал на членов совета кибуца, столпившихся вокруг. — Мы сами его построили.

— И сыр здесь ужасный, — проворчал Сет. — И еще квэкипы, эти козлоподобные твари, воняющие, как прошлогодние подштанники Разрушителя Форм. Наконец-то я смогу раз и навсегда выкинуть все это из головы. И квэкипов, и сыр — все вместе. — Он отрезал еще кусок дорогого импортного сыра и сказал Ниманду: — Ты не сможешь поехать с нами. Мы получили разрешение на отлет. Во-первых, нозер вмещает только двоих, в данном случае — меня и мою жену; во-вторых, ты и твоя жена — это еще два человека. Вы отпадаете.

— Мы возьмем другой нозер, — возразил Ниманд.

— У тебя нет разрешения переселиться на Дельмак-0, — промямлил Сет с набитым ртом.

— Просто вы не хотите взять нас с собой, — обиделся Ниманд.

— Кому ты нужен, — проворчал Госсим. — По мне, так скатертью дорога. Вот Морли — другое дело. Не хотелось бы, чтобы он сгинул без следа.

Взглянув на Госсима, Сет ядовито заметил:

— Значит, этот перевод a priori означает «сгинуть без следа»?

— Насколько я понимаю, это какие-то экспериментальные работы, — пожал плечами Госсим. — Вас соберется человек тринадцать-четырнадцать в маленьком поселке. Для тебя это означает возвращение к первым дням Текела Упарсина. Хочешь начать все сначала? Вспомни, как долго мы создавали все это. Понадобились сотни квалифицированных самоотверженных добровольцев. Ты упомянул о Разрушителе Формы. Разве ты не разрушаешь своими действиями форму Текела Упарсина?

— И свою тоже, — задумчиво произнес Сет.

Он помрачнел. Госсим его допек. Главный инженер умел говорить красиво, на удивление красиво для технаря. Своими зажигательными речами он много лет удерживал кибуц в повиновении. Но по мере того как супруги Морли набирались ума-разума, его слова утрачивали убедительность. Они уже не действовали на Сета как когда-то. И хотя оставался ореол былой притягательности, Госсиму больше не удавалось как следует встряхнуть нескладного темноглазого инженера.

«Все-таки мы уезжаем, — подумал Сет. — Как в «Фаусте»: «Вначале было дело». Не слово, а дело, как утверждал Гете, предвосхищая экзистенциалистов двадцатого века».

— Вы еще пожалеете, — предрек Госсим.

Сет хмыкнул.

— И знаешь, что я скажу, если вы попроситесь обратно? — громко спросил Госсим. — Я скажу, что Текелу Упарсину не нужен гидробиолог, у нас даже океана нет, и мы не собираемся копать пруд, чтобы обеспечить вас работой.

— Я никогда не просил копать здесь пруд, — ответил Сет.

— Однако вы мечтаете о нем.

— Я мечтаю о любом водоеме, — отрезал Сет. — Вот истинная причина нашего отъезда, и вот почему мы никогда не вернемся.

— Вы уверены, что на Дельмаке-0 есть вода? — поинтересовался Госсим.

— Я думаю... — начал Сет, но Госсим перебил.

— То же самое вы думали, собираясь в Текел Упарсин. С этого и начались ваши беды.

— Я думал, раз вы приглашаете гидробиолога. — Сет устало вздохнул: не имело смысла убеждать Госсима. Руководитель кибуца был человеком непробиваемым.

— Слушайте, дайте поесть спокойно. — И Сет принялся за новый кусок «груйяра». Однако сыр успел опротиветь ему. Черт с ним, решил Сет, раздраженно отбрасывая нож. У него пропала всякая охота продолжать спор. Госсим не может помешать — вот что главное. Приказы не обсуж-

даются, и в этом их достоинство и недостаток, как заметил Уильям Гилберт*.

— Черт бы тебя побрал со всеми потрохами! — воскликнул Госсим.

— И тебя тоже, — огрызнулся Сет.

— Истинно мексиканское высокомерие, — заметил Ниманд. — Видите, мистер Госсим, вам не удастся нас удержать. Вы можете только браниться.

Госсим сделал непристойный жест двум своим строптивым работникам и, растолкав толпу в дверях, быстро зашагал прочь. В конторе воцарилась тишина. Сет почувствовал облегчение.

— Споры утомляют, — сказала его жена.

— Да, — согласился он. — Госсим тоже устал. Восемь лет бессмысленных споров. Пойду выберу нозер. — Он вышел из офиса на полуденное солнце.

«Странная штука, этот нозер, — раздумывал он, стоя на краю взлетного поля и обозревая ряды неподвижных корабликов. Во-первых, он невероятно дешев — меньше четырех серебряных долларов. Во-вторых, пригоден только для путешествия в один конец. По одной простой причине: он слишком мал, чтобы нести топливо для обратного полета. Все, на что он способен, — стартовать с большого корабля или с поверхности планеты, взять курс к месту назначения и совершить мягкую посадку.

Однако нозеры исправно делали свое дело. И люди, и другие разумные существа летали по всей Галактике на этих стручкообразных суденышках».

— Прощай, Текел Упарсин, — пробормотал Сет и помахал шеренгам апельсиновых кустов, окружавшим стоянку.

— Ну, который выберем? — спросил он себя.

Все нозеры выглядели одинаково: ржавые, хлипкие. Ни дать ни взять — автосвалка из далекого прошлого Земли.

«Возьму первый попавшийся с названием на «М», — решил Сет и двинулся в обход поля. — «Мнительный цыпленок». Хорошо, пусть будет «Цыпленок». На вид неказистый, но сойдет».

Все, в том числе Мэри, говорили, что Сет излишне мнителен. «Не мнителен, а впечатлителен, — подумал он. — Люди путают эти понятия».

Бросив взгляд на наручные часы, он увидел, что у него есть время пройтись до упаковочного цеха завода по переработке цитрусовых.

— Десять пинтовых банок джема сорта АА, — сказал Сет кладовщику. Или он получит паек сейчас, или не получит никогда.

— Ты уверен, что тебе полагается десять пинт? — кладовщик подозрительно посмотрел на него.

— А ты звякни Джо Персеру и спроси, сколько джема мне причитается. Ну, давай, звони.

— Некогда. — Кладовщик отсчитал десять банок основной продукции кибуца и протянул их Сету в бумажном мешке вместо стандартной картонной коробки.

— А коробку?

— Проваливай, — отрезал кладовщик.

Морли вытащил одну банку, дабы убедиться, что это действительно сорт АА. Да, все правильно. «Джем кибуца Текел Упарсин», — гласила этикетка. «Изготовлен из натуральных севильских апельсинов (мутационный подвид 3-В). Купите дары солнечной Испании к вашему столу».

— Ладно, — вздохнул Морли. — Спасибо.

С большим бумажным мешком он снова вышел на солнце.

Вернувшись к «Цыпленку», он принялся расставлять банки в багажном отсеке. «Единственная стоящая вещь, выпускаемая кибуцем, — подумал он. — И, пожалуй, единственное, с чем жаль расставаться».

Он вызвал Мэри по индивидуальной рации, висевшей на шее.

— Я выбрал нозер. Приходи, посмотришь.

— Ты уверен, что он надежен?

— Ты ведь знаешь мой талант механика, — раздраженно ответил Сет. — Я проверил ракетный двигатель, электропроводку, предохранители, систему жизнеобеспечения — все в порядке.

Он поставил последнюю банку с джемом в магнитную клетку и захлопнул дверцу.

Мэри появилась через пять минут — стройная, загорелая, в рубашке цвета хаки, шортах и сандалиях.

— Какой-то дохлый, — сказала она, осматривая «Мнительного Цыпленка». — Но раз ты говоришь, что все в порядке...

— Я уже начал погрузку, — перебил Сет.

— Ты о чем?

Открыв багажный отсек, он с гордостью показал ей банки.

После долгого молчания она сказала:

— Господи...

— В чем дело?

— Ты не проверил электропроводку и двигатель, выклянчивая этот проклятый джем. — Она со злостью хлопнула дверцей багажного отсека. — Порой мне кажется, что ты псих. От этого чертова нозера зависит наша жизнь. А вдруг откажет система снабжения кислородом? Или обогрев? А вдруг в обшивке микроскопическая течь? Или...

— Так позови брата, пусть он посмотрит корабль, — перебил Сет. — Ты ведь ему больше доверяешь, чем мне.

— Ты же знаешь, он занят.

— Надо было послать его сюда выбрать нозер получше.

Жена растерянно застыла, затем поникла в язвительном смирении.

— Самое удивительное: тебе всегда сопутствует удача, — вздохнула она. — Должно быть, это и впрямь лучший нозер. Но не потому, что ты разбираешься в технике, просто ты везуч, как мутант-ясновидец.

— Это не везение, а здравый смысл.

Мэри тряхнула головой.

— Черта с два. В тебе нет ни капли здравого смысла, — ни в обычном понимании, ни в каком другом. Ладно, давай возьмем этот нозер и понадеемся на твою удачливость. Но все-таки, Сет, как можно так жить? — Она надулась и посмотрела ему в лицо. — Это нечестно по отношению ко мне.

— Я отвечаю за нас обоих.

— Ты продержал нас здесь, в кибуце, восемь лет, — сказала Мэри.

— И все-таки благодаря мне мы улетаем.

— Туда, где, наверное, еще хуже. Что мы знаем об этом новом назначении? Только то, что знает Госсим, а ему это известно, потому что в его обязанности входит читать чужую корреспонденцию. Он прочел твою молитву... Я не хотела тебе говорить. Я знала, что тогда ты...

---

* *Гилберт Уильям (1544 — 1603) — английский натурфилософ и врач.*

— Ублюдок! — Морли почувствовал, что краснеет от бессильной ярости. — Читать чужие молитвы!..

— Он начальник. Ему кажется, что он отвечает за все. В любом случае мы улетаем. Слава Богу. Ну остынь, успокойся. Тут ничего не поделаешь, он прочел ее много лет назад.

— Он признал, что это хорошая молитва?

— Фред Госсим никогда бы так не сказал. Но, думаю, она хорошая. Иначе ты не получил бы перевода.

— Я тоже так думаю. Ведь Бог не ответил на бесчисленные молитвы иудеев, уповавших на соглашение, заключенное до явления Заступника, в те дни, когда сила Разрушителя была еще очень велика, а наши отношения с ним — с Божеством, я имею в виду — такими запутанными...

— Представляю, как бы ты брюзжал в те дни по поводу речений и деяний Промыслителя, — усмехнулась Мэри.

Морли вздохнул.

— Я был бы великим поэтом. Как Давид.

— Ты занимался бы такой же ерундой, как и сейчас. — С этими словами она зашагала прочь, оставив его у нозера с банкой джема в руке.

Чувство беспомощности росло в нем, распирало грудь.

— Остановись! — крикнул он. — Я улечу без тебя!

Она уходила молча и не оглядываясь, освещаемая яркими лучами солнца.

Остаток дня Сет Морли занимался погрузкой багажа в «Мнительного Цыпленка». Мэри не показывалась.

Сет чувствовал, что к обеду закончит погрузку.

«Куда она подевалась? — вновь спрашивал он себя. — Непонятно».

На него навалились голод и усталость. Как всегда ко времени трапезы.

«Удивлюсь, если из этой затеи что-нибудь получится, — подумал Сет. — Поменять одну дерьмовую работу на другую. Я неудачник. С мечтой о хорошей работе я выбирал нозер. С мечтой о работе нагружал его этим проклятым барахлом». Он скептически оглядел багажный отсек. Груда одежды, книги, бумаги, кухонная утварь, пишущая машинка, аптечка, картины, «вечные» диванные покрывала, книгофильмы, шахматы, рация... Куча ненужного хлама. «Что мы нажили за восемь лет? — спросил он себя. — Ничего стоящего. Ко всему прочему, все это просто не влезет в нозер. Многое придется выкинуть или подарить. А лучше всего уничтожить. — Мысль о том, что кто-то воспользуется его добром, была немедленно отвергнута. — Сожгу все до последнего лоскутка. Всю яркую, безвкусную одежду, которую Мэри тащила в дом, как ворона в гнездо. Выброшу все ее манатки. А потом уложу свои. Сама виновата: надо было остаться здесь и помочь мне. Не собираюсь я грузить это барахло».

Стоя с охапкой одежды, Сет заметил в наступавших сумерках неясный силуэт.

«Кто это? — удивился он. — Не Мэри». К нему подходил человек или кто-то, похожий на человека в широком балахоне; длинные волосы ниспадали на широкие плечи. Сета охватил страх. «Сошедший-на-Землю, — понял он. — Пришел остановить меня». Потрясенный, он выпустил из рук одежду. В нем заговорила совесть, он ощутил всю тяжесть своих грехов. Очень долго — месяцы, годы — он не встречал Сошедшего, и теперь угрызения совести были невыносимы. Грехи никуда не исчезают: они накапливаются в душе до тех пор, пока Заступник не отпустит их.

Фигура остановилась перед ним.

— Мистер Морли.

— Да. — Он почувствовал пульсацию крови в висках. Лоб покрылся испариной, Сет попытался стереть его ладонью.

— Извините, я устал, — сказал он. — Я так долго грузил пожитки...

Сошедший-на-Землю сказал:

— Мой дорогой друг, нозер «Мнительный Цыпленок» не долетит до Дельмака-0. Поэтому я вмешиваюсь. Ты понимаешь?

— Конечно. — Сет виновато вздохнул.

— Выбери другой нозер.

— Да. — Сет торопливо закивал. — Хорошо, выберу. Спасибо, большое спасибо. Вы спасли нам жизнь.

Сет вгляделся в смутное лицо Сошедшего, пытаясь прочитать на нем осуждение. Но не смог ничего разглядеть в вечерней мгле.

— Жаль, что ты столь долго трудился впустую, — сказал Сошедший.

— Ничего...

— Я помогу тебе. — Сошедший-на-Землю наклонился, подобрал кучу коробок и двинулся вдоль ряда неподвижных нозеров. — Советую этот, — он остановился у одной из машин и взялся за дверцу. — Не красавец, однако в превосходном техническом состоянии.

— Хорошо, — пробормотал Морли, следуя за Сошедшим. — То есть спасибо. Внешний вид не имеет значения. Важно, что у него внутри. Нозеры похожи на людей. — Он засмеялся, но смех получился хриплым и резким: Его снова прошиб пот, по спине пробежал холодок страха.

— Не стоит бояться меня, — сказал Сошедший.

— Я понимаю, но... — кивнул Морли.

Некоторое время они трудились молча, перенося коробки из «Мнительного Цыпленка» в новый нозер. Снова и снова Сет пытался заговорить, но не мог. Страх парализовал ум. Быстрый ум, на который Сет всегда надеялся, подвел его.

— Тебе не приходила мысль обратиться к психиатру? — спросил наконец Сошедший-на-Землю.

— Нет.

— Давай передохнем. Нам нужно побеседовать.

— Нет!

— Почему «нет»?

— Я ничего не желаю знать, ничего не желаю слышать. — Сет различил в своем голосе дрожь слабости. Дрожь глупости — величайшей степени безумия, на какую он был способен. Он понимал это и все-таки цеплялся за привычное. — Знаю, я не совершенство. Но не могу измениться. Я доволен собой.

— Ты не проверил «Мнительного Цыпленка».

— Мэри хорошо подметила: обычно мне везет в таких делах.

— Она погибла бы вместе с тобой.

«Скажи это ей, не мне, — подумал Сет. — Пожалуйста, оставь меня в покое. Я ничего не желаю знать!»

Сошедший некоторое время молча смотрел на него.

— Ты ничего не хочешь сказать мне?

— Я благодарен, чертовски благодарен. За ваше явление.

— Много раз за эти годы представлял ты, что

скажешь мне, если повстречаешь вновь. Великое множество мыслей прошло через разум твой.

— Я забыл, — хрипло сказал Сет.

— Могу я благословить тебя?

— Конечно, — голос Сета звучал все так же хрипло и тихо. — Но почему меня? Что я такого сделал?

— Я горжусь тобой, вот и все.

— Но почему?! — Сет не понял. Он ждал осуждения, но уж никак не благословения.

— Много лет назад был у тебя кот, — молвил Сошедший-на-Землю. — Прожорливый и нахальный, и тем не менее ты любил его. Однажды он стащил с помойки кость марсианского канюка, подавился и умер. Ты долго горевал. Ты до сих пор любишь его. Прожорливость его, вся плутовская его сущность привела его к смерти. Дорого заплатил бы ты, чтобы он вернулся к тебе. Ты хотел бы видеть его таким, каким он был, прожорливым и пушистым, каким ты любил его, — неизмененным. Ты понимаешь?

— Я молился тогда, — сказал Морли. — Но помощь не пришла. Промыслитель мог повернуть время назад и возродить его.

— Сейчас хочешь ли ты вернуть его?

— Да, — поспешно сказал Морли.

— Примешь ли ты психиатрическую помощь?

— Нет.

— Я благословляю тебя. — Сошедший сделал правой рукой медленный и величественный жест. Сет Морли склонил голову, прижал руки к лицу и обнаружил, что горячие слезы текут по его щекам. До сих пор он пребывал в изумлении. «Этот старый бандюга кот. Я давно забыл его... Нет, если честно, подсознательно я никогда не забывал о таких вещах, — подумал он. — Все похоронено здесь, в голове, пока не случится что-нибудь из ряда вон...»

— Спасибо, — пробормотал он, когда благословение свершилось.

— Ты обретешь своего кота вновь, — ответил Сошедший. — Когда окажешься в раю.

— Вы уверены?

— Да.

— И он будет точно таким же?

— Да.

— Вспомнит ли он меня?

— Он помнит тебя. И ждет. И будет ждать.

— Спасибо, — снова сказал Морли. — Теперь мне намного лучше.

И Сошедший-на-Землю удалился.

В поисках жены Сет Морли заглянул в кафетерий кибуца. Она сидела за столиком в темном углу зала.

Ковыряя вилкой консервированную баранью лопатку, Мэри едва кивнула ему, когда он уселся напротив.

— Ты пропустил обед, — заметила она, прожевав.

— Я видел Его! — выпалил Морли.

— Кого? — Она с интересом взглянула на мужа.

— Сошедшего-на-Землю. Он пришел сказать, что нозер, который я выбрал, не довез бы нас.

— Я знала! — воскликнула Мэри. — Знала, что это корыто нас угробит.

— Мой кот до сих пор жив, — продолжал Морли.

— У тебя нет кота.

Сет порывисто схватил ее руку с вилкой.

— Он сказал: у нас все будет хорошо, мы попадем на Дельмак-0. Я получу работу.

— Ты поинтересовался, что это за работа?

— Об этом я не подумал.

— Дурак. — Она вырвала руку и вернулась к трапезе. — Скажи, как выглядит Сошедший?

— Ты никогда его не видела?

— Ты же знаешь, никогда.

— Красивый и добрый. Он благословил меня.

— Значит, он предстал перед тобой в облике мужчины. Интересно. Конечно, если бы он был в облике женщины, ты не стал бы слушать...

— Мне жаль тебя, — сказал Морли. — Он не вмешался бы ради твоего спасения. Вероятно, потому что ты того не стоишь.

Мэри швырнула вилку на пол и с яростью уставилась на мужа. Воцарилось напряженное молчание.

— Я улетаю на Дельмак один, — сказал наконец Морли.

— Ты так думаешь? Ты действительно так думаешь? Нет, я полечу с тобой. Тебя нельзя оставлять без присмотра. Без меня...

— Хорошо. — Он смерил ее уничтожающим взглядом. — Ты можешь лететь одна. Какого черта я должен заботиться о тебе? Все равно, если ты останешься, то заведешь роман с Госсимом и разрушишь ему жизнь. — Он судорожно сглотнул и замолк.

Консервы Мэри дожевывала в тишине.

Глава 3

— Вы на высоте тысячи миль над поверхностью Дельмака-0, — объявил Бену Толчифу наушник. — Пожалуйста, включите автопилот.

— Я могу сесть сам, — ответил в микрофон Бен Толчиф. Он бросил взгляд вниз, дивясь краскам незнакомого мира. «Облака, — решил он. — Шутки местной атмосферы. Вот и ответ на один из моих вопросов». Он ощутил спокойствие и уверенность. Потом задал себе следующий вопрос: Божий ли это мир? И этот непростой вопрос отрезвил его.

Посадка прошла без особых сложностей. Бен, потянувшись, зевнув и икнув, расстегнул привязной ремень, встал, неуклюже дошел до люка, затем вернулся и выключил двигатель и систему жизнеобеспечения. Теперь вроде все. Неловко подпрыгивая, он спустился по металлическим ступенькам трапа и ступил на поверхность планеты. Сразу за рядом зданий с плоскими крышами размещались маленькие стандартные коттеджи. Несколько человек приближались к нозеру.

Вероятно, встречали вновь прибывшего.

Бен размял руки, наслаждаясь мягкостью пилотских перчаток из пластиковой кожи и своим увеличенным телесным «я» в громоздком скафандре.

— Привет! — окликнул его женский голос.

— Привет.

Бен Толчиф с интересом посмотрел на молодую женщину в темном рабочем комбинезоне с симпатичными выпуклостями в надлежащих местах. Одежда гармонировала с ее честным, круглым, веснушчатым лицом.

— Божий ли это мир? — спросил он, медленно подойдя к ней.

— Нет. И здесь творятся странные дела. — Женщина указала в сторону неясного горизонта, затем, дружески улыбаясь, протянула руку: — Я

Бетти Джо Бем. Лингвист. А вы — мистер Толчиф или мистер Морли. Все остальные уже здесь.

— Толчиф, — ответил он.

— Я представлю вас нашим. Этот пожилой джентльмен — Берт Кеслер, наш сторож.

— Очень приятно, мистер Кеслер.

Рукопожатие.

— Это Мэгги Волхв, наш богослов.

— Очень приятно, мисс Волхв.

Рукопожатие.

«Симпатичная женщина».

— Весьма рада, мистер Толчиф.

— Игнац Тагг, химик.

Энергичное рукопожатие. Тагг ему не понравился.

«Слишком надменный».

— Доктор Милтон Бабл, врач колонии.

— Рад познакомиться, доктор Бабл.

Рукопожатие. Бабл, коренастый, с неопределенным выражением лица, носил цветастую рубашку с короткими рукавами.

— Тони Дункельвельт, фотограф и геолог.

— Приятно познакомиться.

Рукопожатие.

— А это Уэйд Фрейзер, наш психолог.

Долгое наигранно-сердечное рукопожатие. Влажная липкая пятерня.

— Глен Белснор, электрик и специалист по компьютерам.

— Рад встрече.

Рукопожатие. Сухая, шершавая, уверенная ладонь.

Опираясь на трость, подошла низенькая пожилая женщина с бледным, строгим, но очень приятным лицом.

— Мистер Толчиф... — она протянула изящную хрупкую руку. — Я Роберта Рокингэм, социолог, очень приятно познакомиться. Мы ждали вас.

— Вы Роберта Рокингэм? — Бен ощутил радостное волнение. Он полагал, что эта старая леди умерла много лет назад, и теперь почувствовал себя немного смущенным.

— А это, — улыбнулась Бетти Джо Бем, — Сьюзи Дам, наша секретарь-машинистка.

— Очень приятно, мисс... — Он запнулся.

— Смат, — представилась полногрудая, великолепно сложенная девица, и они пожали друг другу руки. — Сюзанна Смат. Они считают прозвище Дам очень забавным*.

— Хотите осмотреть колонию или сперва отдохнете? — спросила Бетти.

— Для начала я хочу узнать, для чего мы здесь. Мне ничего не сказали.

Знаменитый социолог хмыкнула.

— Мистер Толчиф, они и нам не сказали. Мы спрашиваем всех новоприбывших, и никто ничего не знает. Последним должен прилететь мистер Морли. Если и он не в курсе, что тогда будем делать?

Глен, электронщик, пожал плечами.

— Не вижу проблем. На круговую орбиту выведен спутник, он проходит над нами пять раз в сутки. Когда прибудет последний колонист, Морли, мы пошлем на спутник сигнал и прослушаем запись с инструкциями и разъяснениями. Мы получим ответы на все вопросы, кроме, пожалуй, одного: «Как вы настроили холодильник так, что пиво всегда холодное?» Впрочем, может, и это нам объяснят.

Вскоре Бен оказался втянутым в общий разговор, не особенно понимая, о чем идет речь.

— На Бетельгейзе-4 у нас были огурцы, мы их выращивали не как обычно — не в лунных лучах. Да вы, наверно, видели...

— ...Нет, пока не приходилось.

— ...Но он существует.

— ...Видите, у нас есть лингвист, значит, здесь должны быть разумные существа. Но пока наши экспедиции носят, скорее, ознакомительный, а не научный характер. Это изменится, когда...

— Ничто никогда не меняется. Несмотря на Спектовского, идея Творца всегда присутствовала в истории, как и начальная точка отсчета времени.

— Слушай, поговори об этом с мисс Волхв. Богословские проблемы меня не интересуют...

— Ты снова за старое. Мистер Толчиф, в вас есть индейская кровь?

— Да, я на одну восьмую индеец. Вы это поняли по фамилии?..

— ...И дома у нас паршивые. Вот-вот развалятся. В холодные часы их не обогреть, а в жару — страшная духота.

— Помяните мое слово: жилье это временное. Хотим мы здесь оставаться надолго или нет — один черт, придется строить все заново. И протягивать новую электропроводку.

— ...А по ночам верещат какие-то твари. Первые дни они не дадут вам спать. Каждую ночь я слышу этот проклятый писк. Вы сами поймете...

— ...Послушай, Бен, не зови Сьюзи Глупой. Она какая угодно, только не глупая.

— И весьма симпатичная.

— А ты заметил, как она...

— Заметил, но, полагаю, не стоит это обсуждать.

— Мистер Толчиф, кто вы по профессии, простите?..

— ...Где можно выпить чашку кофе?

— Попроси Мэгги Волхв. Она у нас специалист по таким делам.

— Если я смогу вовремя отключить кофейник. Когда о нем забываешь, он кипятит кофе снова и снова.

— Ума не приложу, почему наши кофейники так плохо работают. Их довели до совершенства еще в двадцатом столетии.

— Остается понять, чего мы еще не знаем.

— Тут как с Ньютоновой теорией цвета. К началу девятнадцатого века считалось, что о цвете известно все. Но тут появился Лэнд со своим двухсветовым источником и теорией интенсивности и разрушил все традиционные представления.

— Ты хочешь сказать, что в наших автоматических кофейниках есть что-то такое, чего мы не знаем?

И так далее...

Бен слушал рассеянно. Отвечал, когда его спрашивали. Устав от нахлынувших ощущений, он отделился от толпы и направился к рощице кожистых зеленых деревьев. Издали они казались подходящим материалом для обивки психиатрических кушеток.

Воздух слабо отдавал гарью, словно по соседству работал завод с отходным производством. «Через несколько дней я к этому привыкну, — решил Бен. — Есть что-то странное в этих людях.

** У многих героев «говорящие» фамилии. Смат (Smart) — остроумный, находчивый; Дам (Dumb) — глупый, тупой; Толчиф (Tallchief) — высокий вождь, начальник; Бабл (Babble) — болтовня; Тагг (Thug) — головорез (англ.); Дункельвельт (Dunkelwelt) — темный мир (нем.); Ниманд (Niemand) — никто (нем.).*

Но что? Они кажутся такими... — Он искал слово. — Слишком яркими. Да, точно. Необыкновенно одаренные, и каждый жаждет общения. Пожалуй, слишком взвинченные. Немудрено: они, как и я, понятия не имеют, зачем собрались здесь. Однако это не объясняет полностью их поведения».

Прервав размышления, он переключился на окружающий мир: ярко-зеленые деревья, подернутое дымкой небо, небольшие, напоминающие крапиву, растения под ногами.

«Довольно однообразный ландшафт. — Ощущение новизны исчезло; он почувствовал легкое разочарование. — Не многим лучше, чем на корабле».

Но Бетти Джо Бем говорила о необычных формах жизни за чертой поселка. Поэтому рано распространять свои выводы на всю планету. Следует отойти подальше от колонии, которая, как он осознал, не что иное, как часть их мира. В конце концов, чем еще здесь заниматься, пока не получены инструкции со спутника? «Надеюсь, Морли скоро появится, и мы сможем начать». Он присел на камень. На его правый ботинок неторопливо заполз жук. Затем вытянул вверх стебелек с крошечной телекамерой. Линзы камеры раскачивались прямо перед лицом Бена.

— Привет, — сказал Бен жуку.

Удовлетворенный осмотром, тот убрал камеру и не спеша удалился тем же путем. «Интересно, для кого или для чего он меня исследовал?» — подумал Бен поднимаясь. На мгновение ему пришло в голову раздавить жука, но вместо этого он подошел к Бетти Джо Бем.

— Когда ты прибыла, здесь были эти жуки-соглядатаи?

— Они появились, когда возвели первые здания. Полагаю, они безобидны.

— Но ты не уверена.

— Мы ничего не можем с ними поделать. Одно время мы их уничтожали, но тот, кто их делает, просто присылает новых.

— Наверное, вам имеет смысл проследить за ними и узнать, кто их присылает.

— Не «вам», а «нам», мистер Толчиф. Вы член нашей колонии, как и остальные. И знаете столько же, сколько все — так же мало. После получения инструкций мы поймем, чего требуют от нас проектировщики колонии. Поживем — увидим. Кстати, как насчет кофе?

— Ты давно здесь? — спросил Бен, когда они с Бетти, усевшись за пластмассовый мини-бар, маленькими глотками потягивали кофе из светло-серых чашек.

— Уэйд Фрейзер, наш психолог, прилетел первым примерно два месяца назад. Остальные прибыли поодиночке. Надеюсь, Морли тоже скоро прилетит. Мы умираем от любопытства, очень хочется узнать, зачем мы тут.

— Ты уверена, что Уэйд Фрейзер ничего не знает?

Бетти бросила на него быстрый взгляд.

— Что ты имеешь в виду?

— Он появился первым и встречал остальных. Может, это психологический эксперимент, и Фрейзер руководит им?

— У нас другое опасение, — Бетти вздохнула, — а вдруг наше пребывание здесь бессмысленно? Все прилетели сюда на нозерах. Ты же знаешь, без заправки нозер не взлетит вторично. Нам не выбраться отсюда без посторонней помощи. Может, это тюрьма? Может, мы все что-то натворили или кто-то считает, что натворили? Мы думали над этим. — Она с тревогой посмотрела на Бена. — Ты совершил в своей жизни что-нибудь противозаконное?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, может, ты преступник или что-нибудь в этом роде?

— Не думаю.

— Ты выглядишь нормально.

— Спасибо.

— Я имею в виду, что ты не похож на преступника.— Покраснев, она поднялась и пошла к буфету. — Как насчет «Сигрэмс ВО»?

— Не откажусь, — оживился он.

Когда они потягивали кофе, сдобренное канадским виски, в комнату заглянул доктор Милтон Бабл и, заметив их, устремился к бару.

— Дельмак-0 — второсортная планета, — без всякого вступления обратился он к Бену. Его землистое, словно изрытое оспой лицо скривилось. — Сейчас это не вызывает сомнений. Спасибо. — Он принял чашку кофе из рук Бетти, отхлебнул, все еще кривясь. — Сюда что-то добавлено? — Он заметил бутылку «Сигрэмса». — Черт, виски портит вкус кофе. — Он сердито поставил чашку.

— Я думала, так лучше, — виновато сказала Бетти.

— Знаете, Толчиф, забавная подобралась компания, — Бабл хмыкнул. — Я здесь уже месяц и не нашел никого, с кем можно поговорить по-человечески. Каждый замкнулся в себе и не удостаивает других даже проклятия. Конечно, я не имею в виду вас, Бетти.

— Да чего уж там, — вздохнула женщина. — Мне нет дела ни до вас, Бабл, ни до остальных. Хочется только одного: чтобы меня не трогали. — Она повернулась к Бену. — Когда кто-нибудь приземляется, в нас пробуждается любопытство... Но потом все возвращается на круги своя. — Она взяла из пепельницы сигарету и затянулась. Не обижайтесь, мистер Толчиф, но Бабл прав. Скоро мы утомим вас, а вы — нас. Вы немного пообщаетесь с нами и уйдете в... — Она запнулась, пошевелила пальцами, будто искала нужное слово, и слово это было осязаемым предметом. — Возьмем Белснора. Он думает только о системе охлаждения. Боится, что она сломается, и тогда всем нам крышка. Он считает, система охлаждения не дает нам... — она сделала жест сигаретой, — свариться.

— Его фобия безобидна, — заметил доктор Бабл.

— О да, все мы безобидны. — Бетти кивнула и обратилась к Бену: — Знаете, мистер Толчиф, что делаю я? Глотаю пилюли. Сейчас покажу. — Она открыла сумочку и извлекла аптечный пузырек. — Смотрите. — Она протянула пузырек Бену. — Голубые — это стелазин. Я их принимаю как противорвотное, хотя это не основное его назначение. Вообще-то, в дозах меньше двадцати миллиграммов в день стелазин — транквилизатор. В больших дозах это антигаллюциноген. Но я использую его иначе... Плохо то, что он расширяет сосуды. Иногда после него тяжело вставать. Кажется, это называется гипостаз.

— Значит, она все время принимает сосудорасширяющее, — проворчал Бабл.

— Маленькие белые таблетки, — продолжала Бетти, — это метамфетамин. А вот эта зеленая капсула...

— Когда-нибудь из ваших пилюль вылупятся птенцы, — хмыкнул Бабл.

— Странная мысль, — сказала Бетти.

— Я имел в виду, что они похожи на разноцветные птичьи яйца.

— Да, я поняла. Но все равно странное сравнение. — Она откупорила пузырек и высыпала на ладонь разноцветные пилюли. — Красная капсула — это, конечно, пентабарбитал, снотворное. Желтая — норпрамин, он снимает депрессивный эффект мелларила. Квадратная оранжевая таблетка, — это новинка. В ней пять слоев, которые действуют по так называемому принципу последовательного всасывания. Очень эффективный стимулятор ЦНС. Дальше...

— Бетти принимает успокоительное вместе с ЦНС-стимулятором, — вклинился в разговор Бабл.

— А они не компенсируют друг друга? — осведомился Бен.

— Может, и так, — пожал плечами доктор.

— Вовсе нет, — возразила Бетти. — Я хочу сказать, субъективно я чувствую разницу. Я чувствую, как они мне помогают.

— Бетти прочитала кучу литературы, — пояснил Бабл. — Привезла с собой «Настольный справочник врача» со списком побочных эффектов, противопоказаний, дозировки, времени воздействия и так далее. Она знает о своих пилюлях не меньше меня. Наверное, столько же, сколько фармацевты, которые их делали. Если вы покажете ей какую-нибудь таблетку, Бетти сразу скажет вам, как она называется, как действует и как... — Он поерзал на крутящемся табурете и засмеялся. — Я знаю лекарство, в сверхдозах вызывающее побочные эффекты — конвульсии и в конце концов смерть. И в справочнике, как раз после упоминания о конвульсиях, сказано: может возникнуть привыкание. — Он вновь засмеялся и поковырял в носу темным волосатым пальцем. — Странный мир. Очень странный.

Бен глотнул «Сигрэмс ВО». По телу разлилось привычное тепло. Он понял, что ему уже нет дела до Бабла и Бетти. Он погружался в себя — в собственные мысли и чувства.

В дверь просунул голову фотограф Тони Дункельвельт.

— Эй, там еще один нозер приземляется. Морли, наверное.

Голова Дункельвельта исчезла, дверь громко хлопнула.

Бетти встала.

— Пойдем посмотрим. Наконец-то мы все собрались. — Она направилась к двери. — Пойдемте, Мистер на-Одну-Восьмую-Индейский-Вождь.

Бен допил кофе с виски и поднялся. Испытывая легкое головокружение, он вышел за собеседниками на дневной свет.

Глава 4

Сет включил тормозные двигатели и расстегнул привязной ремень. Повернувшись, он попытался помочь жене.

— Я знаю, что делать, — огрызнулась Мэри. — Не надо обращаться со мной, как с ребенком.

— Ну что ты злишься? — удивился Морли. — Я же прекрасно вел нозер.

— Нозер вел автопилот, а под конец мы шли по радиомаяку, — усмехнулась она. — Впрочем, ты прав, я должна быть тебе благодарна.

Голос ее вовсе не звучал благодарно, но Сету было все равно. В голове хватало других мыслей.

Он вручную раздраил люк. Зеленоватый солнечный свет устремился в кабину, и Сет, защитив глаза ладонью, увидел унылый ландшафт: чахлые деревья и еще более чахлые кусты, слева, вдалеке, несколько беспорядочно разбросанных зданий. Колония.

К кораблю приближались люди, целая группа. Некоторые махали руками, и Сет помахал в ответ.

— Привет, — произнес он, спустившись по железным скобам и спрыгнув на землю. Повернувшись, он протянул руки к жене, но та пренебрегла его помощью и слезла сама.

— Здравствуйте, — сказала некрасивая загорелая женщина, когда Сет приблизился. — Рады вас видеть. Вы — последний.

— Сет Морли, — представился он. — А это Мэри, моя жена.

— Мы знаем, — кивнула женщина. — Давайте я представлю вас остальным. — Она показала на мускулистого молодого человека. Игнац Тагг.

— Рад познакомиться. — Морли потряс руку Тагга. — Я Сет Морли, а это моя жена Мэри.

— Меня зовут Бетти Джо Бем, — сказала некрасивая загорелая женщина. — А этот джентльмен — Берт Кеслер, наш сторож.

— Рад познакомиться, мистер Кеслер. — Сет энергично пожал руку сутулому пожилому человеку с усталым лицом.

— Я тоже рад, мистер Морли. И миссис Морли. Надеюсь, вам здесь понравится.

— Наш фотограф и геолог Тони Дункельвельт. — Бем указала на длинноногого парня, который пристально и угрюмо смотрел на них, не спеша протягивать руку.

— Привет, — поздоровался Сет Морли.

— Привет. — Парень уставился на собственные ботинки.

— Мэгги Волхв, наш теолог.

— Очень приятно, мисс Волхв. — Энергичное рукопожатие. «А она интересная женщина», — отметил про себя Морли.

Подошла еще одна привлекательная женщина в обтягивающем свитере.

— А вы кто? — спросил он, пожимая ее руку.

— Бухгалтерия и машинопись. Меня зовут Сюзанна.

— А фамилия?

— Смат.

— Прекрасная фамилия.

— Не думаю. Они прозвали меня Сюзанна Дам. По-моему, не очень остроумно.

Мэри яростно ткнула мужа локтем под ребро. Зная характер жены, он покорно оборвал разговор с мисс Смат и повернулся к тощему субъекту с крысиными глазами, сунувшему ему плоскую и клинообразную, как мастерок, руку. У Сета сразу возникло к нему непроизвольное отвращение. Это были не та рука, которую он хотел бы пожать, и не тот человек, с которым он хотел бы познакомиться.

— Уэйд Фрейзер, — представился субъект. — Местный психолог. Кстати, все вновь прибывшие проходят у меня вводный тест. Если позволите, я хотел бы протестировать и вас обоих. Сегодня же.

— Хорошо, — неуверенно согласился Сет.

— Этот джентльмен — Милтон Бабл с Альфы-5, — продолжала Бем, — наш доктор.

— Очень приятно, доктор. — Морли пожал его пятерню.

— Вы немного полноваты, мистер Морли, — заметил Бабл.

— Хм-м, — сказал Морли.

Опираясь на трость, вперед шагнула сухонькая старуха.

— Мистер Морли, я Роберта Рокингэм, социолог. — Она подала легкую слабую кисть. — Рада вас видеть. Надеюсь, вы долетели без особых неудобств.

— Благодарю, все в порядке, — Морли осторожно пожал маленькую ручку. «С виду ей за сто, — подумал он. — Как она еще работает? Как попала сюда?» Он не мог представить ее в корабле, мчащемся сквозь космическое пространство.

— Каково предназначение колонии? — спросила Мэри.

— Мы узнаем это через несколько часов, — ответила Бем. — Как только Глен — Глен Белснор, наш специалист по компьютерам, — свяжется с автоматическим спутником на орбите этой планеты.

— То есть вы пока не знаете? — изумился Сет. — Вам тоже ничего не сказали?

— Нет, мистер Морли, — произнесла миссис Рокингэм глубоким старческим голосом. — Но скоро мы узнаем. Мы очень долго ждали. Это будет так приятно — выяснить, зачем мы здесь. Вы согласны, мистер Морли? Я имею в виду, не правда ли чудесно узнать наконец нашу задачу?

— Да, — кивнул он.

— Итак, вы со мной согласны, мистер Морли. Думаю, это прекрасно, что мы можем прийти к согласию, — многозначительно продолжала старуха. — Боюсь, мистер Морли, основная наша проблема — в отсутствии общей цели. Межличностное общение в группе пришло в упадок, но теперь, конечно, все изменится. Тогда мы сможем... — Она наклонила голову, кашлянув в миниатюрный платочек. — Да, это действительно очень хорошо, — закончила она наконец.

— Я не согласен, — заявил Фрейзер. — Предварительное тестирование показывает, что, в общем, эта группа изначально ориентирована на «эго». В целом, Морли, они демонстрируют ярко выраженную склонность избегать ответственности. Я с трудом понимаю, почему выбрали некоторых из них.

Крепко сбитый тип в запачканной спецовке сказал:

— Я заметил, ты не говоришь «мы». Ты говоришь «они».

— Мы, они... — Психолог сделал конвульсивный жест. — У тебя навязчивая идея. Это еще одна общая черта данной группы: вы все слишком подозрительны.

— Я так не считаю, — ровным, твердым голосом произнес тип в спецовке. — По-моему, это ты немного не в себе. От этих тестов у тебя мозги набекрень.

Его слова подстегнули собравшихся. Все заговорили разом. Подойдя к Бем, Сет спросил:

— Кто начальник колонии? Вы?

Ему пришлось повторить вопрос, прежде чем она услышала.

— Неизвестно! — ответила она, пытаясь перекричать остальных. — Это еще одна проблема, которую мы хотели бы... — ее голос утонул в общем шуме.

— ...На Бетельгейзе-4 у нас были огурцы, но мы не выращивали их в лунных лучах, как вам сказали. По одной простой причине: на Бетельгейзе-4 нет луны, вот почему.

— ...Я никогда его не видела. И, надеюсь, никогда не увижу.

— Рано или поздно увидите.

— ...То, что среди нас есть лингвист, предполагает наличие на планете разумных форм жизни. Но мы до сих пор ничего о них не знаем. Наши экспедиции научными не назовешь, это что-то вроде пикника. Надеюсь, все изменится, когда...

— Ничего не изменится. Несмотря на теорию Спектовского о Боге, вмешивающемся в историю и запускающем время по новой...

— Вы неправы. Борьба до явления Заступника длилась очень долго. С тех пор все очень сильно изменилось, и теперь, в Эпоху Спектовского, прямой контакт с Ипостасями существенно упростился. Вот почему наше время в определенном смысле отличается даже от первых двух тысяч лет с момента появления Заступника.

— Если вам хочется об этом поговорить, обратитесь к Мэгги Волхв. Меня богословские проблемы не волнуют.

— Ну да. Мистер Морли, вам посчастливилось увидеть Ипостась?

— Да, было дело. Однажды, по-моему, в среду, по времени Текела Упарсина, мне явился Сошедший-на-Землю и сообщил, что корабль, который я выбрал, неисправен, и мы можем поплатиться жизнью.

— Итак, вас спасли. Должно быть, очень приятно сознавать, что за вас заступились. Наверное, это прекрасное чувство.

— ...Дома построены просто халтурно. Вот-вот развалятся. В холодное время не добьешься тепла, а в жару — прохлады. Знаете, что я думаю? Это временные постройки. За каким бы чертом нас сюда ни прислали, долго мы здесь не пробудем. Иначе придется строить новое жилье из армированного английского пластика или чего-нибудь в этом роде.

— ...Какое-то насекомое или растение пищит по ночам. Первое время вам будет не заснуть, мистер и миссис Морли. Да, я пытаюсь говорить с вами, но это так трудно из-за шума. Вот увидите.

— ...Пожалуйста, Морли, не будьте как все и не зовите Сьюзи Глупой. Как раз глупостью она не страдает.

— Хорошо, не буду. К тому же она довольно хорошенькая.

— А вы заметили, как она...

— Заметил, но видите ли, моя жена... Она смотрит на это косо, так что давайте не будем...

— Как скажете, мистер Морли. Кто вы по профессии?

— Квалифицированный гидробиолог.

— Простите? Я не расслышала, мистер Морли. Повторите, пожалуйста.

— Говорите погромче. Она малость глуховата.

— ...Можно где-нибудь выпить чашку кофе или стакан молока?

— Попросите Мэгги Волхв. Или Бетти Джо Бем.

— Господи, если бы я могла хоть раз выключить вовремя эту проклятую кофеварку. Всякий раз кофе убегает!

— Не понимаю, почему не работает кофеварка. Ведь их еще в начале двадцатого века довели до совершенства. Что еще можно о них знать, чего мы не знаем?

— Думаю, это можно сравнить с цветовой теорией Ньютона. Все, что можно знать о цвете, было известно к тысяча восьмисотому году.

— Да, вы все время это твердите. Эта идея вас просто преследует.

— А потом пришел Лэнд со своим двухсветовым источником и теорией цветовой интенсивности, и то, что казалось незыблемым, разлетелось вдребезги.

— По-вашему, мы не все знаем о гомеостатических кофеварках? Только думаем, что знаем?

И так далее...

Вздохнув, Сет отделился от группы и направился к нагромождению огромных, сглаженных водой валунов. Так или иначе, когда-то здесь была вода. Возможно, сейчас она совсем исчезла.

Смуглый долговязый человек последовал за ним.

— Глен Белснор, — представился он, протягивая руку.

— Сет Морли.

— У нас тут настоящий бедлам, Морли. Это тянется с самого начала, с тех пор как приехал Фрейзер. — Белснор сплюнул в траву. — Знаете, что пытался сделать Фрейзер? Так как он прибыл первым, он решил стать лидером группы. Он даже говорил нам — мне, например, — будто понимает свои инструкции так, что будет здесь начальником. Мы ему почти верили. Это звучало логично. Он приехал сюда первым и начал всем раздавать эти тесты. А потом во всеуслышание комментировал наши отклонения от нормы.

— Настоящий психолог никогда не станет публично распространяться о своих «открытиях». — К Сету подошел еще не представленный ему колонист лет сорока с тяжелым подбородком, кустистыми бровями и черными блестящими волосами.

— Бен Толчиф. — Он протянул руку. — Прибыл незадолго до вас.

Они поздоровались. Сету показалось, что Толчиф слегка пошатывается, словно опрокинул рюмку-другую. «Этот человек мне нравится, — решил Морли. — даже если он не совсем трезв. У него другая аура, чем у всех. Но, возможно, с остальными тоже было все в порядке, пока они сюда не прибыли, и что-то здесь заставило их перемениться. Если так, мы тоже со временем изменимся. Толчиф, Мэри и я».

Эта мысль ему не понравилась.

— Я Сет Морли, — сказал он. — Гидробиолог, работал в кибуце Текел Упарсин. А вы...

— Я квалифицированный естествоиспытатель класса Б. Протирал штаны на борту большого корабля, совершавшего десятилетний перелет. Делать было совершенно нечего, и вот я помолился через передатчик корабля. Заступник услышал мою молитву. Или это был Промыслитель, но я думаю, Заступник, потому что время не вернулось назад.

— Значит, вы здесь благодаря молитве, — заметил Морли. — Это интересно. А меня посетил Сошедший-на-Землю, когда я подыскивал корабль для переезда. Я было выбрал один, но Сошедший предупредил, что он неисправен, и нам с женой не добраться на нем до цели. — Он почувствовал голод. — Здесь есть где пообедать? Мы сегодня почти ничего не ели. Последние двадцать шесть часов я вел нозер и только к концу полета немного перекусил.

Белснор хмыкнул.

— Мэгги Волхв всегда рада состряпать что-нибудь условно съедобное. Вроде горохового концентрата, бифштекса из мороженой эрзац-телятины и кофе из проклятой Богом негомеостатической сумасшедшей кофеварки, которая отродясь не работала. Устроит вас это?

— Что поделаешь, — вздохнул Морли, впадая в уныние.

— Чары быстро рассеиваются, — сказал Бен Толчиф.

— Простите?

— Новизна этого места. — Толчиф обвел рукой скалы, кривые зеленые деревца, строения, похожие на бараки. — Сами убедитесь.

— Все не так плохо, — возразил Белснор. — Наши постройки не единственные на планете.

— Вы хотите сказать, что здесь есть цивилизация? — У Морли вновь проснулся интерес.

— Я хочу сказать, что здесь есть вещи, которых мы не понимаем. Здесь есть Здание. Я видел его мельком, издалека, но подойти не решился. Потом вернулся, но ничего не нашел. Большое серое строение — очень большое, с башнями, окнами, в семь-восемь этажей. Я не единственный, кто его видел, — поспешил добавить он. — Бем видела, и Волхв. Фрейзер говорит, он тоже видел, но, возможно, врет. Просто не хочет отставать от остальных.

— Там кто-нибудь живет? — спросил Морли.

— Не знаю. Издалека трудно понять. Близко никто из нас не подходил. Это было очень... — он неопределенно махнул рукой, — жутко

— Хотел бы я на него взглянуть, — пробормотал Толчиф.

— Сегодня никто не должен покидать поселок, — предупредил Белснор. — Мы установим связь со спутником и узнаем наконец все. Это самое важное.

Он еще раз задумчиво и неспешно сплюнул в кусты. И весьма метко.

Доктор Милтон Бабл глянул на часы и подумал: «Сейчас половина пятого, а я уже устал. Наверное, мало сахара в крови. Явный признак — усталость в начале вечера. Надо принять глюкозу, пока не началось что-нибудь серьезное. Мозг просто не способен работать при недостатке сахара. Может, диабет начинается? Вполне вероятно — с моей-то наследственностью».

— В чем дело, Бабл? — Мэгги Волхв уселась в соседнее кресло в неуютном конференц-зале убогой колонии. — Опять хвораете? — Она подмигнула, и это привело его в ярость. — Что на сей раз? Гибнете, как Камилл от чахотки?

— Гипогликемия, — ответил он, рассматривая свою руку, лежавшую на ручке кресла. — Плюс некоторое нарушение экстрапирамидной системы. Избыточная подвижность дистонического типа. Довольно неприятно. — Он терпеть не мог все эти явления: большой палец подергивался, совершая характерные круговые движения, язык заплетался, в горле появлялась сухость. «О Господи, — подумал он, — неужели этому не будет конца?»

— Вы относитесь к своему телу, как женщина к своему дому, — заметила Мэгги Волхв. — Постоянно исследуете его, как внешнюю среду, а не...

— Для нас наше тело — самая реальная внешняя среда, — раздраженно перебил Бабл. — Первая внешняя среда, которую мы узнаем в детстве. А потом, когда стареем, и Разрушитель уничтожает нашу форму и рассеивает нашу энергию, соматическая сущность оказывается в смертельной опасности, и мы снова обнаруживаем, как мало значит так называемый внешний мир.

— И поэтому вы стали врачом?

— Тут нет простой причинно-следственной связи. Все гораздо сложнее. Мой выбор...

— Эй, вы, там, заткнитесь, — крикнул Глен Белснор, отрываясь от передатчика, который пытался починить уже в течение нескольких часов. — Если хотите потрепаться, найдите другое место.

Несколько голосов выразили солидарность с его заявлением.

— Бабл, у вас подходящая фамилия, — развалившийся в кресле Игнац Тагг исторг глухой, похожий на собачий лай, смех.

— У вас тоже, — сказал Таггу Тони Дункельвельт.

— Да заткнитесь же! — завопил Белснор: лицо его покраснело и покрылось испариной. — Или мы, честное слово, никогда не выудим инструкции из чертова спутника. Если вы не замолчите, я начну разбирать на части вас вместо этой кучи металлолома. И с большим удовольствием.

Бабл встал и покинул зал.

Он стоял в косых холодных лучах вечернего солнца, курил трубку (чтобы подавить возможную пилорическую активность) и размышлял о сложившейся ситуации. «Наши жизни, — думал он, — находятся в руках маленьких людишек вроде Белснора, здесь правят бал посредственности. Царство одноглазых, в котором король — слепец. Что за жизнь! Зачем я прибыл сюда?» Вместо ответа он услышал в себе лишь разноголосый хор: смутные призраки жаловались и кричали, как возмущенные пациенты бесплатной больницы. Назойливые призраки налетали на него и пытались утянуть в мир прошлого, к последним беспокойным годам на Орионе-17, к дням, проведенным с Марго, медсестрой, с которой у него был длинный, запутанный роман с трагикомическим концом. Потом она бросила его... или не бросила? «Люди всегда расстаются, когда возникают такие неприятные да еще и связанные с судом обстоятельства, — подумал он. — К счастью, мне удалось выкрутиться. Она могла устроить гораздо больше неприятностей. Вообще-то она подвергла серьезной опасности мое физическое здоровье, судя хотя бы по белковому составу крови».

«Да, кстати, — вспомнил он. — Пора глотать пшеничное масло, мой витамин Е. Пойду к себе. И надо принять еще несколько таблеток глюкозы от гипогликемии. Если только не умру по пути. А если и умру, кого это обеспокоит? Действительно, что бы они стали делать? Ведь я им необходим, даже если они пока этого не понимают. Я для них жизненно необходим. А они для меня? Вероятно, тоже. Подобно Глену Белснору, они умеют или прикидываются, будто умеют делать то, что нужно для поддержания жизни нашей идиотской колонии. Псевдосемья, абсолютно ничем не напоминающая нормальную семью. Благодаря вмешательству извне.

Надо бы поговорить с Толчифом и — как его там? — Морли. Рассказать Толчифу, Морли и его жене — кстати, она очень недурна — о вмешательстве извне, о доме, который я видел... видел так близко, что мог прочесть надпись над входом. Такого не случалось больше ни с кем. Насколько мне известно».

Он зашагал по гравиевой дорожке к своим апартаментам. Подойдя к пластиковому крыльцу жилого корпуса, он увидел, что там собралось несколько человек: Сьюзи Смат, Мэгги Волхв, Толчиф и Морли. Говорил Морли; его бочкообразное туловище напоминало Баблу огромную паховую грыжу. «Интересно, чем он питается, — подумал доктор. — Вероятно, картофель, отварное мясо, кетчуп и, конечно, пиво. Любителя пива узнаешь за версту: багровая пористая кожа лица, мешки под глазами. У них всегда именно такой отечный вид. Конечно, сказывается почечная недостаточность.

Человек, потакающий своим желаниям, вроде Морли, совершенно не понимает — не может понять, — что он сам отравляет свое тело. Незначительные закупорки сосудов приводят к повреждению важнейших областей мозга. Но они продолжают свое, эти самоубийцы. Очевидно, это своего рода возвращение к внутривидовой борьбе. Возможно, срабатывает некий биологический механизм отбора: ради блага всего вида они самоустраняются. Уступают женщин более достойным и более прогрессивным мужским особям».

Бабл подошел к четверым собеседникам и остановился, прислушиваясь к их разговору. Морли описывал подробности духовного опыта, который он когда-то испытал. Или *как будто* испытал.

— «...Мой дорогой друг», — назвал Он меня. Очевидно, я что-то значил для Него. Он помог мне с погрузкой... На это ушло много времени, и мы успели побеседовать. У Него был тихий голос, но я понимал Его превосходно. Он не произносил лишних слов и выражался удивительно ясно. Ничего таинственного. Мы просто таскали вещи и разговаривали. И Он захотел благословить меня. Почему? Потому что — Он так сказал — я именно тот человек, который Его интересует. Он был совершенно уверен в этом и сказал: «Вы именно тот, кто Меня интересует. Я горжусь вами. Ваша любовь к животным, ваше сострадание к низшим формам жизни пронизывает все ваше сознание. Сострадание — главное для тех, кто освобождается от уз Проклятия. Мы ищем людей, подобных вам. — Морли сделал паузу.

— Продолжайте, — зачарованно проговорила Мэгги Волхв.

— А потом Он сказал странные слова, — продолжал Морли. — Он сказал: «Подобно тому, как Я спас вас, спас вашу жизнь благодаря Моему состраданию, так же и ваша великая способность к состраданию сделает вас способным спасать жизни других людей и физически, и духовно». Вероятно, Он имел в виду Дельмак-0.

— Но сам Он этого не сказал, — заметила Сьюзи Смат.

— Он не мог. Но я знал, что имеет в виду Сошедший, я понимал все, о чем Он говорил. По правде сказать, мне было гораздо легче общаться с Ним, чем с большинством моих знакомых. Я не говорю о вас — ведь вас я почти не знаю, — но вы меня понимаете. Не было никаких трансцендентных символов, никакой метафизической чепухи, о которых обычно говорили до Спектовского. Спектовский оказался прав, я могу это подтвердить на основе моего опыта общения с Сошедшим.

— Значит, вы видели Его и раньше? — спросила Мэгги Волхв.

— Несколько раз.

Доктор Милтон Бабл решил вступить в разговор.

— Я видел Его семь раз. И один раз встречал Промыслителя. Значит, всего у меня было восемь случаев общения с Единым Истинным Божеством.

Остальные четверо посмотрели на доктора: Сьюзи Смат скептически, Мэгги Волхв с явным недоверием, Толчиф и Морли с некоторым интересом.

— И еще дважды с Заступником, — добавил Бабл. — Итого, десять случаев. За всю жизнь, конечно.

— И это было похоже на то, что мы сейчас слышали от мистера Морли? — спросил Толчиф.

Бабл откинул ногой лежавший на крыльце камешек.

— В общем, да. Я думаю, мы можем в какой-то мере верить мистеру Морли... И все же. — Он сделал многозначительную паузу. — Тут могут возникнуть некоторые сомнения. Был ли это действительно Сошедший, мистер Морли? А не какой-нибудь бродяга, который хотел, чтобы вы приняли его за Ипостась? Вы думали над этим? Нет, я не отрицаю того, что Сошедший время от времени появляется среди нас, пример тому — мой собственный опыт, но...

— Я знаю, кем Он был, — раздраженно возразил Морли. — Потому что Он знал про моего кота.

— А, про вашего кота. — Бабл усмехнулся и внешне и внутренне; он ощутил, как всю его кровеносную систему пронизывает глубокое и здоровое удовлетворение. — Так вот, значит, откуда взялось «великое сострадание к низшим формам жизни».

Морли, очевидно, почувствовал себя глубоко оскорбленным.

— Бродяга не мог знать про кота! Да и вообще, в Текеле Упарсине нет никаких бродяг. Все работают. Такое правило в кибуце. — Теперь он выглядел просто несчастным.

В сумеречной дали послышался голос Белснора.

— Идите сюда! — кричал он. — Я установил связь с проклятым спутником! Сейчас запишу!

— Не думаю, что ему удастся, — пробормотал Бабл и направился обратно к конференц-залу. Теперь он чувствовал себя прекрасно, хотя и не мог понять почему. Может, благодаря Морли и его вдохновляющей истории о Сошедшем, которая после трезвого и тщательного рассмотрения оказалась не столь вдохновляющей.

Пятеро вернулись в зал к остальным. Из громкоговорителя доносились невнятные голоса, сопровождаемые помехами. Этот шум неприятно подействовал на Бабла, но он ничего не сказал. Его лицо выражало лишь спокойное, терпеливое внимание.

— Сейчас мы слышим только отраженные сигналы, — пояснил Белснор, перекрывая шум. — Запись не начнется, пока я не подам спутнику нужный сигнал.

— Начинайте запись, — потребовал Уэйд Фрейзер.

— Да, Глен, начинайте запись, — послышались голоса со всех сторон.

— Хорошо. — Белснор принялся крутить ручки на пульте. Замигали контрольные лампочки — на борту спутника включились сервомеханизмы.

Из громкоговорителя послышался голос:

— *Генерал Тритон из Межпланзапа приветствует колонию Дельмака-0.*

— Это она, — сообщил Белснор, — запись.

— Помолчите, Белснор, мы слушаем.

— Ее можно будет повторять сколько угодно.

— *Сейчас у вас закончилось комплектование состава,* — продолжил генерал Тритон. — *Мы предполагаем, что оно должно было закончиться не позднее 14 сентября по стандартному земному времени. Прежде всего я хотел бы объяснить вам, почему была создана колония Дельмак-0, кем и с какой целью. Основной...* — внезапно голос прервался. — Уииии, — загудело в громкоговорителе. — Ухххх. Акхххх. — Белснор с немым отчаянием смотрел на приемник. — У-б-б-б, — сказал громкоговоритель. Затем прорвались атмосферные помехи, они утихли, когда Белснор покрутил ручки. Наступила тишина.

После небольшой паузы Игнац Тагг громко захохотал.

— Что это, Глен? — спросил Тони.

Белснор принялся объяснять:

— У таких передатчиков, как на спутнике, есть только две головки: стирающая и воспроизводящая. Получилось так, что головка проигрывателя переключилась на другой режим и стала стирать запись. И теперь я не могу ее отключить. Она будет работать автоматически, пока не сотрет все.

— Но если запись будет стерта, — заметил Уэйд Фрейзер, — она пропадет безвозвратно. Что бы ты ни делал.

— Именно так, — мрачно подтвердил Белснор. — Она стирает и больше не воспроизводит. Я ничего не могу изменить. Смотрите. — Он нажал несколько кнопок. — Ничего. Головка заблокирована. Вот и все. — Белснор выругался, откинулся на спинку стула, снял очки и вытер лоб. — О Господи, — пробормотал он.

Из громкоговорителя донеслось нечто невнятное, но вскоре он снова стих. В зале никто не проронил ни слова. Говорить было не о чем.

Глава 5

— Вот что мы можем сделать, — сказал Глен Белснор. — Подключиться к релейной сети и передать сообщение на Землю. Мы проинформируем генерала Тритона из Межпланзапа о происшедшем, о том, что не смогли получить его инструкции. Тогда он — и это вполне осуществимо — запустит к нам корабль с новой записью, которую мы перепишем на нашу аппаратуру. — Он показал на записывающее устройство передатчика.

— И сколько это займет времени? — спросила Сьюзи.

— Я еще не пробовал работать с релейной сетью, — ответил Белснор. — Не знаю, посмотрим. Может, все сразу получится. Во всяком случае, это не займет больше двух-трех дней. Правда, — он потер поросший щетиной подбородок, — если наша программа секретна, Тритон, возможно, просто не ответит на запрос, который способен перехватить любой приемник первого класса.

— Если они это сделают, нам останется собрать вещи и улететь отсюда. Немедленно, — заявил Бабл.

— Улететь? Каким образом? — усмехнулся Тагг.

«Нозеры, — подумал Сет. — У нас нет ничего, кроме медлительных нозеров с пустыми баками. Но даже если бы мы раздобыли горючее — скажем, слив остатки из всех баков в один, — у нозеров нет необходимой навигационной аппаратуры. Нам пришлось бы взять Дельмак-0 за начало координат, но Дельмак-0 отсутствует на картах Межпланзапа, а, значит, курс рассчитать невозможно. Уж не потому ли они настаивали на том, чтобы мы прилетели сюда на нозерах?

Мы — участники эксперимента, — вдруг понял он. — Вот что это такое: эксперимент. Может, на спутнике и не было никаких инструкций. Может, так все и планировалось».

— Попробуйте просто связаться с кем угодно по релейной сети, — предложил Толчиф. — А вдруг кто откликнется.

— Почему бы и нет? — Белснор надел наушники, подключил одни контуры, выключил другие. Все молча наблюдали за его действиями и ждали. «Как будто от этого зависит наша жизнь, — подумал Морли. — Быть может, так оно и есть».

— Ну, что там? — наконец спросила Бетти Джо Бем.

— Ничего, — ответил Белснор. — Сейчас переключу на видео. — Засветился небольшой экран, по нему побежали полосы помех. — Релейная сеть действует на этой частоте. Мы должны были поймать кого-нибудь.

— Но не поймали, — сказал Бабл.

— Да, не поймали. — Белснор продолжал крутить ручки. — Теперь не то, что в прежние времена, когда достаточно было поиграть вернерами. Все усложнилось. — Внезапно он отключил питание прибора, экран погас, и смолк шум в громкоговорителе.

— В чем дело? — спросила Мэри Морли.

— Мы не в эфире, — пробормотал Белснор.

— Что?! — удивленно воскликнули остальные.

— Мы ничего не передаем. Я не могу их поймать, и раз мы не в эфире, они черта с два нас услышат. — Он откинулся на спинку стула, дрожа от негодования. Это заговор, гнусный заговор.

— Вы говорите буквально? — поинтересовался Уэйд Фрейзер. — Вы хотите сказать, это сделано намеренно?

— Я не собирал наш передатчик и не проверял принимающую аппаратуру. Весь последний месяц я проводил стандартные тесты. Принимал сигналы от различных станций в этой звездной системе и мог передавать что-то им. Все как будто действовало нормально. И вдруг — такое. — Белснор опустил голову, беззвучно шевеля губами... — А... — наконец произнес он кивая. — Да, теперь я понял, в чем дело.

— Что-нибудь серьезное? — спросил Бен Толчиф.

— Когда я передал спутнику приказ включить запись, оттуда пришел некий сигнал — вот на это устройство. — Он показал на передатчик. — В результате все отключилось, и мы не способны ни принимать, ни передавать, что бы я ни делал с этим металлоломом. Мы не можем выйти в эфир, вероятно, необходим еще один сигнал со спутника, чтобы аппаратура опять заработала. — Белснор сокрушенно покачал головой. — Просто поразительно. Мы передаем спутнику свои инструкции, в ответ он посылает нам какой-то сигнал. Прямо как в шахматах: ход и ответный ход. И я сам все начал. Как крыса в лабиринте, которая старается найти нужный рычаг, чтобы получить пищу, а не удар током. — Последнее он произнес совсем мрачным тоном.

— Разберите передатчик, — предложил Сет Морли. — Это будет ваш ответный ход.

— Вероятно, да что там — наверняка, сигнал содержал приказ на самоуничтожение. Самые важные блоки либо уже разрушены, либо разрушатся, когда я попытаюсь залезть внутрь. У меня нет запасных частей; если сигнал уничтожил кое-какие контуры, я не смогу их починить.

— Есть еще радиолуч автопилота, — напомнил Морли. — Я пользовался им, когда летел сюда. С его помощью можно вести передачу.

— Радиолуч автопилота действует только в радиусе девяноста тысяч миль, а потом рассеивается. Очевидно, вы пользовались им, начиная с этого расстояния?

— Да, примерно, — согласился Морли.

— Мы полностью изолированы, — заявил Белснор. — И это было сделано за несколько минут.

— Вот что нам нужно предпринять, — сказала Мэгги Волхв. — Составить совместную молитву. Мы, вероятно, сможет передать ее через эпифиз, если она будет достаточно короткой.

— Я могла бы составить ее, — предложила Бетти Джо Бем. — Ведь я опытный лингвист.

— Как последнее средство, — пробормотал Белснор.

— Вовсе не последнее, — возразила Мэгги. — А проверенный, действенный метод получения помощи. Мистер Толчиф, к примеру, попал сюда благодаря молитве.

— Но она шла через передатчик, — заметил Белснор. — А у нас нет возможности подключиться к релейной сети.

— Вы не верите в молитву? — раздраженно спросил Уэйд Фрейзер.

— Я не верю в молитву, которая не усилена электроникой. И Спектовский так считал. Чтобы молитва достигла всех Ипостасей и возымела действие, ее нужно передать с помощью радио по сети Божьих миров.

— Предлагаю передать нашу совместную молитву с помощью радиолуча автопилота, — сказал Морли. — Если нам удастся послать ее на восемьдесят или девяносто тысяч миль, Божеству будет легче воспринять ее... Действие гравитации обратно пропорционально силе молитвы, значит, если послать молитву на значительное расстояние от небесного тела, а девяносто тысяч миль — значительное расстояние, — существует большая вероятность того, что какие-то Ипостаси воспримут ее. И Спектовский об этом упоминает, я уже не помню где. Кажется, в одном из приложений.

— Сомневаться в силе молитвы, значит, идти против закона Земли, — не унимался Уэйд Фрейзер. — Это нарушение гражданского кодекса, действующего на всех уровнях и во всех владениях Межпланзапа.

— И вы сообщите об этом куда следует, — усмехнулся Игнац Тагг.

— Никто не сомневается в эффективности молитвы. — Бен Толчиф смотрел на Фрейзера с открытой враждебностью. — Мы просто не пришли к общему мнению о наиболее эффективном способе ее использования. — Толчиф встал. — Мне надо выпить. До свидания. — И он не совсем твердой походкой вышел из зала.

— Неплохая идея, — заметила Сьюзи Сету. — Думаю, мне тоже пора идти. — Она встала с застывшей улыбкой. — Это просто ужасно, правда? Не могу поверить, что генерал Тритон мог такое устроить, тут, очевидно, какая-то ошибка. Скорее всего, что-нибудь с электроникой. Вы согласны?

— Насколько я знаю, генерал Тритон — человек с хорошей репутацией, — ответил Сет.

На самом деле он никогда прежде не слышал о генерале Тритоне и сказал так, только чтобы подбодрить ее. Их всех следует подбодрить, и лестный отзыв о генерале окажется весьма кстати. Вера так же важна в мирских делах, как и в духовных. Без нее невозможно полноценное существование.

Доктор Бабл спросил у Мэгги:

— Какой Ипостаси мы будем молиться?

— Если вы хотите вернуться во времени, скажем, к тому периоду, когда ни один из нас еще не получил назначения сюда, тогда надо обращаться к Промыслителю. Если мы хотим, чтобы Божество помогло всем нам в данной ситуации, тогда к Заступнику. Если мы хотим получить индивидуальную помощь...

— Лучше молится всем трем, — перебил Кеслер с дрожью в голосе. — Пусть Божество само решит, какую из своих Ипостасей использовать.

— Может, Оно ничего и не желает, — ехидно заметила Сьюзи. — Лучше нам самим решить. Не в этом ли состоит искусство молитвы?

— Да, — подтвердила Мэгги.

— Пусть кто-нибудь записывает, — заявил Уэйд Фрейзер. — Надо начать так: «Благодарим Вас за помощь, которую Вы оказывали нам в прошлом. Не хочется Вас снова беспокоить, у Вас и без того много забот, но наши дела обстоят следующим образом». — Он помолчал, задумавшись. — А как обстоят наши дела? — спросил он Белснора. — Мы просто хотим починить передатчик?

— Не только, — возразил Бабл. — Нам нужно гораздо больше: выбраться отсюда и забыть про Дельмак-0.

— Если передатчик будет работать, мы сможем сделать это сами, — заметил Белснор, задумчиво покусывая костяшки пальцев. — Думаю, нужно получить запасные части для передатчика, а остальное сделать самим. Чем меньше просьб в молитве, тем больше от нее проку. Не так ли говорится в Книге? — он повернулся к Мэгги Волхв.

— На странице сто пятьдесят восемь, — сообщила Мэгги, — Спектовский пишет: «Дух краткости в нашем скоротечном времени есть мудрость. Что касается искусства молитвы, то здесь мудрость обратно пропорциональна ее длительности».

— Давайте просто скажем: «Сошедший-на-Землю, помоги нам найти запасные части к передатчику», — предложил Белснор.

— Лучше бы молитву составил мистер Толчиф, — сказала Мэгги Волхв. — Ведь его предыдущая молитва оказалась весьма успешной. Он, очевидно, знает, какие следует выбирать выражения.

— Приведите Толчифа, — распорядился Бабл. — Он, наверное, переносит свои вещи из нозера. Пусть кто-нибудь найдет его.

— Я схожу. — Сет Морли поднялся и вышел из конференц-зала в вечернюю тьму.

Он услышал, как Бабл похвалил: «Неплохая идея, Мэгги». И еще несколько одобрительных голосов.

Морли шел очень осторожно. В этом, пока малознакомом месте легко заблудиться. «Может, лучше было бы пойти кому-нибудь другому», — подумал он. Впереди, в одном из зданий, горел свет. «Вероятно, он там», — решил Сет и направился к свету.

Бен Толчиф убрал опустевшую бутылку, зевнул, помассировал шею, еще раз зевнул и неуклюже поднялся. «Пора за дело, — сказал он себе. — Надеюсь, я смогу отыскать свой нозер в этой темноте».

Он вышел за дверь, нашел посыпанную гравием дорожку и зашагал в том направлении, где, как ему казалось, стояли нозеры. «Почему не горят фонари?» — недоумевал он, потом сообразил, что теперь все слишком озабочены, чтобы заниматься освещением. Поломка передатчика поглотила все внимание колонистов, и неудивительно. «Почему я не с ними? — спросил он себя. — Не с коллективом? Правда, коллектива как такового практически нет, есть лишь сборище эгоистичных личностей, постоянно пререкающихся друг с другом». Толчиф не имел с ними ничего общего. Он чувствовал себя неприкаянным и испытывал нужду в настоящей работе. Словно некая сила побудила его покинуть конференц-зал и вернуться к себе, а теперь заставила блуждать во мраке в поисках своего нозера.

Его окружала кромешная тьма, и на фоне чуть более светлого неба появился чей-то силуэт.

— Толчиф?

— Да. — Он вгляделся: — Кто тут?

— Морли. Меня послали за вами. Хотят, чтобы вы сочинили молитву, у вас так хорошо получилось несколько дней назад.

— Нет уж, хватит с меня молитв. — Толчиф даже стиснул зубы. — Посмотрите, куда привела меня последняя молитва — теперь торчу здесь вместе с вами. Не обижайтесь, я просто хотел сказать, — он сделал неопределенный жест, — жестоко и негуманно удовлетворять такую молитву, учитывая здешнюю обстановку. Им это следовало знать.

— Я вас не понимаю.

— Ну почему же? Кстати, вы совсем недавно встречались с Сошедшим, может, лучше попробуете сами.

— Я не умею молиться. И я не призывал Его. Он сам пришел.

— Хотите выпить? — предложил Толчиф. — А потом мы могли бы вместе перенести мои вещи.

— Мне свои переносить.

— Вот вам и взаимовыручка.

— Если бы вы помогли мне...

— Ладно, увидимся. — Толчиф пошел своей дорогой, пока не наткнулся на лязгнувший металлический корпус. Нозер. Значит, здесь стоянка. Осталось отыскать свой корабль.

Он оглянулся. Морли уже ушел.

«Почему этот человек не помог мне? — подумал Толчиф. — Некоторые коробки одному не унести. Ладно, посмотрим. Надо включить посадочные огни нозера, тогда будет светло».

Он нащупал рычаг, повернул его и открыл люк. Автоматически включились сигнальные огни, теперь он мог видеть.

«Пока возьму только одежду, туалетные принадлежности и Книгу, — решил он. — Почитаю, пока не усну. Все силы ушли на полет. И еще эта история с передатчиком.

Почему я попросил Морли помочь? Я его не знаю, и он меня не знает. Мои вещи — моя забота. У него свои дела. — Толчиф взял коробку с вещами и понес ее в направлении, как он надеялся, своего жилища. — Надо достать фонарик, — решил он, ковыляя в темноте. — Черт возьми, я забыл выключить посадочные огни. Все не слава богу. Почему бы мне не вернуться к остальным? Нет, лучше отнесу эту коробку и еще выпью, а к тому времени, наверное, все выйдут из конференц-зала, и кто-нибудь мне поможет».

Бормоча себе под нос и обливаясь потом, он брел по гравиевой дорожке к большому, темному жилому корпусу. Ни одного огонька. Обитатели еще составляли молитву. Толчиф усмехнулся.

«Наверное, всю ночь проспорят».

Он снова усмехнулся, на этот раз зло и презрительно.

Толчиф нашел свою квартиру по распахнутой двери. Войдя, он бросил на пол коробку, зажег все лампы и оглядел «апартаменты»... Маленькая комнатушка с кухонным шкафом и кроватью. Кровать Толчифу не понравилась, слишком узкая и жесткая.

«О Господи».

Он со вздохом сел на нее. Вынув из коробки какие-то вещи, Толчиф рылся в ней, пока не обнаружил бутылку виски «Питер Доусон». Он с мрачным видом отвинтил крышку и стал пить прямо из горлышка.

За открытой дверью виднелось ночное небо. Звезды то пропадали из-за возмущений атмосферы, то снова появлялись.

«При такой рефракции трудно наблюдать за звездами», — подумал он.

В дверном проеме, заслонив звезды, показалась большая серая фигура.

Она навела на Толчифа какую-то трубку. Он увидел оптический прицел и спусковое устройство. Кто это? Что это? Он вгляделся и вдруг услышал короткий треск. Серая фигура пропала, снова показались звезды. Но теперь они изменились. Две звезды слились в одну, она ярко вспыхнула и начала гаснуть. Из ярко сияющего кольца она превратилась в тусклую точку и растворилась во мраке. Другие звезды тоже гасли. Очевидно, тут действовала энтропия — оружие Разрушителя. Звезды сжимались, превращались в красноватые угольки, а потом в серый пепел. Саван тепловой смерти простерся над миром, над этим странным маленьким миром, к которому Толчиф не испытывал никакой симпатии.

«Вселенная умирает», — подумал он. Тепловой туман расползался, пока от него не осталось лишь смутное марево. Небо бледно сияло, потом тоже угасло. Исчез даже однообразный тепловой туман.

«Черт возьми, — подумал Толчиф, — кошмар какой-то».

Он встал, сделал шаг к двери... и умер.

Его обнаружили через час. Сет, стоя рядом с женой в толпе, набившейся в комнатку, подумал: «Это чтобы он не помог нам с молитвой».

— Его убила та же сила, которая испортила передатчик, — заявил Игнац Тагг. — Они знали: если бы он произнес молитву, мы обошлись бы и без релейной сети. — У Тагга было серое испуганное лицо.

«Как у всех остальных», — отметил Сет. При этом освещении лица казались высеченными из серого камня. «Будто у тысячелетних идолов, — подумал он. — Время смыкается вокруг нас. Словно будущее уже миновало для всех нас. Для всех, кроме Толчифа».

— Бабл, вы можете провести вскрытие? — спросила Бетти Джо Бем.

— Попробую. — Доктор Бабл склонился над телом Толчифа и стал его ощупывать. — Крови не видно. Никаких следов ранения. Смерть могла быть и естественной, например, от сердечного приступа. Или его могли убить лазерным оружием с близкого расстояния... Но тогда я увижу ожоги. — Он расстегнул рубашку и стал осматривать грудь Толчифа. — Это также мог сделать один из нас. Не следует исключать такую возможность.

— Это *их* рук дело, — заявила Мэгги Волхв.

— Возможно, — кивнул Бабл. — Я сделаю все, что в моих силах. — Он обратился к Таггу, Фрейзеру и Белснору: — Помогите перенести его ко мне, я начну вскрытие немедленно.

— Никто из нас даже как следует не знал его, — заметила Мэри.

— Я, кажется, видел его последним, — признался Сет. — Он хотел перенести свои вещи из нозера. Я сказал, что помогу ему позже, когда освобожусь. Он был не в духе. Я просил его помочь нам с молитвой, но он не отреагировал. Ему хотелось только поскорее перенести вещи. — Морли остро чувствовал свою вину.

«Может, если бы я ему помог, он сейчас был бы жив, — подумал он. — Вероятно, Бабл прав: у Толчифа просто случился сердечный приступ. После переноса тяжестей. — Морли пнул коробку с вещами. — Может, все из-за этой коробки... и моего отказа. Меня попросили о помощи, а я...»

— Вы не заметили у него суицидальных наклонностей? — спросил Бабл.

— Нет.

— Очень странно. — Бабл устало покачал головой. — Ладно, давайте перенесем его в лазарет.

Глава 6

Четверо мужчин несли мертвеца по темному ночному поселку. Дул пронизывающий ветер, и люди жались друг к другу, инстинктивно стремясь объединиться против враждебной силы — той самой, что погубила Бена Толчифа.

В лазарете Бабл включил несколько ламп. Толчифа положили на высокий металлический стол.

— Полагаю, нам следует разойтись по своим квартирам, — дрожа, сказала Сьюзи, — и подождать там, пока доктор Бабл не закончит работу.

— Лучше держаться вместе, — возразил Фрейзер, — хотя бы до тех пор, пока Бабл не расскажет о результатах вскрытия. Кроме того, я считаю, нынешние непредвиденные обстоятельства, а точнее, это ужасное событие требует, чтобы мы немедленно избрали лидера, сильную личность, которая сплотит нас в крепкий коллектив. Надеюсь, вы согласитесь, что сейчас мы таковым коллективом не являемся.

Наступила тишина. Ее нарушил Белснор:

— Вы правы.

— Можно проголосовать, — заметила Бетти. — Это самый демократичный способ. Но мне кажется, необходимо соблюдать осторожность. — Она изо всех сил пыталась сдерживать чувства. — Не следует давать руководителю слишком много власти, надо оставить за собой право переизбрать его, как только он перестанет удовлетворять нашим требованиям. Но до тех пор, пока он наш лидер, мы обязаны ему подчиняться. Если он окажется слишком слаб, мы ничего не выиграем. Так и останемся группой разобщенных умов.

— Давайте в таком случае вернемся в конференц-зал, — предложил Тони. — Если мы решили проводить выборы, ни к чему терять время. Я хочу сказать, что он или оно может нанести новый удар.

В безмолвии покинув лазарет, поселенцы возвратились в конференц-зал. Приемник и передатчик не действовали; был слышен только низкий вибрирующий звук.

— Такая большая, — заметила Мэгги, глядя на радиостанцию. — И такая бесполезная!

Берт Кеслер подергал Сета за рукав.

— Не вооружиться ли нам, как вы думаете? Если кто-то задумал всех нас убить...

— Подождем вестей от доктора Бабла, — оборвал его Сет.

Фрейзер уселся и деловито произнес:

— Давайте проголосуем поднятием рук. Пусть каждый сядет и успокоится, а я буду читать фамилии по списку и вести подсчет голосов. Все согласны?

Сету не понравилась саркастическая нотка в его голосе.

— Не пройдет, Фрейзер, — проворчал Тагг, — даже не мечтай. Никто из нас не допустит, чтобы такой тип, как ты, здесь указывал. — Он плюхнулся в кресло, заложил ногу за ногу и вытащил из кармана куртки сигарету.

Пока Фрейзер называл кандидатов и подсчитывал голоса, то один, то другой из присутствующих высказывали свои замечания. «Не доверяют ему, — понял Сет. — Что ж, упрекать их за это нельзя».

— Наибольшее число голосов получил Глен Белснор, — подвел итог Фрейзер. Громко хохотнув, он выронил исписанный лист бумаги.

«Этакий психолог, — усмехнулся Сет, — желающий сказать: «Как хотите, вам же хуже. Если вам жизнь не до́рога, меня это не касается».

Но сам Сет, хоть и был едва знаком с электронщиком, проголосовал за него. Сет был удовлетворен, а мнение Фрейзера его не интересовало. По оживлению в зале он заключил, что почти все довольны выборами.

— Пока мы дожидаемся Бабла, — заговорила Мэгги, — нам следует, наверное, соединить голоса в общую молитву, чтобы душа мистера Толчифа немедленно обрела бессмертие.

— Прочти абзац из Спектовского. — Бетти вытащила из кармана и передала Мэгги свой экземпляр. — На семидесятой странице сказано о Заступнике. Ведь мы ему адресуем молитву, верно?

Мэгги по памяти процитировала знакомые каждому строки:

— При появлении в Истории и Творении Заступник предлагает себя в качестве жертвы, которая частично снимает Проклятие. Удовлетворенное самопожертвованием, приуроченным к Его Проявлению, сим признаком Его великой (хотя и неполной) победы, Божество «умирает», а затем вновь проявляет себя, дабы показать: Оно победило Проклятие и, следовательно, Смерть; сделав это, Оно возвращается сквозь концентрические круги обратно к Самому Богу... Следующий и последний период — это День Ревизии, когда небеса свернутся в подобие бумажного рулона, и всякая живая тварь, будь то наделенный чувствами человек или неземной человекоподобный организм, примирится с Божеством Изначальным, единой сущностью, из которой вышло все на свете (за исключением, быть может, Разрушителя Формы), — Мэгги перевела дух. — Повторяйте мои слова либо вслух, либо мысленно.

Все остальные запрокинули головы и уставились в потолок. Так, по их представлению, следовало обращаться к Божеству.

— Мы знали мистера Толчифа недостаточно хорошо...

Все повторили:

— Мы знали мистера Толчифа недостаточно хорошо...

— Но он казался нам неплохим человеком.

— Но он казался нам неплохим человеком.

Подумав несколько секунд, Мэгги сказала:

— Забери его из Времени и тем самым даруй ему Бессмертие.

— Забери его из Времени и тем самым даруй ему Бессмертие.

— Восстанови форму, которой он обладал, прежде чем за него взялся Разрушитель Формы.

— Восстанови форму, которой... — Они умолкли. В зал с сердитым лицом вошел Милтон Бабл.

— Мы должны дочитать молитву, — сказала Мэгги.

— Успеете, — буркнул врач. — Мне удалось установить причину смерти. — Он пробежал глазами принесенные с собой листки бумаги. — Итак, причина смерти: обширное поражение дыхательных путей, что, судя по чрезмерному содержанию гистамина в крови, является результатом сужения сосудов трахеи. Конкретная причина смерти — асфиксия, как реакция на гетерогенный аллерген. Вероятно, Толчифа укусило насекомое или он поцарапался о растение, разгружая свой нозер. От этого насекомого или растения в его кровь поступило вещество, к которому он имел идиосинкразию. Помните, первую неделю Сьюзи проболела, обжегшись растением наподобие крапивы? А случай с Кеслером? — Он указал на пожилого сторожа. — Не обратись он тотчас ко мне, его бы уже с нами не было. Увы, Толчифу мы ничем помочь не могли: он ушел один, ночью, и некому было поднять тревогу, когда с ним случилась беда. Если бы кто-нибудь находился рядом, его удалось бы спасти.

Наступила тишина. Ее нарушила Роберта Рокингэм, сидевшая с огромным пледом на коленях.

— Ну что ж, мне кажется, выводы доктора более оптимистичны, чем наши собственные умозаключения. Они означают, что на самом деле никто не пытается нас убить... Это просто замечательно, не правда ли? — Она обвела взглядом присутствующих, ожидая ответной реплики.

— Пожалуй, — со скептической миной отозвался Фрейзер.

— Бабл, мы проголосовали без вас, — сообщил врачу Тагг.

— Вы избрали руководителя? — осведомился Бабл. — Даже не дав мне возможности извиниться за свое отсутствие? И на кого же пал ваш выбор?

— На меня, — ответил Белснор.

— Гм. — Бабл призадумался. — Не так уж плохо, насколько я могу судить.

— Он победил с преимуществом в три голоса, — заметила Сьюзи.

Бабл кивнул.

— Тем более. Я удовлетворен.

Сет подошел к врачу, посмотрел ему в глаза.

— Вы не ошибаетесь насчет причины смерти?

— Это исключено. В моем распоряжении самое совершенное медицинское оборудование.

— А след от укуса нашли?

— Вообще-то нет.

— Или пятно, где растение коснулось кожи?

— Нет, но в данном случае это не столь важно. Некоторые из здешних насекомых так малы, что следы от их жал или челюстей невозможно увидеть невооруженным глазом. А для того чтобы исследовать кожу Толчифа под микроскопом, потребуется не один день.

— И тем не менее, вы удовлетворены. — Подошедший к ним Белснор стоял, сложив руки на груди и покачиваясь на каблуках.

— Полностью. — Бабл энергично кивнул.

— Вы отдаете себе отчет, чем может грозить ваша ошибка?

— Чем? Будьте любезны объяснить.

— О Боже, Бабл! — воскликнула Сьюзи. — Это же очевидно! Если кто-то или что-то намеренно убило Толчифа, то мы по-прежнему в опасности. Но если его ужалило насекомое...

— Именно так! — перебил Бабл. — Именно насекомое. — От раздражения у него побагровели уши. — Неужели вы думаете, что это мое первое вскрытие? Что я за всю жизнь не научился работать с патологоанатомическими приборами? — Он злобно глянул на Сьюзи и брезгливо добавил: — Мисс Дам!

— Полегче, Бабл! — вмешался Тони Дункельвельт.

— Для тебя, сынок, я доктор Бабл.

«Все как прежде, — мысленно произнес Сет. Мы такие же, как до голосования — толпа из двенадцати человек. И *он* или *оно* может погубить нас. Навеки уничтожить каждую из наших непохожих, уникальных жизней».

— Знаете, мне теперь намного легче, — сказала Сьюзи, подойдя к нему и Мэри. — Я уж думала, мы стали параноиками, и нам мерещится, будто весь мир против нас.

Вспоминая Бена Толчифа и свою ссору с ним, Сет не испытывал воодушевления от того, что Сьюзи снова обратила на него внимание.

— Погиб человек, — сказал он.

— Но ведь мы его почти не знали. Вообще не знали, если на то пошло.

— Верно, — согласился Морли, подумав: «Не потому ли я столь остро почувствовал вину?» — Возможно, это случилось из-за меня, — произнес он вслух.

— Это случилось из-за насекомого, — возразила Мэри.

— Может, продолжим молитву? — подала голос Мэгги.

— Почему одну молитву необходимо отправлять по радио на расстояние в восемьдесят тысяч миль, а для другой не нужно никакой электроники? — поинтересовался Сет, и сам же мысленно ответил: «Потому что на сей раз для нас не так уж и важно, будем ли мы услышаны. Тогда мы просили для себя, а не для Толчифа». От этого вывода он помрачнел еще больше. — Увидимся позже, — попрощался он с Мэри. — Мне надо еще распаковать багаж.

— Хорошо, только держись подальше от нозеров, — предостерегла жена, — хотя бы до завтра, пока мы не найдем растение или насекомое...

— Я не выйду за порог, — пообещал Сет.

Он твердым шагом покинул конференц-зал. Через несколько секунд он уже поднимался по ступенькам на крытую галерею, куда выходили двери квартир.

«Спрошу-ка я Спектовского», — подумал Сет. Порывшись в коробках, он отыскал свой экземпляр Книги «О том, как я восстал из праха, и о том, как это можешь сделать ты», сел, положил томик на колени, накрыл ладонями, зажмурился, задрал голову и произнес:

— Кто или что убило Бена Толчифа?

Он раскрыл книгу наугад, ткнул пальцем в страницу и открыл глаза. Оказалось, палец попал в слова: «Разрушитель Формы».

«Это мало о чем говорит, — отметил Сет. — Смерть — это всегда результат износа формы, результат действия Разрушителя. На растение или насекомое это не похоже, — подумал он оцепенело, — а похоже на нечто совершенно иное».

В дверь постучали. Сет устало поднялся и медленно приблизился к двери. Не отворяя, отдернул штору маленького оконца и выглянул в ночную тьму. Кто-то стоял на крыльце — невысокий, длинноволосый, в облегающем свитере и короткой юбке, босиком.

«Сьюзи Смат с визитом», — подумал Сет, отпирая дверь.

— Привет, — Сьюзи лучезарно улыбнулась. — Можно с тобой немножко поболтать?

Он подвел ее к Книге.

— Я спрашивал ее, кто или что убило Толчифа.

— И что же она ответила? — Сьюзи села, заложив ногу за ногу, и наклонилась к Книге, силясь разобрать слова, на которые указывал палец Сета. — Разрушитель Формы, — спокойно произнесла она. — Но ведь это всегда — Разрушитель Формы.

— И все же, мне кажется, здесь есть намек.

— Что насекомое тут ни при чем?

Он кивнул.

— У тебя найдется поесть или выпить чего-нибудь сладкого?

— Разрушитель Формы, — вымолвил Сет. — Он бродит снаружи.

— Ты меня пугаешь.

— Да, — согласился он. — Хочу испугать. Надо отправить радиограмму с мольбой о помощи. Иначе мы здесь не выживем.

— Сошедший-на-Землю является без мольбы, — заметила Сьюзи.

— У меня есть «Бэби Руфь». — Сет порылся в саквояже Мэри, нашел и протянул Сьюзи большую конфету. — Угощайся.

— Спасибо, — она надорвала обертку.

— Мне кажется, мы обречены, — сказал он.

— Мы всегда обречены. В этом — суть жизни.

— Я не о том. Мы обречены в настоящий момент. Не в абстрактном смысле, а как в тот раз, когда я пытался загрузить «Мнительного Цыпленка». Mors cetra, hora incerta*. Одно дело — знать, что ты умрешь когда-нибудь, и совсем другое, что умрешь в течение одного месяца.

— У тебя очень симпатичная супруга.

Сет вздохнул.

— Давно вы женаты? — пристально глядя ему в глаза, спросила Сьюзи.

— Восемь лет.

Она порывисто встала.

— Пойдем ко мне. Увидишь, как мило можно обставлять наши квартирки. Пойдем, а то здесь как-то муторно.

Сьюзи вцепилась в его руку, словно испуганный ребенок, и Сет с удивлением обнаружил, что идет за ней.

Они выбежали на галерею, миновали несколько квартир и остановились у жилища Сьюзи. Дверь была незаперта. Отворив ее, Сьюзи потащила Сета в тепло и свет. Она не солгала: ее квартира выглядела прелестно.

«Интересно, а мы так сможем?» — подумал он, разглядывая картины на стенах, узоры на гардинах и великое множество ящичков и горшочков, в которых росли приятные глазу цветы.

— Мило, — сказал он.

Сьюзи хлопнула дверью.

— И это все, что ты можешь сказать?! Да я целый месяц рук не покладала!

— Но ведь ты сама использовала это слово.

Она рассмеялась.

---

* *О смерти нам ведомо, неведом лишь час ее (лат.).*

— Я-то могу сказать, что у меня мило, но ты — гость и не должен скрывать восхищения.

— Хорошо, — уступил он. — Здесь чудесно.

— Вот так-то лучше. — Она уселась в кресло, обитое черным холстом, откинулась на спинку, энергично потерла ладони и посмотрела на Сета. — Я жду.

— Чего?

— Когда ты начнешь меня соблазнять.

— Это еще зачем?

— При виде меня ты должен сходить с ума от вожделения. Я же поселковая шлюха, разве не слышал?

— Я только сегодня прилетел.

— Все равно рано или поздно тебе бы сказали.

— Если кто-то попытается, — мрачно пообещал Сет, — схлопочет по морде.

— За что? Это же правда.

— Тебе-то зачем это нужно?

— Доктор Бабл говорит, из-за нарушения функции диэнцефалона.

— По-моему, он «с приветом», этот ваш Бабл. Знаешь, как он отозвался о моей встрече с Сошедшим? Сказал, что в моем рассказе почти все — ложь.

— Доктор Бабл Его слегка недолюбливает. К тому же, он всегда старается уязвить собеседника.

— Зная об этой черте, я бы на твоем месте не стал обращать внимания на диагноз Бабла.

— Он объяснил, почему я пошла по этой дорожке, только и всего. Но что сделано, то сделано. Я переспала со всеми мужиками в поселке, кроме Уэйда. Он противный!

— А что он говорит насчет тебя? — поинтересовался Сет. — Ведь он как-никак психолог. Во всяком случае, выдает себя за психолога.

— Говорит, что... — Она замялась, глядя в потолок и покусывая нижнюю губу, — ...что это поиск великого архетипа «отец-мир». Так бы сказал Юнг. Ты что-нибудь знаешь о Юнге?

— Да. — На самом деле это имя Сету ни о чем не говорило. Он слышал только, что Юнг немало поспособствовал восстановлению дружеских отношений между интеллигенцией и священниками.

— Юнг считал, что наше отношение к родным отцам и матерям обусловлено тем, что они воплощают некоторые мужские и женские архетипы. Например, есть великие архетипы «плохой отец-земля» и «хороший отец-земля», и так далее... То же самое относится и к женщинам. Моя мать оказалась «плохой матерью-землей», поэтому вся моя психическая энергия была направлена на отца.

— Гм... — Сет вспомнил вдруг о Мэри. Нет, он не боялся ее, но что она подумает, вернувшись домой и не увидев его? А потом — Боже упаси! — обнаружив его здесь, в компании Сьюзи Дам?

— Ты считаешь, половая близость оскверняет человека?

— Бывает, — рассеянно ответил Сет. Сердце бешено колотилось; он ощутил, как убыстряется пульс. — Спектовский на этот счет не очень-то ясен, — пробормотал он.

— Тебе надо прогуляться со мной.

— Мне? Сейчас? Куда? Зачем?

— Не сейчас. Завтра, когда рассветет. Я отведу тебя за черту поселка, в настоящий Дельмак-0. Там много странного, движение там замечаешь только краешком глаза. И еще там... Здание.

— Здание хотелось бы увидеть, — это была правда.

Сьюзи резко поднялась.

— Вам лучше вернуться к себе, мистер Сет Морли. Иначе ваша очаровательная супруга придет сюда, застанет нас вдвоем и учинит разгром, отворив тем самым двери Разрушителю Формы. Если таковой действительно, как вы говорите, бродит снаружи, он ворвется и заберет нас всех. — Она засмеялась, сверкая идеальными зубами.

— А можно, Мэри пойдет с нами на прогулку?

Сьюзи отрицательно покачала головой.

— Только ты и я. Пойдешь?

В его голове заметалась целая стая тревожных мыслей. Наконец они утихомирились, позволив ему ответить уклончиво:

— Если получится.

— Ты уж постарайся, пожалуйста. Я тебе покажу все, что сама видела. И вещи, и живых существ...

— Они красивы?

— Некоторые. Слушай, что ты на меня так смотришь? Мне страшно.

— По-моему, у тебя не все дома.

— Просто я прямолинейна.

Периферийным зрением Сет уловил движение.

— В чем дело? — спросила Сьюзи.

Он быстро повернул голову и на этот раз увидел отчетливо: по гладкой поверхности туалетного столика дюйм за дюймом продвигался маленький серый параллелепипед. Внезапно, будто почувствовав, что на нее смотрят, вещица остановилась.

В два прыжка Сет оказался возле столика и схватил предмет.

— Осторожнее! Оно совершенно безвредное. Ну-ка, отдай. — Сьюзи протянула руку, и Сет неохотно разжал пальцы. — Да. — Удивление Сета не укрылось от Сьюзи. — Это из Здания. Что-то вроде плода. Точь-в-точь как Здание, только маленькое. — Повертев параллелепипед перед глазами, Сьюзи поставила его на туалетный столик и добавила: — Оно живое.

— Знаю. — Когда Сет держал зданьице в руке, оно пыталось вырваться.

— Они там кишмя кишат. — Сьюзи обвела вокруг себя рукой. — Снаружи. Завтра найдем еще одно — тебе.

— На что оно мне?

— Будет на что, когда поживешь здесь подольше. Живые существа скрашивают одиночество. Помнится, в детстве я нашла в нашем саду ганимедянскую жабу. Ты не поверишь — мне казалось, что прекраснее ее нет никого на свете. Она была такая блестящая, с длинной, гладкой шерсткой...

— А вдруг одна из этих тварей погубила Толчифа? — перебил Сет.

— Белснор однажды препарировал такое зданьице. Он говорит... — Сьюзи замялась. — В общем, они не опасны. Больше я ничего не поняла — Белснор перешел на жаргон электронщиков.

— Значит, он в курсе, что ты держишь эту тварь дома?

Сьюзи кивнула.

— У тебя... у нас хороший руководитель. — Мысленно Сет договорил: «Поживем — увидим».

— Ну как, ложимся? — вдруг спросила Сьюзи.

— Что?

— Должна же я узнать тебя. Я не могу судить о мужчине, пока не пересплю с ним.

— А о женщине?

— О женщинах я и вовсе не могу судить. Хочешь, чтобы я попробовала с женщинами? Это как раз в духе Мэгги. Она ведь лесбиянка. Может, ты и об этом не знаешь?

— Не думаю, что это имеет какое-то значение. Это не наше дело. — Ему было неуютно. — Сьюзи, не мешало бы тебе обратиться к психиатру.

Внезапно он вспомнил все, сказанное ему в Текеле Упарсине Сошедшим-на-Землю, и подумал: «Наверное, всем нужен психиатр. Но не Фрейзер. Кто угодно, только не он».

— Ты что, не хочешь со мной порезвиться? Дурачок, тебе понравится, я очень хороша в постели.

— Нет.

— Да! — Сьюзи схватила его за руку. В ее глазах сверкало отчаяние, словно она приготовилась сражаться не на жизнь, а на смерть. Она изо всех сил потянула Сета к себе.

Сьюзи почувствовала, что мужчина не поддается. «Слишком силен», — подумала она и спросила, хватая ртом воздух:

— Отчего ты такой сильный?

Сет ухмыльнулся:

— Камни ворочал.

Придвинувшись к нему, она зарычала:

— Все равно я тебя возьму!

Ей удалось сдвинуть его на несколько шагов к постели.

— Черт побери, что ты делаешь?! — возмутился Сет, но Сьюзи снова поднажала.

— Прекрати!

Он рухнул на кровать. Придавив его коленом, Сьюзи отработанными движениями стащила с себя и бросила на пол юбку.

«Почему он меня боится?» — подумала женщина. Впрочем, так бывало каждый раз, и она успела привыкнуть. Ей даже нравилось.

— От... пус... ти! — прохрипел Сет, пытаясь сбросить ее с себя. — До чего же ты нахальная...

Дверь с грохотом распахнулась. Сьюзи инстинктивно отпрянула, соскочила с мужчины, отбежала от кровати и выпрямилась, шумно дыша и ненавидяще глядя на Мэри Морли, застывшую в дверном проеме. Сьюзи схватила свою одежду в охапку. Эта стадия охоты никогда не доставляла ей удовольствия. Она готова была вцепиться Мэри в глотку.

— Убирайся! — выкрикнула она. — Это моя квартира.

— Сет! — взвизгнула Мэри. — В чем дело, черт побери? Как ты мог? — Мэри на негнущихся ногах двинулась к кровати. На ее лице быстро проступали пятна.

— Боже! — пробормотал Сет, усаживаясь и торопливо приглаживая растрепанные волосы. — Ничего между нами не было. Я пытался вырваться. Разве не видела?

— Захотел бы — вырвался! — визгливой скороговоркой ответила жена.

— Я не мог! — простонал он. — Честное слово, мне тебя сам Бог послал. Она меня так зажала, я даже вздохнуть не мог. Но все равно я бы не дался!

— Я убью тебя! — Мэри повернулась и двинулась вокруг кровати.

Сьюзи знала, что означают эти шаги, это верчение головой и это выражение гнева и неверия на лице незваной гостьи. Наконец Мэри остановилась и схватила с туалетного столика вазу. Грудь ее тяжело вздымалась, зрачки расширились. Она рывком подняла вазу над головой...

В копии Здания на туалетном столике отодвинулась дверная панель, из отверстия высунулся ствол крошечной пушки. Ничего этого Мэри не видела.

— Оглянись! — Сет бросился к жене. Он успел схватить ее за руку и рвануть к себе. Ваза ударилась об пол и разбилась вдребезги. Крошечное жерло переместилось следом за Мэри, застыло, и в тот же миг из него вылетел луч. Сьюзи с хохотом отбежала подальше от супругов. Луч не задел Мэри. В стене, на которую смотрело пушечное жерло, появилось маленькое отверстие, сквозь него из ночной тьмы потек холодный воздух. Мэри вздрогнула и отступила на шаг.

Сет бросился в ванную и вернулся со стаканом воды. Подбежав к туалетному столику, выплеснул на Здание. Пушечка замерла.

— Кажется, я его прикончил, — вымолвил Сет, сипя, как астматик.

Из миниатюрного Здания потянулась струйка серого дыма. Раздалось короткое жужжание, из дверного проема потекла густая жидкость, похожая на расплавленный гудрон. Эта жидкость и вода, смешавшись, образовали вокруг домика озерцо. Сет был прав — зданьицу пришел конец.

— Ты его убил! — тоном прокурора заявила Сьюзи.

— Вот что погубило Толчифа! — воскликнул Сет.

— Оно пыталось меня застрелить! — обморочным голосом произнесла Мэри. Она затравленно озиралась, пятен на лице как не бывало. Мэри медленно опустилась на стул и устремила на зданьице бессмысленный взгляд. Потом сказала мужу:

— Пойдем отсюда...

— Придется все рассказать Белснору, — проговорил Сет, обращаясь к Сьюзи и с великой осторожностью поднимая со столика копию Здания. Он долго рассматривал ее, держа на ладони.

— Три недели я с ним возилась, приручала... Теперь надо искать новое, нести сюда, да еще не повредить по дороге... Видишь, что ты натворил? — Сьюзи переполняли ненависть и горечь.

Мэри и Сет направились к двери. Сет обнимал жену за плечи и подталкивал к выходу.

— Будьте вы прокляты! — завопила Сьюзи, семеня следом и одеваясь на ходу. — Так, как насчет завтрашней прогулки? — спросила она уже другим тоном. — Ты не против? Я хочу тебе кое-что показать...

— Нет! — Он повернулся и вонзил в нее долгий, недобрый взгляд. — Ты в самом деле не понимаешь, что произошло?

— Нет, — буркнула Сьюзи. Ей стало не по себе от жесткого, сверлящего взгляда. — Ладно, если тебя так испугала эта несчастная игрушка...

— Игрушка? — возмущенно перебил он.

— Игрушка, — повторила она. — Тебя наверняка интересует все, что можно увидеть за околицей. Этот домик — всего лишь модель настоящего Здания. Неужели тебе не хочется на него посмотреть? Между прочим, я прочла надпись над парадным подъездом. Не над тем, который для грузовиков, а...

— И что это за надпись?

— А ты пойдешь со мной? — Сьюзи посмотрела на Мэри и со всей щедростью, на какую только была способна, добавила: — И ты. Вам обоим надо туда пойти.

— Я пойду один, — сказал Сет и пояснил жене: — Это слишком опасно. Я против твоего участия.

— Ты против, — кивнула Мэри, — но совсем по другой причине. — Ее голос звучал тихо и тускло, как будто жар теплового луча выпарил из нее все чувства, кроме липкого страха.

— Что написано над входом? — спросил Сет.
Выдержав паузу, Сьюзи ответила:
— Хлыство.
— И что это означает?
— Кто его знает... Но звучит очень мило. Быть может, нам удастся побывать внутри. Вообще-то я подходила очень близко, почти к самой стене, но черного хода не нашла, а войти через парадный почему-то не решилась.
Поддерживая жену за талию, Сет молча пошел в ночь. Полуодетая Сьюзи одиноко стояла посреди комнаты.
— Дрянь! — выкрикнула она им вслед. Ругательство адресовалось Мэри.
Супруги уходили и вскоре растаяли во тьме.

Глава 7

— Не мели чепуху, — проворчал Белснор. — Если оно стреляло в твою жену, то лишь потому, что так захотела эта, Сьюзи Дам, или Смат, или как тебе будет угодно. Она подучила эту штуковину. Они поддаются дрессировке.
Он сидел, держа на ладони крошечный домик. Безразличие на его удлиненном, худом лице постепенно сменялось задумчивостью.
— Если б я с ним не разделался, — заметил Сет, — у нас сейчас было бы два покойника.
— Может, да, а может, и нет. Судя по размерам этой копии, она вряд ли способна убить человека. Разве что с ног свалить.
— Луч продырявил стену.
— Здесь все стены из дешевой пластмассы, — сказал Белснор. — Однослойной. Кулаком можно пробить.
— Я вижу, ты не очень-то встревожен.
Белснор сосредоточенно теребил нижнюю губу.
— Меня тревожит все в целом. Какого черта ты делал в комнате Сьюзи? — Он поднял руку. — Ладно, не рассказывай, я понимаю. Она сексуальная неврастеничка. Нет-нет, пожалуйста без подробностей. — Он задумчиво подбрасывал зданьице на ладони. — Очень жаль, что оно не пристрелило Сьюзи.
— Это происшествие затрагивает всех нас, — заявил Сет.
Белснор поднял лохматую голову и вперил в него изучающий взгляд.
— Каким образом?
— Сам толком не знаю. Просто идиотизм какой-то. Очевидно, каждый из нас живет в собственном мире, не заботясь об остальных. Как будто... — Он помялся. — Как будто каждому нужно только одно: чтобы его оставили в покое.
— Не только, — возразил Белснор. — Все мы хотим убраться отсюда. Хотя, возможно, больше ничего общего между нами нет. — Он вернул Сету искалеченный домик. — Сохрани. Как сувенир.
Сет уронил домик на пол.
— Идешь завтра со Сьюзи на разведку? — спросил Белснор.
Сет кивнул.
— Смотри — рискуешь. Она может снова на тебя накинуться.
— Мне она совершенно не нужна. Да и не она меня тревожит. Думаю, на этой планете у нас есть опасный враг, и он находится за чертой поселка. Наверное, это он убил Толчифа. Или они. Что бы там ни говорил Бабл.
— Ты здесь новичок, — задумчиво проговорил Белснор. — Толчиф тоже был новичком. Толчиф мертв. Мне кажется, тут есть связь. Вероятно, причина его гибели — незнание условий жизни на этой планете. Из чего следует, что и тебе грозит опасность. Зато нам...
— Не советуешь идти?
— Отчего же? Иди, но будь осторожен. Ни к чему не прикасайся, держи ухо востро. Не отрывайся от Сьюзи, в подозрительные места не суйся.
— А почему бы и тебе не прогуляться?
Белснор внимательно посмотрел на него.
— Ты правда хочешь, чтобы я пошел?
— Ты же теперь руководитель, староста поселка. Думаю, тебе не мешало бы пойти. С оружием.
— Я... — Белснор замялся. — Я мог бы возразить, что мне надо чинить передатчик. Я мог бы возразить, что и тебе надо заниматься своим делом. Чем шляться по пустырям, лучше бы молитву подготовил. Одному мне приходится обо всем думать. Я мог бы возразить...
— А я мог бы возразить, что из-за твоего «я мог бы возразить...» всем нам может быть крышка! — перебил Сет.
Казалось, улыбка Белснора адресована его собственным тайным мыслям. Она была невеселой и, не задержавшись на лице, сменилась саркастической ухмылкой.
— Скажи, что ты знаешь об экологии этой планеты, — попросил Сет. — Что водится за околицей?
— Ну, там встречаются организмы, которые мы называем «тенчи». Они очень старые. Мы их насчитали пять или шесть...
— Как они себя ведут?
— Самые мелкие ничего не делают. Те, что побольше, — штампуют.
— Штампуют?
— Копируют вещи, которые мы им приносим. Всякие мелочи: наручные часы, чашки, электробритвы.
— И куда же деваются все эти копии?
Белснор похлопал себя по карману, затем достал авторучку.
— Вот, пожалуйста. Но... — Он протянул авторучку Сету. — Видишь гниль? — Ручка была покрыта налетом, похожим на пыль. — Они очень быстро сгнивают. Эта еще несколько дней будет писать, а потом придется брать оригинал и идти за новой.
— Зачем?
— Видишь ли, настоящих ручек у нас в обрез, к тому же в них быстро кончаются чернила.
— А в «штамповках» чернила стойкие? Не выцветают через неделю?
— Нет. — В глазах Белснора появилась тревога.
— Ты не уверен, — заметил Сет.
Белснор поднялся и вытащил из заднего кармана брюк бумажник. Достав несколько сложенных листков, развернул один и положил перед Сетом. Буквы были четкими.
В зал совещаний вошла Мэгги Волхв.
— Можно с вами посидеть? — спросила она, направляясь к мужчинам.
— Разумеется, — прохладно откликнулся Белснор. — Берите стул. — Он покосился на Сета и неохотно объяснил Мэгги: — Только что игрушечный домик Сьюзи Смат чуть не застрелил жену Морли. Он промахнулся, и Морли вылил на него чашку воды.
— Я ее предупреждала! Говорила, что эти вещи небезопасны!

— Она сама небезопасна, — проворчал Белснор. — Об этом-то мы сейчас и толковали.

— Надо бы за нее помолиться.

— Видите? — повернулся Белснор к Сету. — Мы небезразличны к судьбе ближнего. Мэгги хочет спасти душу Сьюзи.

— Лучше помолитесь, чтобы она не подыскала себе новую «штамповку», — посоветовал Сет. — И не обучила ее чему похуже.

— Морли, я обдумал твои соображения насчет нашей компании, — сказал Белснор. — Кое в чем ты прав: у нас действительно есть общая черта. Но не та, о которой ты подумал, а то, что все мы — неудачники. Взять хотя бы Толчифа. Разве по его виду можно было сказать, что он алкоголик? А Сьюзи? Она способна думать только о сексуальных победах. Наверняка и с тобой не все в порядке. У тебя избыточный вес, должно быть, ты слишком много ешь. Ты что, из тех, кто живет ради еды? Ты хоть раз задавался этим вопросом? Бабл — ипохондрик. Бетти Джо Бем — наркоманка, без «колес» шагу не ступит, вся ее жизнь — в пластмассовом пузырьке. Малыш Дункельвельт помешался на мистических «проникновениях в суть» и почти не выходит из шизоидного транса, который Бабл и Фрейзер называют «кататоническим ступором». Мэгги, — он махнул в ее сторону рукой, — та вообще живет в иллюзорном мире молитв и поста, верой и правдой служит Божеству, которому на нее наплевать. — Белснор посмотрел на женщину: — Мэгги, вы когда-нибудь видели Заступника?

Она отрицательно покачала головой.

— А Сошедшего-на-Землю?

— Нет.

— А самого Создателя? — допытывался Белснор. — Ладно. Теперь возьмем Уэйда Фрейзера. Его мир...

— А как насчет тебя самого? — перебил Сет.

— У меня свой собственный мир.

— Он изобретатель, — пояснила Мэгги.

— Но ничего еще не изобрел, — проворчал Белснор. — Все открытия и разработки последних двух столетий совершены в лабораторных комплексах — там сотни, даже тысячи инженеров. До нашего века существо по имени Изобретатель не дожило. Но мне нравится возиться с электроникой. Скажем так: если не все удовольствие в жизни, то большую его часть я получаю от конструирования устройств, не приносящих никакой пользы.

— Мечта о славе, — подсказала Мэгги.

— Нет. — Белснор потряс головой. — Я хочу отдавать. Мне, в отличие от всех вас, не нравится только брать. — Голос его был ровен, тверд и очень серьезен. — Мы живем в мире, придуманном и построенном миллионами тружеников. Большинство из них давно умерло, не получив за свою работу практически никакого вознаграждения. Но меня не интересует, узнают ли люди о том, что я создал; достаточно, если мои изобретения принесут пользу, если кто-то будет зависеть от них, считая это само собой разумеющимся. Как все мы зависим, например, от английской булавки. Кто нынче может сказать, чье это изобретение? Никто. Зато в нашей проклятой Галактике ею пользуются все, кого ни возьми...

— Английская булавка впервые появилась на Крите, — вспомнил Сет. — В четвертом или пятом веке до нашей эры.

Белснор обжег его взглядом.

— Ага! Выходит, тебе не все равно, где она изобретена! — воскликнул Сет.

— Однажды я почти сконструировал устройство, — сказал Белснор, — которое должно было прерывать движение электронов в любом проводнике в радиусе пятидесяти футов. Оно могло пригодиться как оборонительное оружие. Но пятидесяти футов я так и не добился. Только полутора. — Он погрузился в задумчивое, угрюмое молчание.

— Мы все равно вас любим, — произнесла Мэгги.

Белснор поднял на нее злые глаза.

— Божество ценит все, что сделано с искренним чувством, — заявила Мэгги, — даже неудачные попытки. Для Божества важен не результат, а мотивы. Не сомневайтесь, они Ему известны.

— Даже если вымрет весь поселок, это не будет иметь значения, — проворчал Белснор. — Все мы бесполезны для общества. Мы не более чем паразиты на теле Галактики. Мир не заметит нашего ухода.

— И это говорит наш вожак, человек, призванный нас спасти, — горько усмехнулся Сет.

— Я попытаюсь вас спасти, — пообещал Белснор. — Не знаю, сумею ли, но попробую сделать устройство, которое нас защитит, приведя в негодность игрушечные пушки. Это и будет моим вкладом.

— Не думаю, что вы поступаете разумно, называя эти вещи игрушечными, — заметила Мэгги. — Если так рассуждать, то искусственная почка Токсилакса — тоже игрушка.

— Как и восемьдесят процентов кораблей Межпланзапа, — подхватил Сет.

— Может, в этом и заключается моя проблема, — уныло произнес Белснор. — Я не могу сказать наверняка, что игрушечное, а что настоящее. Игрушечный корабль — не настоящий корабль. Игрушечная пушка — не настоящая. Но если пушка способна убивать... — Он замялся. — Пожалуй, завтра я попрошу людей обойти поселок и собрать все миниатюрные домики, да и вообще все, что пришло извне. Сложим в кучу, сожжем и покончим с этим.

— Что еще пришло извне? — спросил Сет.

— Искусственные мухи, — ответил Белснор. — Это во-первых.

— Они что, цветы опыляют?

— Нет, это делают искусственные пчелы. А мухи летают повсюду и поют.

— Поют? — Сет решил, что ослышался.

— Могу продемонстрировать. — Белснор порылся в кармане и достал пластмассовую коробочку.

— И о чем же они поют? — Сет поднес коробочку к уху и услышал нежные звуки, словно кто-то легонько перебирал струны арфы или вдалеке трепетало множество тончайших крылышек насекомых.

— Знакомая мелодия, — сказал он. — Но не могу вспомнить, где я ее слышал.

«Моя неосознанная любовь, — подумал он. — Из далекого прошлого».

— Они играют то, что вам нравится, — сказала Мэгги.

Сет наконец-то узнал мелодию. «Гранада».

— Будь я проклят, — вымолвил он. — Ты уверен, что это мухи играют?

— Загляни в коробок, — разрешил Белснор. — Только осторожнее, не выпусти. Муху трудно поймать.

Очень бережно Сет отодвинул крышечку и увидел черную муху, похожую на тех, что обитают на Проксиме-6, — большую, волосатую, с дрожащими крылышками и выпуклыми фасеточными глазами, совсем как у настоящих мух. Он закрыл коробочку.

— Великолепно. Она действует как приемник? А центральный передатчик находится где-то на этой планете, верно?

— Я разобрал одну, — сказал Белснор. — Нет, это не приемник, музыка звучит из динамика, но создает ее сама муха. Миниатюрный генератор выдает сигнал в виде электрических импульсов, похожих на импульсы нервных волокон в организме живого существа. Перед генератором расположен влажный элемент с переменной электропроводимостью, способный чрезвычайно усложнять сигнал. Что ты услышал?

— «Гранаду». — Сету тоже захотелось такую муху. Возможно, она бы скрасила его одиночество. — Ты их часом не продаешь?

— Сам поймаешь. — Белснор забрал коробочку и спрятал в карман.

— А еще есть что-нибудь, — поинтересовался Сет, — кроме пчел, мух, «штамповок» и домиков?

— Есть существо, которое копирует, — сказала Мэгги. — Крошечное, с блоху. Правда, оно копирует только одну вещь, зато не останавливается ни на минуту. Это похоже на бесконечный конвейер.

— Что копирует?

— Книгу Спектовского, — ответила Мэгги.

— И все?

— Все, о чем мы знаем. Возможно, есть и другие существа. — Она многозначительно посмотрела на Белснора.

Тот промолчал, снова уйдя в себя, позабыв о собеседниках.

Сет взял со стола испорченный домик.

— Если тенчи делают только копии, то это не их работа. Чтобы изготовить такую штуковину, нужна высокоразвитая технология.

— Возможно, оригинал сделан несколько веков назад, — произнес, словно просыпаясь, Белснор. — А тех, кто его смастерил, здесь уже нет и в помине.

— И с той поры с него снимались копии?

— Да. А может, это началось после того как мы здесь поселились. Возможно, это проявление заботы о нас.

— Сколько времени сохраняются домики? Дольше, чем твоя ручка?

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — кивнул Белснор. — Нет, я не заметил, чтобы они загнивали. Возможно, это не «штамповки», но особой разницы я не вижу. Кстати, они могли быть изготовлены очень давно, но до поры храниться в резерве.

— В поселке есть микроскоп?

— Разумеется. У Бабла.

— Ну что ж, пойду проведаю Бабла. — Сет встал и направился к выходу, бросив через плечо: — Спокойной ночи.

Белснор и Мэгги промолчали. Им явно не было дела ни до самого Сета, ни до его пожеланий.

«Неужели и я стану таким недели через две?» — с тревогой подумал он. Ответ на этот вопрос пришел к нему далеко не сразу.

— Конечно, — разрешил Бабл. — Можете воспользоваться моим микроскопом. — Он был в пижаме, шлепанцах и полосатом купальном халате из эрзац-шерсти. — Вы подняли меня с постели. — Бабл заметил в руке у Сета домик. — А, вот оно что... Да, этого добра здесь хватает.

Сет расположился за микроскопом, разломал коробку здания, поместил ее содержимое на предметное стекло и стал рассматривать при шестисоткратном увеличении и низком разрешении.

«Непростая штучка, — сразу решил он. — Смонтирована, конечно, на нескольких печатных платах. Резисторы, конденсатор, электронные схемы. Источник питания — гелиевая микробатарейка. — Ему удалось разглядеть поворотный механизм и нечто вроде германиевой дуги — по-видимому, источник энергии для теплового луча. — Вряд ли она способна убить, — подумал Сет. — Белснор, наверное, прав: такое оружие не обладает большой огневой мощью».

Он сфокусировал микроскоп на моторчике, вращающем пушечный ствол в горизонтальной плоскости, и увидел буквы на фиксаторе пушки. Отрегулировав четкость, он напряг зрение и получил подтверждение наихудшему из своих опасений.

«Изготовлено на Земле. 3582Р» — прочитал Сет.

«Значит, оно все-таки с Земли, — тоскливо подумал он. — Генерал Тритон, — мрачно произнес он про себя, — это твои штучки. Теперь я знаю, кто нас убивает. Не случайно отказал передатчик. Не случайно нам было велено добираться сюда нозерами. Смерть Бена Толчифа на твоей совести».

— Что вы там нашли? — спросил Бабл.

— Доказательство тому, что наш враг — генерал Тритон и что против него мы совершенно беспомощны. — Сет отодвинулся от микроскопа. — Взгляните.

Бабл приник к окуляру.

— Никому из нас это и в голову не приходило, — сказал он внезапно. — А ведь за два месяца могли бы поинтересоваться... — Он оторвался от микроскопа, растерянно посмотрел на Сета... — Что будем делать?

— Прежде всего соберем и уничтожим все, что пришло в поселок извне.

— Наверное, Здание тоже земного происхождения?

— Да, — кивнул Сет, подумав:

«Это очевидно. Мы — участники эксперимента».

— Надо убираться с этой планеты.

— Боюсь, не удастся.

— Наверное, вся эта чертовщина — из Здания. Значит, надо найти способ его уничтожить. Но как?

— Не хотите ли пересмотреть свое заключение о смерти Толчифа?

— Ничего другого не остается. Сейчас можно предположить, что он убит с помощью неизвестного оружия, в результате действий которого в организме вырабатывается смертельная доза гистамина. В итоге создается видимость повреждения дыхательных путей. Возможно, мы имеем дело с инсценировкой. Во всяком случае, эту версию нельзя так просто отмести, поскольку Земля давно превратилась в огромную психиатрическую клинику.

— На Земле есть военные лаборатории. Предельно засекреченные. Обычные люди о них не знают.

— А вы откуда знаете?

— В Текеле Упарсине я был гидробиологом и имел с ними дело по долгу службы, — ответил Сет. — И еще, когда мы покупали оружие.

Сет преувеличивал: на самом деле он только слышал о существовании лабораторий. Но эти слухи казались ему правдоподобными.

— Скажите, — Бабл пристально посмотрел на него, — вы действительно видели Сошедшего-на-Землю?

— Да. И о секретных военных лабораториях на Земле знаю не понаслышке. Например...

— Я верю, что вы кого-то видели, — перебил Бабл. — Неизвестного, пришедшего к вам и указавшего на нечто очевидное. Например, на то, что нозер, доставшийся вам, непригоден для космических перелетов. Но ваш разум уже был подготовлен к тому, чтобы счесть этого человека Сошедшим-на-Землю. Если к вам приходит незнакомец и предлагает помощь, то он не что иное, как Ипостась Божества. Это вы усвоили с детства. Вам и в голову не пришло усомниться, поскольку учение Спектовского бытует практически повсеместно. Но я его не приемлю.

— Не приемлете? — поразился Сет.

— От и до. Незнакомцам — настоящим незнакомцам, самым обычным людям, — свойственно иногда возникать перед нами с полезными советами. Очень многие из нас по природе своей благожелательны к ближним. На месте того человека я бы тоже предупредил вас о неисправности корабля.

— И тем самым взяли бы на себя миссию Сошедшего-на-Землю, то есть стали бы Им на время. Такое может случиться со всяким. Это — частица чуда.

— Чудес не бывает. Спиноза доказал это много веков тому назад. Чудо как нарушение законов природы было бы проявлением слабости Бога. Если бы, конечно, Бог действительно существовал.

— Сегодня вечером вы сказали нам, что семь раз видели Сошедшего-на-Землю. — Поймав врача на логическом противоречии, Сет преисполнился подозрениями. — И Заступника тоже.

— Я имел в виду, — не моргнув глазом ответил Бабл, — что семь раз оказывался свидетелем того, как живое существо совершало поступки, свойственные Сошедшему-на-Землю. Ваша беда в том же, в чем и большинства людей. Мы, люди, столкнулись с расами разумных негуманоидов. Некоторые из них мы называем расами богов, а их планеты — Божьими мирами. Мы так сильно уступаем им, что низвели себя до положения, скажем, собак или кошек. Этим животным человек кажется богом: он совершает поступки, присущие богам. Но квазибиологические, сверхразумные жизненные формы на Божьих мирах — точно такие же продукты естественной биологической эволюции, как и мы. Будь у нас время, мы могли бы так же высоко подняться по лестнице развития... а то и выше. Заметьте: я говорю не «поднимемся», а «могли бы подняться». — Он решительно ткнул пальцем в сторону Сета. — Они не создавали Вселенной. Да, они называют себя Ипостасями Божества. Но почему мы должны им верить? Разумеется, если спросить их: «Вы — боги? Это вы создали Вселенную?» — они ответят утвердительно. Мы поступали точно так же. Вспомните историю: в XVI и XVII веках белые люди говорили дикарям Америки те же самые слова.

— Но испанцы, англичане и французы были колонизаторами. У них была причина строить из себя богов. Взять хотя бы Кортеса. Он...

— У жизненных форм в так называемых Божьих мирах есть схожий мотив.

— Какой? — Сет почувствовал, как в душе растет отупляющий гнев. — Они ведут себя, как святые. Они созерцают. Они внимают нашим молитвам и отвечают на них, когда есть такая возможность. Например, они исполнили желание Бена Толчифа.

— Послав его сюда умирать? Да уж, исполнили...

Эта мысль беспокоила Сета с той самой минуты, когда он увидел неподвижное тело Бена.

— Должно быть, они не знали... — замялся он. — Между прочим, Спектовский пишет, что Божество не всеведуще. Например, Оно не знало о существовании Разрушителя Формы, о том, что его пробудили к жизни расходящиеся круги излучения, породившего Вселенную. Или о том, что Разрушитель Формы способен проникать во Вселенную и, следовательно, во время, и разрушать Вселенную, созданную Творцом по образу и подобию своему, после чего она уже не будет Его образом и подобием.

Из горла Бабла вырвался короткий, лающий смех.

— Вы говорите точь-в-точь как Мэгги.

— Я еще ни разу в жизни не встречал атеиста. На самом деле Сет знавал одного, но с тех пор прошло много лет.

— В наше время, когда существование Божества доказано, атеизм выглядит нелепо. Я могу понять, почему он был так широко распространен в прошлом, когда религия опиралась на веру в незримых существ. Но сейчас, как указывает Спектовский, они зримы.

— Сошедший-на-Землю, — с сарказмом произнес Бабл, — это своего рода Deus ex machina. Выражение часто употребляется применительно к непредвиденным обстоятельствам, неожиданностям, случайностям, обычно счастливым. Вместо того чтобы мешать позитивным процессам или событиям, ему бы...

Дверь лазарета отворилась. На пороге стоял человек в рабочей куртке из мягкого пластика, брюках и ботинках из кожзаменителя. Ему было под сорок; волосы темные; лицо решительное, с высокими скулами и большими светлыми глазами. В руке он держал выключенный фонарик.

Он молча глядел на Бабла и Морли. Просто молчал и ждал.

«Ни разу не видел его в поселке», — подумал Сет. Глянув на врача, он по выражению лица понял, что Бабл тоже видит посетителя впервые.

— Кто вы? — хрипло произнес Бабл.

У незнакомца оказался низкий, спокойный голос.

— Я только что прилетел на нозере. Будем знакомы: Нед Рассел, экономист.

Он протянул руку, и Бабл машинально пожал ее.

— Я думал, наш поселок полностью укомплектован, — сказал врач. — Здесь тринадцать человек.

— Я просил о переводе, и меня назначили сюда, на Дельмак-0. — Рассел повернулся к Сету, и тот пожал протянутую ладонь.

— Позвольте ваше предписание, — попросил Бабл.

Рассел порылся в кармане куртки.

— Странное нам с вами досталось местечко.

Освещения почти нет, автодиспетчер не действует... Пришлось самому сажать нозер, а у меня не такой уж большой опыт. Я его поставил рядом с вашими, на краю поселка.

— Итак, теперь у нас два повода, чтобы идти к Белснору, — сказал Сет, — земное клеймо на домике и новичок.

«Хотелось бы знать, какой из этих поводов более важный, — подумал Сет. — Хотелось бы заглянуть в будущее, чтобы выяснить, как поступить. Что-то спасает нас. Что-то губит. Равновесие всего сущего достигается самыми разными путями...»

В ночной тьме Сьюзи Смат подкрадывалась к дверям Тони Дункельвельта. Специально для Тони она надела черную комбинацию и туфли на высоком каблуке.

Тук-тук.

— Кто там? — пробормотали в квартире.

— Сьюзи. — Она повернула дверную ручку и шагнула через порог.

Посреди комнаты на полу, скрестив ноги по-турецки, сидел Тони. В тусклом сиянии единственной свечи, горевшей перед ним, Сьюзи увидела, что глаза юноши закрыты. Вероятно, он находился в трансе. Во всяком случае, если Тони узнал ее, то не подал виду.

— Ничего, что я пришла?

Сьюзи всегда робела, видя Тони в таком состоянии. Медитируя, он полностью уходил из реального мира. Он часами мог сидеть абсолютно неподвижно, и, если его спрашивали, что он видит, Тони, как правило, отмалчивался.

— Я бы не хотела навязываться, — добавила она, не дождавшись ответа.

Гулким голосом чревовещателя Тони произнес:

— Добро пожаловать.

— Спасибо. — Вздохнув с облегчением, Сьюзи уселась в кресло с прямой спинкой, отыскала взглядом пачку сигарет и закурила, готовясь к долгому ожиданию. Но вскоре не выдержала и осторожно коснулась юноши носком туфли.

— Тони, — позвала она. — Тони!

— Да?

— Тони, что ты видишь? Иной мир? Скажи, ты способен видеть богов, творящих добрые дела? А как выглядит Разрушитель Формы?

Никто еще не видел Разрушителя, кроме Тони, но юноша никому о нем не рассказывал. Когда он медитировал, Сьюзи бывало не по себе. Но она не вмешивалась, дожидаясь, пока он сам, по собственной воле, вернется из мира пагубных иллюзий в действительность.

— Помолчи, — произнес Тони. Глаза его были зажмурены, покрасневшее лицо избороздили глубокие морщины.

— Отвлекись на минутку, — попросила она. — Тебе пора в кроватку. Хочешь с кем-нибудь в кроватку, Тони? Со мной, например?

Она положила ему на плечо ладонь. Тони плавно высвободился; рука Сьюзи повисла в воздухе.

— Помнишь, ты говорил, будто я люблю тебя за то, что ты ненастоящий? Ты — настоящий, Тони. Кому, как не мне это знать? Предоставь мне решать, кто мужчина, а кто нет. Впрочем, ты всегда был мужчиной, да еще каким!

— Есть Божество-над-Божеством, — отрывисто произнес Тони. — Единое, вмещающее в себя всех четверых.

— Четверых? Кого именно?

— Четыре Ипостаси Творца.

— А кто четвертый?

— Разрушитель Формы.

— Ты хочешь сказать, что общаешься с Богом, чьей составной частью вместе с тремя другими является Разрушитель Формы? Но это невозможно, Тони. Они — хорошие Боги, а Разрушитель — плохой.

— Я это знаю, — ответил он замогильным голосом. — Вот почему все, что мне открывается, такое отчетливое. Божество-над-Божеством не видит никто, кроме меня... — Постепенно он снова погрузился в транс и умолк.

— Как можешь ты наблюдать то, чего никто больше не видит, да еще утверждать, что это — настоящее? Спектовский ни словом не обмолвился об этом твоем сверхбожестве. Наверное, ты видишь только то, что происходит в твоем мозгу. — Ей было холодно и скучно, сигарета обжигала губы. Сьюзи подумала, что слишком много курит.

— Пошли в постель, Тони, — потребовала она, гася окурок. — Пошли.

Наклонившись, она сжала его руку. Но он оставался неподвижен.

Шло время. Тони пребывал в трансе.

— О Господи! — рассердилась Сьюзи. — Ну и черт с тобой, я ухожу. Спокойной ночи. — Она встала, быстро подошла к двери, отворила ее и, стоя на пороге, жалобно произнесла: — А ведь мы можем так хорошо поразвлечься, если сейчас же ляжем в постель. Неужели я тебе не нравлюсь? Если ты считаешь, что у меня есть недостатки — скажи, я постараюсь исправиться. Знаешь, недавно я освоила по книжке несколько новых поз. Можно, я тебя научу, а, Тони? Они очень занятные...

Тони открыл глаза и уставился на нее не мигая. Понять, что выражает его лицо, Сьюзи не смогла, и от этого ей стало еще тягостнее. Она задрожала и потерла обнаженные плечи.

— Разрушитель Формы, — заявил Тони, — это Вовсе-не-Бог.

— Понимаю, — отозвалась она.

— Но «Вовсе-не-Бог» — категория существа.

— Как скажешь, Тони.

— А Бог содержит в себе все категории существ. Следовательно, Бог способен быть Вовсе-не-Богом, что выходит за пределы человеческой логики и понимания. Но интуитивно мы чувствуем, что это так. Неужели ты не чувствуешь? Неужели откажешься предпочесть монизм убогому дуализму? Спектовский был великим человеком, но над его дуализмом есть монистический уровень. Есть высший Бог. — Не сводя с Сьюзи глаз, он с некоторой застенчивостью спросил: — Что ты думаешь на этот счет?

— Думаю, это замечательно, — оживилась она. — Должно быть, это потрясающе — погружаться в транс и видеть то, что видишь ты. Может, тебе написать книгу и доказать в ней, что Спектовский не прав?

— Я не говорил, что он не прав, — возразил Тони. — Просто я шагнул на ступень выше. На этой ступени противоположности способны обретать единство. Вот что я пытаюсь открыть.

— А не мог бы ты открыть это завтра? — Сьюзи все еще дрожала и массировала руки. — Я так замерзла и устала, да еще эта чертовка Мэри Морли устроила мне мерзкую сцену...

— Я — пророк, — сказал Тони. — Как Христос или Моисей, или Спектовский. Человечество ни

когда меня не забудет. — Он снова закрыл глаза. Огонек свечи замерцал и едва не погас. Тони этого не заметил.

— Если ты пророк, яви чудо. — Сьюзи читала в Книге Спектовского о том, что пророки обладают чудодейственной силой. — Докажи.

Тони открыл один глаз.

— Ты из тех, кто не может уверовать без знамения?

— Я хочу не знамения, а чуда.

— Чудо — это и есть знамение. Ладно, сделаю что-нибудь. — С выражением горькой обиды на лице он обвел взглядом комнату.

«Я его разбудила, — подумала Сьюзи. — А он этого не любит».

— У тебя лицо чернеет, — заметила она.

Он пощупал лоб.

— Не чернеет, а краснеет. Это из-за свечи так кажется. У нее слишком узкий спектр. — Он поднялся и заковылял по комнате на затекших ногах, потирая основание шеи.

— Долго ты так сидел? — спросила Сьюзи.

— Не знаю.

— Верно, ты же утрачиваешь всякое представление о времени. — Тони как-то упомянул об этой своей способности, приведя Сьюзи в благоговейный трепет. — Преврати что-нибудь в камень. — Она увидела на столе буханку хлеба, баночку с ореховым маслом и нож. Взяв хлеб, подошла к Тони: — Сумеешь?

— Христово чудо наоборот? — хмуро спросил Тони.

— Сумеешь?

Он принял хлеб, поднял на ладонях и долго смотрел на него, шевеля губами. Внезапно его лицо исказилось, словно от огромных усилий, и потемнело еще больше. Глаза потухли, превратясь в угольно-черные точки.

Хлеб оторвался от ладоней, поплыл вверх и завис на порядочной высоте. Потом съежился, расплылся... и вдруг камнем полетел на пол. Камнем? Сьюзи упала на колени и впилась в него взглядом, подозревая, что пламя свечи навеяло на нее гипнотический сон. На полу лежал самый настоящий булыжник — большой, округлый, гладкий.

— Боже мой! — пробормотала она. — А он... Не опасен? Можно, я его возьму?

Тони, чьи глаза снова наполнились жизнью, опустился рядом на колени.

— Во мне была божественная сила, — объявил он. — Не я сотворил это чудо, а Божество при моем посредничестве.

Сьюзи подняла камень. Он оказался довольно увесистым, теплым и как будто живым.

«Оживший камень... — мысленно произнесла она. — Похоже, он не настоящий».

Она выпустила булыжник из рук; звук удара вышел достаточно натуральным.

«Все-таки это камень», — решила она.

— Можно, я возьму его с собой? — повторила она, глядя на Тони с благоговением и надеждой, готовая выполнить любое его требование.

— Можно, Сюзанна, — тихо ответил он. — А сейчас вставай и иди к себе. Я устал. — Он в самом деле выглядел усталым: сгорбился, язык заплетается. — Увидимся за завтраком. Спокойной ночи. Он подошел к двери и распахнул ее настежь.

— Прощальный поцелуй. — Сьюзи приблизилась к нему, встала на цыпочки и чмокнула в губы. — Спасибо, — смущенно произнесла она. — Спокойной ночи, Тони, и спасибо за чудо. — Дверь начала затворяться, но женщина проворно вставила между ней и косяком носок туфли. — Ты не против, если я расскажу остальным? Ведь это чудо, наверное, у тебя первое? Разве плохо, если о нем узнают все? Нет, если не хочешь, я, конечно...

— Оставь меня в покое! Я хочу спать!

Он хлопнул дверью. Замок щелкнул, и Сьюзи охватил животный страх. Больше всего на свете она боялась щелчков чужих дверных замков перед носом. Сьюзи тотчас подняла руку, чтобы постучать, и увидела в ней камень. Тогда она постучала камнем. Негромко. Просто чтобы Тони понял: ей отчаянно хочется назад. Но если он не желает ее пускать, не надо. Она не собирается выламывать дверь.

Тони не ответил. Дверь не отворилась. Сьюзи обступала пустота.

— Тони! — Женщина прижалась ухом к двери. Тишина. — Ну и не надо. — С камнем в руке она спустилась с крыльца и, пошатываясь, побрела к своей квартире.

Внезапно камень исчез. В ее руке не было ничего.

— Черт! — растерянно воскликнула Сьюзи. — Куда он подевался? Растаял в воздухе? А, вот оно что, — сообразила она. — Это была иллюзия. Тони загипнотизировал меня, заставил поверить в чудо. А я-то, дуреха...

Мириады звезд на небе закружились в хороводах. Хороводы превратились в сияющие колеса. Холодный и ослепительный свет хлынул на землю, а на плечи Сьюзи навалилась огромная тяжесть.

— Тони... — пролепетала Сьюзи, падая в пустоту.

Она ни о чем не думала, ничего не чувствовала. Видела только пустоту. Падала в нее, пролетая милю за милей.

Она умерла в одиночестве, на ступеньке крыльца, сжимая в кулаке то, чего не существовало.

Глава 8

Глену Белснору снился сон. Он видел себя — мудрого, умелого, предприимчивого. Надежду поселка.

«Я действительно такой, — с гордостью подумал он. — Взял на себя заботу обо всех. Помогаю и защищаю. Со мной им не страшны никакие опасности».

Он припаял провода, установил выключатель, щелкнул им, проверяя, как действует аппарат для защиты и помощи. Хитроумное устройство загудело, во все стороны, в радиусе нескольких миль, распространилось генерируемое им поле. «Теперь к нам никто не проникнет, — удовлетворенно подумал Белснор. — Поселок в безопасности, и это моя заслуга».

По поселку бродили люди в длиннополых красных тогах. Полдень затянулся на тысячу лет. Белснор увидел, что колонисты как-то вдруг разом постарели. Трясущиеся, дряхлые и грязные, они едва переставляли ноги. Они *разрушались*. Машина не могла спасти их от смерти.

— Белснор!

Он открыл глаза и понял, что все это ему приснилось.

Серый рассветный луч пронизывал сумрак комнаты. Белснор взглянул на самодельные наручные часы.

Семь утра. Он сел, откинул одеяло и поежился от утренней прохлады.

— Кто? — обратился он к людям, заполнившим комнату. Затем поморщился и закрыл глаза, волевым усилием освобождаясь от липких остатков сна.

Тагг, пришедший в пижаме веселой расцветки, громко ответил:

— Сьюзи Смат.

Надев купальный халат, Белснор заковылял к двери.

— Ты догадываешься, что это значит? — спросил его Фрейзер.

— Она была такая жизнерадостная. — Роберта Рокингэм промокнула глаза уголком носового платка. — Рядом с ней жизнь казалась светлее. Ну кто, кто мог с ней так поступить?! — На морщинистых щеках Роберты влажно поблескивали извилистые дорожки.

Белснор вышел за дверь и побрел к дому Сьюзи. Остальные молча двинулись следом.

Убитая лежала на крыльце в нескольких шагах от двери. Белснор опустился на корточки, коснулся пальцами ее шеи.

Кожа была холодна.

— Вы ее осматривали? — обратился он к Баблу. — Она точно мертва?

— Взгляни на свою руку, — проворчал Фрейзер.

Белснор поднял руку — пальцы стали красными. Он опустил глаза и на затылке молодой женщины, у основания черепа, увидел запекшуюся кровь. Ей размозжили голову.

— Вы еще не изменили своего мнения насчет причины смерти Толчифа? — спросил он врача.

Бабл не ответил.

Белснор огляделся. Возле крыльца лежала буханка хлеба.

— Наверное, это Сьюзи принесла, — предположил он.

— Хлеб она взяла у меня, — признался Тони. Лицо его было белым, как полотно; голос едва слышен. — Она была у меня вчера вечером, но я выпроводил ее и сразу лег спать. Я не убивал ее. Даже не знал о ее смерти, пока не услышал криков доктора Бабла и других.

— Мы тебя не обвиняем, — сказал Белснор.

«Да, — подумал он, — девчонка привыкла шастать по ночам из койки в койку. Мы смеялись над ней, ведь она была малость чокнутая. Но вреда от нее не было. Она была сама невинность, хоть и занималась черт знает чем».

К ним приблизился Рассел с сокрушенным видом — дескать, хоть я и не знал ее, но понимаю, какое это потрясение для вас, и всей душой сочувствую.

— Ты прилетел понаблюдать, как это будет происходить? — резко спросил Белснор.

— Я хочу спросить, нельзя ли вызвать помощь по моей бортовой рации?

— Передатчики в нозерах никуда не годятся. — Белснор порывисто, с хрустом суставов поднялся.

«Это Земля, — подумал он, вспомнив, о чем ему говорили Сет и Бабл минувшим вечером. — Наше правительство. Его рук дело. Мы крысы в лабиринте, обреченные одна за другой умирать на глазах безжалостного экспериментатора».

Сет отвел его в сторону.

— Ты уверен, что *нашим* не стоит рассказывать? Они имеют право знать, кто их враг.

— По-моему, не стоит. И без того их моральное состояние не на высоте. Они просто свихнутся от страха, узнав, что в наших бедах виновата Земля. А тогда нечего и надеяться на спасение.

— Ну, как знаешь. Ты — главный, тебе и решать. — В голосе Сета сквозило недовольство. Как и вчера вечером, решение Белснора его не устраивало.

— Пока подождем. — Длинные, нервные пальцы Белснора слегка сдавили предплечье Сета. — Придет время, расскажем.

— Значит, никогда. — Сет отступил на шаг. — Они умрут, так ничего и не узнав.

«Возможно, так будет лучше», — подумал Белснор.

Рассел опустился на корточки и перевернул Сьюзи на спину. Вглядевшись в ее лицо, произнес:

— Очевидно, она была красивой.

— Очень, — мрачно подтвердил Белснор. — Но малость не в себе. Секс-маньячка. Ничего, невелика потеря.

— Ах ты, ублюдок! — вспылил Сет.

Белснор развел руками.

— А что еще ты ожидал от меня услышать? Что без нее мы пропадем?

Сет не ответил. Белснор обратился к Мэгги:

— Прочтите заупокойную.

Даже он не мог представить себе смерти без соответствующего ритуала — настолько глубоко укоренилась религия Спектовского.

— Дайте мне время, — сипло попросила Мэгги. — Я... Пока не могу говорить. — Она отступила на несколько шагов и отвернулась. Белснор услышал всхлипывание.

— Разреши мне выйти из поселка, — попросил Сет. — Я хочу осмотреть окрестности. Рассел вызвался меня сопровождать.

— Зачем? — буркнул Белснор.

— Я видел миниатюрную копию Здания, — тихо, спокойно ответил Сет. — Думаю, пора познакомиться с оригиналом.

— Ладно, но возьмите с собой еще кого-нибудь, — уступил Белснор. — Черт его знает, что там творится снаружи.

— Могу я пойти, — подала голос Бетти.

— Нужен мужчина, — возразил Белснор, но тут ему пришло в голову, что пол не играет роли. Главное, чтобы люди держались вместе. Погибает тот, кто остается один. — Возьмите с собой Фрейзера и Тагга, — сказал он. — И Бетти.

Возможно, это решение не было соломоновым, но ни Роберта Рокингэм, ни Берт Кеслер не годились для подобной экспедиции. Более того, их нельзя было выпускать из поселка.

— Пожалуй, нелишне взять с собой оружие, — заметил Фрейзер.

— Это совершенно ни к чему! — отрезал Белснор. — У нас и так хватает проблем. Если у нас будет оружие, мы перестреляем друг друга. — Он не знал, откуда у него такая уверенность. Видимо, дело в интуиции.

«Сьюзи, — подумал он. — Возможно, тебя убил один из нас. Агент Земли и генерала Тритона. Как в том сне. Внутренний враг. Старение, разрушение и смерть. Никакое защитное поле нас не спасет. Вот что означал этот сон».

— Я хочу пойти с вами, — вызвалась Мэгги, вытирая покрасневшие глаза.

— Зачем? — насторожился Белснор. — Почему это вы все хотите уйти из поселка? Здесь же безопаснее. — Однако он сам не верил в то, что говорил, и не мог этого скрыть. Поэтому уступил. — Ладно, будь по-вашему. Счастливого пути. Принеси хотя бы поющую муху, — добавил он, обращаясь к Сету, — если не найдешь чего-нибудь поинтереснее.

— Сделаю все, что смогу, — пообещал Сет, присоединяясь к своим спутникам.

«Они не вернутся», — мысленно произнес Белснор, глядя вслед и слыша, как в груди тяжко и глухо, словно маятник космических часов, отсчитывающих секунды его жизни, бьется сердце.

Семеро поселенцев брели по долине вдоль гряды невысоких холмов, почти не разговаривая и внимательно рассматривая все, что встречалось им на пути.

Незнакомые, с расплывчатыми очертаниями холмы убегали вдаль, терялись из виду в пыльном мареве. Повсюду рос зеленый лишайник, под ногами пружинил ковер плотно переплетенных растений. Стоял сильный, ни с чем не сравнимый запах чужеродной органики. Вдали, там, где термальные воды пробили себе в скалах дорогу на поверхность планеты, к небесам поднималась завеса водяной пыли и пара, скрывающая фонтаны гейзеров.

Под ногами чавкала теплая смесь губчатой гнили и минерального рассола. Там и сям на останках лишайника красовались разноцветные пятна пены; та же пена сползала по скалам и пористому щебню. Наклонившись, Фрейзер поднял чахлое создание, похожее на улитку.

— Это живое...

— А вот эта — искусственная. — Тагг держал в руке губку, выловленную из маленькой теплой заводи. — Но на Дельмаке существуют и настоящие губки. Эта — тоже поддельная. — Тагг выхватил из воды ящерицу — она извивалась и бешено сучила короткими кривыми лапками. Тагг быстро оторвал ей голову, и ящерица затихла. — Видите? Сплошь электроника и шестеренки. — Он присоединил голову к туловищу, и ящерица снова задергалась. — Остроумная конструкция. Ничего подобного прежде не видел. — Тагг бросил ее в воду, и она обрадованно поплыла прочь.

— Где Здание? — спросила Мэри.

— Похоже, оно не стоит на месте, — сказала Мэгги. — В последний раз я его видела возле этой гряды за гейзерами. Но сейчас, возможно, его там не окажется.

— Оттуда можно начать поиски, — предложила Бетти. — Двинемся в разные стороны. Как глупо, что мы не взяли раций. Они бы нам очень пригодились.

— Это Белснор дал маху, — ухмыльнулся Тагг. — Он наш руководитель, ему и положено заботиться о всяких мелочах.

— Вам здесь нравится? — спросила Бетти Сета. — Я имею в виду природу.

— Да.

На самом деле все, что видел Сет, вызывало у него отвращение. Возможно, причиной тому была гибель Сьюзи. Сочетание искусственных и настоящих жизненных форм вызывало ощущение, будто весь пейзаж фальшив... Словно холмы у горизонта и огромное плато слева не более чем декорации. Словно и ландшафт, и люди, и поселок собраны в геодезическом куполе, а сверху инженеры Тритона, точь-в-точь маньяки-ученые из бульварных книжонок, смотрят, как маленькие существа пытаются до конца пройти свой скорбный путь.

— Давайте передохнем, — попросила Мэгги. Она выглядела ужасно: щеки ввалились, вокруг глаз — синева. Видимо, еще не оправилась от шока, вызванного смертью Сьюзи. — Я устала. С утра во рту ни крошки, да и с собой еды мы не взяли... Надо было получше подготовиться к этой экспедиции.

— Боюсь, это было бы непосильной задачей, — сочувственно произнесла Бетти. — Среди нас нет людей, способных рассуждать здраво. — Достав из кармана юбки пузырек, она вытряхнула на ладонь несколько таблеток и выбрала одну.

— Вы способны глотать их без воды? — удивился Рассел.

— Да. — Бетти улыбнулась. — «Колесница» проглотит «колесо» при любых обстоятельствах.

— Таблетки — ее бзик, — пояснил Сет Расселу, внимательно глядя ему в лицо и гадая, есть ли у новичка, как и у остальных колонистов, слабина. А если есть, то в чем она выражается?

— Кажется, я понял, какое пристрастие у мистера Рассела, — неприятным, ехидным голосом заявил Фрейзер. — Он истово верит в логику и разум.

— В самом деле? — спросила Мэри Морли.

— Боюсь, что да. — Рассел улыбнулся, показав безупречно белые, как у актера, зубы.

Поселенцы двинулись дальше и, наконец, достигли реки. И остановились — она выглядела слишком широкой, чтобы пересечь ее вброд.

— Придется идти вдоль берега, — поморщился Тагг. — Бывал я в этих местах, но что-то не припомню никакой реки.

— Морли, это по твоей части, — хихикнул Фрейзер. — Ты же у нас гидробиолог.

— Странное замечание, — подала голос Мэгги. — Думаете, ландшафт меняется в соответствии с нашими ожиданиями?

— Я просто пошутил, — язвительно ответил Фрейзер.

— И все-таки мне эта идея кажется странной, — сказала Мэгги. — Знаете, Спектовский называет нас пленниками собственных предрассудков и надежд. И утверждает, что одно из условий Проклятия — пребывание в трясине квазиреальности этих предрассудков и надежд при абсолютном неведении об истинной реальности.

— Никто из нас не представляет себе истинной реальности, — сказал Фрейзер. — Это еще Кант доказал. Пространство и время не более чем способы восприятия. — Он легонько толкнул локтем Сета. — Вам об этом известно, мистер гидробиолог?

— Да, — отозвался Сет, хотя не то что не читал — слыхом не слыхивал о Канте.

— Спектовский считает, что в итоге мы все-таки увидим реальность, какая она есть, — сказала Мэгги. — Когда Заступник выпустит нас из клетки нашего собственного мира. Когда при Его посредничестве Проклятие с нас будет снято.

— И все-таки, — заговорил Рассел, — иногда мы ее видим, хоть и мельком, в нашей повседневной жизни.

— Лишь в тех случаях, когда Заступник снимает покров, — добавил Фрейзер.

— Откуда вы прибыли сюда? — спросил Сет Рассела.

— С Альфа Центавра-8.

— Далековато забрались, — заметил Фрейзер.

— Знаю, — кивнул Рассел. — Потому-то и прилетел так поздно. Почти три месяца пути.

— Значит, вы получили направление одним из первых, — сказал Сет. — Задолго до меня.

— Задолго до всех нас, — проворчал Фрейзер, уже возненавидевший Рассела, который во всех

отношениях превосходил его. — Не возьму в толк, зачем здесь экономист. На этой планете нет экономики.

— То же можно сказать о любом из нас, — вмешалась Мэгги. — Похоже, профессия и квалификация не имеют значения. Вряд ли нас отбирали по этим признакам.

— Ну, это очевидно, — раздраженно произнес Тагг.

— Так уж и очевидно? — вступила в разговор Бетти. — Что же в таком случае послужило критерием выбора?

— Белснор уже сказал. Мы не приспособлены к жизни.

— Он не говорил, что мы не приспособлены к жизни, — возразил Сет. — Он сказал, что мы неудачники.

— Это одно и то же. Мы — мусор Галактики. Тут я вынужден с ним согласиться.

— Прошу меня к этому «мусору» не причислять. — Бетти обращалась не столько к нему, сколько к себе. — Я себя мусором Галактики не считаю. Во всяком случае, пока.

— Умирая, — задумчиво произнесла Мэгги, — мы переходим в небытие. Из небытия, в котором мы уже существуем... Нас может спасти только Божество.

— Итак, мы имеем дело с Божеством, пытающимся нас спасти, и генералом Тритоном, пытающимся... — Сет умолк, сообразив, что сказал слишком много. Но никто этого, похоже, не заметил.

— Таково главное условие какой бы то ни было жизни, — ровным, бесстрастным голосом произнес Рассел. — Диалектика Вселенной. Одна сила влечет нас к смерти: это Разрушитель Формы во всех его проявлениях. Ему противостоит Божество в трех Ипостасях. Теоретически оно всегда у нас под боком. Верно, миссис Волхв?

— Не теоретически. — Мэгги отрицательно покачала головой. — В реальности.

— Здание, — тихо сказала Бетти.

Наконец-то Сет увидел его. Он прикрыл глаза от яркого полуденного солнца и пригляделся. Серое Здание в вышине сливалось с небесами. Почти идеальный куб, на крыше — загадочные шпили, возможно, теплоотводы и детали расположенных внутри механизмов. «Фабрика», — подумал Сет, глядя на висящий над Зданием столб дыма.

— Пошли. — Тагг зашагал к Зданию.

Остальные устало потащились за ним, растянувшись в неровную цепь.

— Оно не приближается, — сказал вдруг Фрейзер с сухой усмешкой.

— Ну так прибавьте шагу, — раздраженно посоветовал Тагг.

— Не поможет. — Мэгги остановилась, тяжело дыша, под мышками у нее проступили влажные круги. — Вот так всегда. Все идешь и идешь, а оно удаляется.

— И никогда не приблизиться вплотную, — подхватил Фрейзер. Он тоже остановился и принялся раскуривать видавшую виды палисандровую трубку, набитую, как заметил Сет, одной из самых крепких и дрянных трубочных смесей. Трубка запыхтела, из нее повалил зловонный дым.

— Что же делать? — спросил Рассел.

— Может, вы способны что-нибудь придумать? — посмотрел на него Тагг. — А что если мы закроем глаза и попытаемся обойти Здание по кругу? Возможно, мы вскоре окажемся рядом с ним.

— Сейчас, пока мы стоим, — заговорил Сет, рассматривая Здание из-под руки, — оно приближается. — Сет был прав: сооружения на крыше стали хорошо различимы, а столб дыма, казалось, поднялся выше.

«Возможно, это вовсе не фабрика, — подумал он. — Если оно еще хоть чуть-чуть приблизится, я, может быть, догадаюсь, что это такое».

Он стоял, пристально глядя на загадочное строение. Остальные, видимо, следовали его примеру.

— Фантом, — равнодушно сказал Рассел. — Проекция. А сам проектор, должно быть, находится где-то здесь, в пределах квадратной мили. Очень эффективный, современный видеопроектор... И все-таки он дает слабую рябь.

— Ну и что ты предлагаешь? — спросил Сет. — Если ты прав, то идти к Зданию бессмысленно, поскольку его здесь нет.

— Оно может быть где угодно, — поправил его Рассел, — только не здесь. То, что мы видим, — мираж. Однако настоящее Здание существует, и, возможно, недалеко отсюда.

— Откуда ты знаешь? — спросил Сет.

— Я знаком с методом создания ложных объектов, применяемых Межпланзапом. Эта иллюзорная проекция должна обманывать тех, кто знает, что на этой планете есть Здание. Этот прием очень пригодился в войне Межпланзапа с сектами Ригеля-10. Ракеты ригелиан снова и снова поражали иллюзорные индустриальные комплексы. Дело в том, что такие фантомы появляются на экранах радаров и компьютерных систем слежения. У них полуматериальная основа. Строго говоря, это не совсем мираж.

— Нет ничего удивительного, что вы это знаете, — промолвила Бетти. — Вы экономист и должны быть осведомлены о том, что происходило в войну с промышленными комплексами. — Однако в ее голосе не слышалось уверенности.

— Вот, значит, почему оно отступает, когда мы приближаемся, — обратился к Расселу Сет.

— Да. И это сразу натолкнуло меня на разгадку.

— Что же нам теперь делать? — спросила Мэгги.

— Посмотрим, — задумчиво произнес Рассел. — Настоящее Здание может быть где угодно. Обнаружить его, следуя за фантомом, невозможно. Я думаю... — он поколебался, — у меня такое чувство, что плато — тоже иллюзия. Негативная галлюцинация для тех, кто смотрит в этом направлении. — Он пояснил: — Негативная галлюцинация — это когда вы видите совсем не то, что там находится.

— Понятно, — сказал Тагг. — Держим курс на плато.

— Для этого надо перейти реку, — заметила Мэри.

Хмыкнув, Фрейзер обратился к Мэгги:

— А Спектовский что-нибудь писал о ходьбе по воде? Нам бы это очень пригодилось. Не знаю, как вам, а мне эта река кажется чертовски глубокой. А ведь мы уже решили не испытывать судьбу...

— Реки, возможно, вообще нет, — сказал Сет.

— Есть. — Рассел приблизился к реке, нагнулся и зачерпнул воды ладонью.

— Нет, серьезно, — настаивала Бетти. — Писал Спектовский о хождении по воде или нет?

— Такое чудо возможно, — сказала Мэгги, — но лишь в том случае, если на человека снизойдет Святой Дух. Это Божество проведет его по воде.

— А может, мистер Рассел и есть Божество? — предположил Тагг. И обратился к Расселу: — Вы, часом, не Ипостась Божества? Может, вы пришли к нам на помощь? Наверное, вы и есть Сошедший-на-Землю?

— Боюсь, что нет. — Голос Рассела не дрогнул.

— Переведите меня через реку, — попросил Сет.

— Не могу. Я такой же человек, как и все вы.

— А вы попытайтесь.

— Странно, что вы приняли меня за Сошедшего-на-Землю, — заметил Рассел. — Со мной такое уже случалось, возможно, оттого, что я живу кочевником. Всякий раз, когда прилетаю на новое место, во мне видят чужака, и стоит мне сделать что-то правильно, — а это бывает нечасто, — как у кого-нибудь обязательно возникает мысль, что я Ипостась Божества.

— А может, вы и есть Ипостась. — Сет подозрительно рассматривал Рассела, пытаясь припомнить, как выглядел Сошедший-на-Землю в Текеле Упарсине. Пожалуй, у Рассела с ним нет никакого сходства. И все-таки странная уверенность — наверное, интуитивная — не оставляла Сета. Она пришла неожиданно: только что он считал Рассела совершенно заурядным человеком, и вдруг возникло чувство, будто перед ним — Божество.

— Будь это так, я бы знал.

— Не исключено, что вы знаете, — Мэгги тоже не сводила с Рассела изучающего взгляда. — Не исключено, что мистер Морли прав. Так ли это, мы рано или поздно узнаем.

— А вы когда-нибудь видели Сошедшего? — спросил ее Рассел.

— Нет.

— Я — не он.

— Давайте в конце концов войдем в эту проклятую реку, — раздраженно предложил Тагг. — Вдруг удастся переправиться. Если она слишком глубока, черт с ней, повернем назад. Я пошел. — Он зашагал к реке, и вскоре его ноги исчезли в сизой воде. Но он не остановился, и через минуту один за другим за ним последовали остальные.

Река оказалась мелкой, и они без приключений добрались до суши. Несколько разочарованные, все шестеро (и Рассел) собрались на берегу и стали отряхиваться от воды. Выше пояса одежда ни на ком не намокла.

— Игнац Тагг, — сказал Фрейзер. — Ипостась Божества. Оснащенная всем необходимым для ходьбы по воде аки посуху и для усмирения тайфунов. Никогда бы не подумал.

— Я тоже, — буркнул Тагг.

— Молитесь, — сказал вдруг Рассел, глядя на Мэгги.

— О чем?

— О том, чтобы иллюзорный покров приподнялся и обнажил перед нами истинную сущность.

— Можно я помолюсь молча?

Рассел кивнул.

— Спасибо. — Мэгги отвернулась, постояла несколько минут, сложив руки и опустив голову, затем сообщила спутникам: — Сделала все, что могла.

Сет заметил, что она повеселела. Должно быть, на время забыла о Сьюзи.

Где-то неподалеку зазвучали тяжелые ритмичные удары.

— Я что-то слышу. — Сета охватил страх. Инстинктивный, всепоглощающий.

В сотне ярдов от него, в затянутом дымкой полуденном небе, высилась серая стена. Она пульсировала, вибрировала, скрипела; она казалась живым существом; из шпилей над ней растекались темные облака выбросов. Те же выбросы газов из огромных труб клокотали в реке. Булькали, ревели, и не было этому конца.

Экспедиция достигла Здания.

Глава 9

— Ну вот мы и пришли, — вымолвил Сет и подумал: «Наконец-то». Грохот стоял такой, словно тысяча младенцев-великанов без конца роняла на бетонный пол крышки гигантских горшков. «Что там происходит?» — спросил он себя и направился к парадному — посмотреть, что написано над входом.

— Шумновато, правда? — выкрикнул Фрейзер.

— Да. — В чудовищном грохоте Сет не расслышал собственного голоса. Он зашагал вдоль стены по мощенной плитками дорожке. Остальные плелись следом, кое-кто зажимал уши. У входа Сет остановился, задрал голову, прижал ладонь ко лбу козырьком и вгляделся в продолговатый выступ над закрытыми раздвижными дверями.

ВИНСТВО

«Чтобы винный завод так шумел? — удивился Сет. — Чепуха!»

Рядом с большой дверью он увидел маленькую табличку:

«Дегустационный зал для посетителей. В ассортименте вино и сыр».

«Силы небесные! — воскликнул Сет про себя. Мысль о сыре, вспыхнувшая в мозгу, выжгла последние крохи здравомыслия. — Надо войти, — подумал он. — Наверняка выпивка и закуска там бесплатные, хотя, конечно, перед уходом мне предложат купить бутылку-другую. Но я не обязан соглашаться.

Как жаль, что с нами нет Бена Толчифа. Для него, с его пристрастием к алкогольным напиткам, это было бы просто фантастической находкой».

Щурясь, Мэгги смотрела на вывеску. Солнце сияло так ярко, что буквы расплывались, и Мэгги направляла палец то на одну, то на другую, пытаясь разобрать их. —. «Что это значит? — подумала она. — Какой смысл несет это слово для нас, стремящихся понять?»

УМСТВО

— Постойте! — крикнула она Сету, взявшемуся за ручку двери с надписью: *«Вход для посетителей»*. — Не входите!

— Это еще почему? — огрызнулся он.

— Мы не знаем, что это такое. — Затаив дыхание, Мэгги приблизилась к Сету. Огромное Здание сверкало в лучах солнечного света, растекавшегося по верхней части фасада. «Как мерцающая пылинка: кажется, сейчас она оторвется от земли и поплывет вверх, — с тайной надеждой подумала Мэгги. — Посланец ко вселенскому «Я», отчасти — создание этого мира, отчасти — соседнего.

Умство. Хранилище накопленных знаний.

Но для библио-, фоно- или микрофильмотеки тут слишком уж шумно. А может, здесь ведутся умные беседы? Возможно, в этих стенах извлекается квинтэссенция человеческого остроумия, и

мне посчастливится соприкоснуться с остроумием доктора Джонсона* или Вольтера.

Но остроумие — это не юмор. Это проницательность. Это основная форма сообразительности с изрядной долей изящности. Да чего уж там, остроумие — это способность к приобретению абсолютного знания.

«Войдя туда, в Здание, — подумала она, — я узнаю все, что только может узнать человек в нашем интервале измерений. Я обязана войти».

Поспешив к Сету, она кивнула.

— Отворите двери. Мы должны побывать там и познать все, что там заключено.

Вальяжной походкой, не скрывая насмешки при виде возбуждения, охватившего Сета и Мэгги, Уэйд Фрейзер приближался к парадному входу. Потом он и сам всмотрелся в рельефную надпись над огромными сдвинутыми створками дверей.

Поначалу он был озадачен. Ему удалось разглядеть буквы и выстроить из них слово, но оно показалось абсолютно бессмысленным.

— Ничего не понимаю, — сказал он Сету и религиозной фанатичке Ведьме Мэг. Затем Фрейзер напряг зрение, допустив, что проблема кроется в психологическом противоречии. Возможно, на каком-нибудь глубинном уровне сознания он вовсе не желает постигать смысл этого слова. Значит, надо преодолеть собственные увертки.

СТОПСТВО

«Погоди-ка, — мысленно велел он себе. — Кажется, я знаю, что такое стопство. Похоже, тут кельтский корень. Диалект, понятный только тому, кто имеет доступ к обширной и разносторонней информации либерального, гуманистического свойства. Непосвященный просто пройдет мимо.

Здесь содержат умалишенных. За этими стенами скрыта их жизнь. В определенном смысле это санаторий, но предназначен он не для возвращения обществу исцеленных (а может, таких же больных, как и до лечения). Это последние врата, смыкающиеся за ничтожеством и глупостью. Здесь приходит конец бредовым иллюзиям — они прекращаются, как утверждают рельефные буквы. Попавшие сюда страдальцы не возвращаются в общество, а бесшумно и безболезненно засыпают. Яд их безумия уже не будет отравлять Галактику. Слава Богу, что на свете существуют такие места! Странно, почему мне не сказал о них мой визави по коммерческим путешествиям?

Я должен войти, — подумал он. — Посмотреть, как это происходит. И выяснить, какова законная основа — как ни крути, должна существовать проблема медицинских (если можно их так назвать) властей, способных вмешаться и остановить процесс стопства».

— Не входите! — крикнул он Сету Морли и религиозной психопатке Волхв. — Это не для вас! Наверное, тут все засекречено! Да! Видите? — Он ткнул пальцем в табличку на алюминиевой дверце: *«Вход только для квалифицированного персонала»*. — Я могу войти! — выкрикнул он сквозь грохот падающих крышек. — А вы нет! У вас нет нужного образования.

Сет и Чучело-Ведьма-Мэг смотрели на Фрейзера с изумлением, но не двигались. Он протиснулся между ними и потянулся к дверной ручке.

Мэри Морли без труда прочла надпись над входом:

ВЕДЬМСТВО

«Я знаю, что это такое, — подумала она, — а они нет. Это школа управления людьми с помощью всяких колдовских рецептов и заклинаний. Те, кто внутри, всемогущи, поскольку имеют дело с волшебными зельями и наркотиками».

— Я войду, — заявила она мужу.

— Погоди минутку, — попросил Сет. — Не спеши.

— Я могу войти, — сказала она, — а вы все нет. Это только для меня, я знаю. И не хочу, чтобы вы меня задерживали. Прочь с дороги!

Все же она остановилась, чтобы прочесть золотые буквы под стеклом. *«Приемная. Вход разрешен только подготовленным посетителям»*.

«Ага, это про меня, — подумала она. — Надпись адресована непосредственно мне. Потому что здесь я одна подготовленная».

— Я с тобой, — сказал Сет.

Мэри рассмеялась. «Со мной? Это забавно. Он думает, его так и ждут в ведьмстве. Его, мужчину! Здесь только для женщин. Ведьм мужского пола не бывает».

Ей вдруг пришло в голову, что здесь она сможет научиться всяким колдовским премудростям, а после — управлять мужем. Сделать из Сета того, кем ему подобает быть.

«Так что, в некотором смысле, я иду туда ради него».

Она потянулась к дверной ручке.

Игнац Тагг посмеивался в сторонке над своими спутниками.

«Эти кривляки визжат и хрюкают, как свиньи. Так и хочется подойти и разогнать их хворостиной. Бьюсь об заклад, от них воняет. С виду такие чистюли, а приблизишься — смердит. Нутро у них гнилое. Что за дурацкий дом?»

Он наморщил лоб, силясь прочесть скачущие буквы.

ПРЫГСТВО-СКОТСТВО

«Ага! — подумал он. — Превосходно. Здесь людей заставляют запрыгивать на скотину самизнаете-для-чего. Бьюсь об заклад, именно это там и происходит. Ей-богу, не терпится войти. Наверняка это классное шоу.

А среди зрителей там есть настоящие люди, и с ними интересно будет потолковать. Не то что с этими Морли, Волхв, Фрейзером, которые сыплют всякими мудреными словечками, такими длинными, что свихнешься, пока дослушаешь до конца. Чистюли. А сами только о том и мечтают. Ведь на самом деле они ничем не лучше меня».

— А ну с дороги! — велел он Морли, Волхв и Фрейзеру. — Вам сюда путь заказан. Видите, что написано? — Он указал на глянцевитые буквы, золотящиеся на стеклянной табличке посреди двери: *«Только для членов клуба»*. — А мне можно!

Тагг потянулся к дверной ручке.

Нед Рассел быстро шагнул вперед и заслонил собой дверь. Он оглянулся на грандиозное Здание, затем посмотрел на лица спутников, хранивших одинаковые выражения нетерпеливого ожидания. И сказал:

— Пожалуй, будет лучше всего, если никто не войдет.

---

* *Имеется в виду Бенджамин Джонсон (1573 — 1637), английский писатель и драматург. В числе его произведений — комедия нравов «Вальпоне, или Лиса» и «Алхимик».*

— Почему? — Слова Рассела явно огорчили Сета. — Что плохого, если я загляну в дегустационный зал винного завода?

— Это не винный завод. — Тагг хихикнул со злорадством. — Ты прочел неправильно. Боишься узнать, что здесь находится на самом деле. — Он снова хихикнул. — А я не боюсь.

— Винный завод?! — воскликнула Мэгги. — Здесь не винный завод, а симпозиум по достижению высших знаний. Войдя в эту дверь, мы примем очищение Господней любовью к человеку и человеческой — к Богу.

— Это специальный клуб для избранных, — стоял на своем Тагг.

— Забавно, — ухмыльнулся Фрейзер. — С каким упорством, сами того не подозревая, вы закрываете глаза на реальность. Или я не прав, а, Рассел?

— Здесь небезопасно, — сказал Рассел. — Для каждого из нас. Отойдите, — приказал он резким, не терпящим возражений тоном. А сам даже не пошевелился.

Его спутники сникли.

— Ты в самом деле так считаешь? — спросил Сет.

— Да, считаю.

Сет повернулся к остальным.

— Может, он прав.

— Вы на самом деле так считаете, мистер Рассел? — Голос Мэгги дрогнул.

Все, кроме Рассела, отступили от двери. Чуть-чуть. Но этого было достаточно.

— Так и знал, что закрыто, — сокрушенно вздохнул Тагг. — Вот так всегда. Боятся, небось, что кто-нибудь до смерти замучит их жеребчиков.

Рассел промолчал. Он терпеливо ждал, загораживая собой дверь.

— А где Бетти? — спросил вдруг Сет.

«Боже милостивый! — подумал Рассел. — Совсем о ней забыли! — Он быстро обернулся и посмотрел в направлении, откуда они пришли. На залитую полуденным солнцем реку.

Она увидела то же, что и все. Каждый раз, глядя на Здание, она отчетливо различала огромную бронзовую вывеску над парадным входом.

МЕККИСТВО

Будучи лингвистом, она смогла перевести. У хеттов «меккис» означало «власть», затем это слово перешло в санскрит, оттуда — в древнегреческий, латинский, и, наконец, осело в современном английском, видоизменившись в machine и mechanical. Механический... Выходит, Бетти Джо Бем здесь не нужна. В отличие от остальных, она не может войти в Здание.

«Как бы я хотела умереть!» — подумала она.

Здесь — купель Вселенной... Во всяком случае, Бетти поняла это именно так. Теорию Спектовского о благодати, расходящейся концентрическими кругами, она воспринимала буквально. Но «благодать» для нее была отнюдь не синонимом Божества, а самостоятельным явлением природы, лишенным каких-либо трансцендентных свойств. Глотая таблетку, она на краткий миг поднималась в начальный, меньший круг, где сосредоточена наиболее мощная, высшая власть. Там тело Бетти весило меньше, ее способности вырастали, настроение повышалось, — она казалась себе машиной, заправленной более качественным, чем обычно, топливом.

«Я лучше сгораю, — подумала она, поворачиваясь спиной к Зданию и уходя в сторону реки, — и думаю яснее. Не так, как сейчас, когда я одна-одинешенька под чужим солнцем.

Мне поможет вода, — решила она, — потому что в воде не надо тратить силы на поддержание тяжелого тела. В воде ты не поднимаешься в меккис, но тебе и без того хорошо: вода поглощает все лишнее. Ты не тяжел и не легок. Ты как бы вовсе не здесь.

Я не могу таскать повсюду свою тушу, — решила она. — Слишком уж велик ее вес. Я не в силах бороться с притяжением планеты. Необходимо освободиться от него».

Под ногами захлюпало, но Бетти не остановилась. Даже не оглянулась.

«Вода растворила все мои «колесики», — подумала Бетти. — Они пропали. Но мне они больше ни к чему. Если бы только удалось войти в меккис... Возможно, я смогу — без тела. Там меня переделают. Там моя жизнь прекратится, а затем начнется сызнова. Но уже с другой отправной точки. Не хочу заново терпеть все свои муки».

Бетти слышала, как за спиной вибрирует меккиство.

«Остальные уже вошли, — решила она. — Почему им можно, а мне нельзя?»

На это она ответить не могла. Да и не хотела.

— Вот она, — показала Мэгги дрожащей рукой. — Видите?

Казалось, ее спустили с невидимой цепи: только что она стояла неподвижно, а теперь бежит к реке. Но вскоре ее обогнали Рассел и Сет. Мэгги заплакала и остановилась, глядя сквозь слезы, как Фрейзер и Тагг настигают Морли и Рассела. Четверо мужчин, а за ними и Мэри, торопливо шагали по мелководью к черному предмету, который медленно удалялся к противоположному берегу.

Остановившись, Мэри смотрела, как тело Бетти вытаскивают на берег.

«Она умерла, — подумала Мэри, — пока мы спорили, входить или не входить в Здание». Черт побери!» — сокрушенно вздохнула она и поспешила к спутникам, которые опустились вокруг Бетти на колени и поочередно дули ей в рот, делая искусственное дыхание.

— Никаких шансов? — спросила Мэри.

— Никаких, — ответил Фрейзер.

— Черт побери! — голос ее дрожал. — Зачем она это сделала? Фрейзер, вы знаете?

— Очевидно, под воздействием психического давления, долго нараставшего в ней.

— Дурак! — В глазах Сета вспыхнули злые огоньки. — Тупой ублюдок.

— Она умерла не по моей вине, — парировал Фрейзер. — У меня нет аппаратуры, чтобы подвергнуть каждого из вас полному тестированию. Иначе я обнаружил бы и устранил из ее психики суицидальные тенденции.

— Как доставить ее в поселок? — всхлипнула Мэгги. — Или вы сможете донести ее вчетвером...

— Если бы мы смогли переправить ее через реку, — перебил Тагг, — дальше было бы проще. А пойдем вдоль берега — потеряем вдвое больше времени.

— Не на чем ее переправить, — сказала Мэри.

— Когда мы шли вброд, — подал голос Рассел, — я заметил что-то похожее на плот под парусом. Я покажу. — Он поманил их за собой и пошел к воде.

Там действительно оказался плот, как в ловушку затянутый течением в заводь.

Глядя, как он покачивается, Мэгги подумала: «Наверное, он здесь специально для того, чтобы отвезти домой кого-то из нас. Того, кому было суждено умереть».

— Плот Белснора, — сказал Тагг.

— Верно. — Фрейзер поковырял пальцем в правом ухе. — Он говорил, что строит плот где-то за поселком. Я видел, как он связывал бревна толстым электрическим кабелем. Помнится, я еще подумал: а вдруг развалится?

— Если его построил Глен Белснор, — вспылила Мэгги, — он не развалится!

«Ради Бога, помягче, — попросила она себя. — Будь терпимей. Ибо то, что ты несешь в себе, — свято».

Кряхтя и подсказывая друг другу, что и как делать, четверо мужчин перенесли на плот Белснора безжизненное тело Бетти.

Она лежала лицом вверх, руки сложены на животе, глаза невидяще смотрят в суровое полуденное небо. На бревна с ее одежды стекала вода, а волосы напоминали Мэгги рой черных ос, облепивших голову врага.

«Ее погубила смерть, — подумала Мэгги. — Черные осы смерти. А мы? Когда это случится с нами? Кто следующий? Может, я? Да, вероятно, я».

— Мы все можем плыть на плоту. — Рассел посмотрел на Мэгги. — Вы знаете, где надо пристать к берегу?

— Я знаю, — опередил ее с ответом Фрейзер.

— Хорошо, — кивнул Рассел. — Пошли.

Он довел Мэгги и Мэри до реки и помог им взобраться на плот. Прикасался он к женщинам осторожно, с деликатностью, которой Мэгги прежде за ним не замечала.

— Спасибо, — сказала она.

— Смотрите! — Сет указал на Здание. Контуры его слабо колебались, хотя оно выглядело ничуть не менее реальным, чем прежде. Камуфляж заработал снова.

Когда плот, толкаемый четырьмя мужчинами, удалился от берега, серое сооружение растаяло на глазах у Мэгги в далекой бронзе ложного плато.

Течение подхватило плот и, разгоняя, вынесло на стремнину. Сидя под ярким солнцем возле мокрой утопленницы, Мэгги дрожала и боялась открыть глаза.

«Господи, — молила она, — помоги нам вернуться в поселок. Куда несет нас эта река? — спросила она себя. — Никогда ее прежде не видела; поблизости от поселка она не протекает. Нам не добраться по ней до дома».

— С чего вы взяли, что по этой реке мы доплывем до поселка? По-моему, вы все просто спятили! — воскликнула она.

— Нам не дотащить Бетти, — проворчал Фрейзер. — Слишком далеко.

— Но река отнесет нас Бог знает куда! — Мэгги вскочила на ноги. — Я хочу сойти!

Плот двигался слишком быстро. Видя размазанные контуры проносящихся мимо берегов, она испугалась.

— Не прыгайте в воду. — Рассел схватил ее за руку. — Все будет в порядке, успокойтесь.

Плот продолжал набирать скорость. Путешественники сидели тихо, ощущая жар далекого солнца и прохладное дыхание реки. Все скорбели о случившемся. И страшились того, думала Мэгги, что ждало впереди.

— Откуда вы узнали про плот? — спросил Се Рассела.

— Я же сказал: заметил, когда мы...

— Больше никто его не заметил, — перебил Сет Рассел промолчал.

— И все-таки, человек вы или Ипостась?

— Будь я Ипостасью Божества — не дал бы Бетти утопиться, — возразил Рассел. И спросил у Мэгги: — Вы тоже считаете меня Ипостасью?

— Нет.

«Как бы мне хотелось, чтобы ты ею был! — подумала Мэгги. — Как сильно мы жаждем заступничества!»

Наклонившись, Рассел коснулся черных влажных волос Бетти. Окутанный безмолвием, плот быстро скользил по реке.

Тони Дункельвельт сидел по-турецки на полу своей душной комнаты и корил себя за смерть Сьюзи.

«Это чудо, которое я совершил, — думал он. — Должно быть, на мой зов явился Разрушитель Формы. Он превратил хлеб в камень, а после убил им Сьюзи. Камень сделал я. С какой стороны ни посмотришь, вина на мне».

Он напряг слух, но не уловил ни звука. Половина жителей ушла из поселка, остальные погрузились в уныние.

«Может, и они ушли? — встревожился Тони. — Я один... Оставлен на растерзание страшном Разрушителю Формы».

— Я возьму меч Чемоша, — произнес он вслух — и убью Разрушителя Формы.

Тони поднял руку, чтобы сомкнуть пальцы на рукоятке меча, неоднократно виденного во время медитаций, но всякий раз не тронутого им.

— Дай мне меч Чемоша, и я помогу выполнит его предназначение. Я найду Черного и заставлю исчезнуть навеки. Больше ему не удастся восстат из праха.

Он подождал, но ничего не увидел.

— Ну, пожалуйста!

Затем он подумал: «Надо глубже погрузиться в вселенское «Я». Слиться с ним».

Он закрыл глаза и расслабился.

«Приемли, — сказал он себе. — Стань пуст и чис настолько, чтобы Божество вошло в тебя. Стан порожним сосудом, как бывал им и прежде».

Но сейчас у него не получалось.

«Я нечист, — решил он, — и поэтому мне н удается ничего. Совершив преступление, я утра тил способность воспринимать или хотя бы ви деть. Неужто никогда больше не узреть ми Божества-над-Божеством? Неужто все кончилос Моя кара, — подумал он. — Но я ее не заслужи Сьюзи не такая уж тяжкая потеря. Она был дурочкой, при виде камня совсем обалдела. Во в чем дело! Камень был чист, а она — нет. И в же ужасно, что она погибла. Веселье, движени свет... Сьюзи была и тем, и другим, и третьим. Д от нее исходили лучи — неровные, изломанные. Обжигающие. Опасные... для меня, наприме Да, мне ее свет был вреден. И то, что я сделал - я сделал защищаясь. Это очевидно».

— Меч, — сказал он. — Меч — гнев Чемош Приди ко мне.

Тони покачивался взад-вперед, вновь протяги вая руку к наводящему жуть космосу и глядя, ка рука исчезает. Пальцы шарили в пустоте, раск нувшейся на миллионы миль над головой Тони Но он все искал и внезапно что-то нащупал.

Нащупал, но не взял.

«Я клянусь, — мысленно произнес он, — что отомщу за ее смерть, если мне будет дан меч».

И снова он дотронулся до чего-то, но не схватил.

«Я знаю, он там, — подумал Тони. — Чувствую его. Дай его мне! Клянусь, я им воспользуюсь!»

Внезапно в ладонь легло что-то холодное, твердое и тяжелое.

Меч. Наконец-то!

Юноша осторожно потянул меч. Божественное оружие полыхнуло жаром и светом, его сила заполнила комнату.

Тони вскочил на ноги, едва не выронив меч.

— Наконец-то ты у меня! — восторженно крикнул он и подбежал к двери. Меч раскачивался в его слабой, тощей руке. Распахнув дверь и шагнув в сумерки, он огляделся и воззвал: — Где ты, Разрушитель Формы, враг жизни? Выходи на честный поединок!

Кто-то медленной, неуклюжей походкой приближался к крыльцу. Сгорбленный, он крался ощупью — наверное, в недрах Земли глаза его отвыкли от света. Он смотрел на Тони затянутыми серой пеленой глазами; по телу бесшумно стекала и стелилась по земле, отмечая его след, пыль.

Он был само тление: хрупкие кости обтянуты пожелтевшей веснушчатой кожей, щеки ввалились, во рту — ни единого зуба. Сопя и бубня что-то неразборчивое, Разрушитель Формы подтащился к крыльцу и протянул иссохшую руку.

— Здравствуй, Тони. Здравствуй. Как поживаешь?

— Ты пришел ко мне?

— Да, — прохрипел Разрушитель и приблизился еще на шаг. И Тони наконец-то уловил его запах — плесень и вековая гниль.

«Ничего, больше этой шаркающей, хихикающей твари не жить на свете».

По подбородку Разрушителя Формы стекала слюна. Он попытался вытереть ее заскорузлой тыльной стороной ладони, но не сумел.

— Ты мне нужен, — начал он. И тут Тони вонзил меч Чемоша в самую середину обвисшего брюшка.

Черви, белые жирные черви посыпались из раны, когда Тони выдернул клинок. И снова — тихий кудахчущий смех. Разрушитель стоял, пошатываясь и не опуская руки.

Юноша отступил на шаг и глянул на растущую кучку червей. Ни капли крови — мешок с гнильем, и ничего больше.

Хихикая, Разрушитель опустился на колено. Затем конвульсивно ухватил себя за волосы. Длинные жидкие пряди торчали меж скрюченных пальцев. Вырвав две горсти волос, Разрушитель бережно, как бесценное сокровище, протянул их Тони.

После второго удара он упал. Нижняя челюсть отвисла, пелена на глазах стала непроницаемо-белой. Изо рта выползло мохнатое существо, похожее на огромного паука. Тони шагнул вперед, и тварь распрощалась с жизнью под его пятой.

— Я убил Разрушителя Формы! — воскликнул он.

Издалека, с противоположного края поселка, донесся зов: «Тони!» К нему кто-то бежал. Тони не мог понять, кто. Он всматривался, прикрыв глаза от солнца.

Глен Белснор. Несется во всю прыть.

— Я убил Разрушителя Формы, — повторил Тони, когда Белснор взбежал на крыльцо и остановился, тяжело дыша. — Видишь? — Тони указал мечом на скорченный труп, что лежал между ним и старостой поселка.

— Это же Берт Кеслер! — закричал Белснор. — Ты убил старика!

— Нет. — Тони опустил глаза и увидел Берта Кеслера, поселкового сторожа. — Нет, он был одержим Разрушителем Формы. — Но юноша уже и сам не верил в это. Он понял, что совершил непоправимое.

— Мне очень жаль, — вымолвил он. — Я попрошу Божество-над-Божеством вернуть его.

Он повернулся, вбежал в комнату и запер дверь. Его трясло и тошнило, горло сдавил невидимый обруч, глаза выпучились... В желудке вспыхнула острая боль, и Тони застонал, сгибаясь. Меч с грохотом полетел на пол. Звук падения напугал юношу, и он отошел от меча на два-три шага.

— Отвори дверь! — закричал снаружи Белснор.

— Нет! — Тони стучал зубами, по его рукам и ногам растекался страшный холод. Резь в желудке становилась невыносимой.

Дверь затрещала от тяжелого удара. От второго — распахнулась.

В проеме стоял седой и мрачный Глен Белснор с армейским пистолетом, нацеленным на Тони.

Юноша опустился на корточки и протянул руку к мечу.

— Не надо, — сказал Белснор. — Иначе я тебя убью.

Пальцы Тони сжались на рукояти. И тогда Белснор выстрелил. В упор.

Глава 10

Стоя на плоту, Нед Рассел задумчиво глядел вдаль.

— Куда вы смотрите? — спросил Сет.

— Вон туда. — Рассел повернулся к Мэгги. — Это один из них?

— Да. Большой Тенч. Или другой, такой же огромный.

— О чем вы их спрашивали?

Его вопрос озадачил Мэгги.

— Мы их ни о чем не спрашиваем. Это невозможно. Насколько мне известно, у них нет ни языка, ни органов речи.

— А как насчет телепатии?

— Они не телепаты, — вмешался в разговор Фрейзер. — И мы тоже. Они только способны делать копии вещей...

— С ними можно разговаривать, — возразил Рассел. — Давайте пристанем к берегу. Я хочу потолковать с этим тенчем. — Он спрыгнул в воду и крикнул остальным: — Вы тоже слезайте и помогите мне.

Лицо его было спокойным, но во взгляде сквозила решимость. Его спутники один за другим соскочили в воду, на плоту осталось только тело Бетти.

Через несколько минут им удалось причалить к травянистому берегу. Оставив плот в серой топкой грязи, они поднялись на невысокий обрыв.

Над ними возвышался куб студнеобразного вещества. На его поверхности, будто приклеенные, мерцали тысячи солнечных бликов. Внутренние органы тенча пульсировали, излучая свет.

«Он больше, чем я ожидал, — подумал Сет. — И выглядит древним... Интересно, сколько лет они живут?»

— Кладешь перед ним вещь, — рассказывал Тагг. — Он дотягивается до нее, а затем то место,

которым он касается, превращается в копию. Сейчас я покажу. — Он положил перед тенчем свои мокрые наручные часы. — Эй, ты, студень! А ну-ка, скопируй.

Тенч заколыхался, затем, как и предсказывал Тагг, из его поверхности выдвинулось щупальце и замерло возле часов. Цвет щупальца стал серебристым, затем оно сплющилось. В блестящей протоплазме появились контуры часов. Прошло еще несколько минут, и вдруг все увидели на земле диск с кожаным ремешком — почти не отличимый от оригинала, разве что потусклее.

Рассел уселся на траву и стал рыться в карманах.

— У меня должна быть бумага. В сумочке. — Мэгги пошарила в ридикюле и достала блокнотик. — Ручка нужна?

— Своя есть. — Рассел быстро написал несколько слов на верхнем листке. — Хочу задать один вопрос. — Он повернул блокнот к тенчу и произнес: — Сколько нас погибнет на Дельмаке?

Затем он вырвал листок, сложил вчетверо и опустил на землю рядом с часами.

Из тенча снова выдвинулось желеобразное щупальце.

— А вдруг он просто скопирует? — спросил Сет.

— Не знаю, — отозвался Рассел. — Посмотрим.

— По-моему, вы сумасшедшие, — заметил Тагг.

Рассел поднял на него глаза.

— Тагг, у вас странное представление о сумасшествии.

— Это что, оскорбление? — Тагг побагровел.

— Смотрите, — воскликнула Мэгги. — Он копирует листок!

Перед тенчем лежали две одинаковые бумажки. Рассел чуть-чуть подождал, затем, видимо, решив, что процесс завершен, взял оба листка и развернул.

— Ответил? — спросил Сет. — Или повторил?

— Ответил. — Рассел протянул ему один из листков.

Запись была короткой и разборчивой. И ее невозможно было истолковать как-нибудь иначе.

«Вы вернетесь в поселок и не встретите многих людей».

— Спроси, кто наш враг, — подсказал Сет.

— Ладно. — Рассел снова написал и положил листок перед тенчем. — Кто наш враг?

Дождавшись ответной записки, Рассел прочел ее вслух:

— Влиятельные силы.

— Он немногословен, — заметила Мэгги.

— Видимо, больше он ничего не знает, — предположил Рассел.

— Спросите, что нам делать, — буркнул Сет.

Рассел внял совету. Получив новый листок, прочел про себя и сказал чуть ли не виновато:

— Здесь действуют тайные силы. Они сводят вместе тех, кто принадлежит друг другу. Мы должны подчиниться этому притяжению и тогда не совершим ошибок. — Он поразмыслил. — Не надо было нам разделяться. Зря мы ушли из поселка. Если бы не ушли, миссис Бетти, возможно, осталась бы в живых. Совершенно очевидно, что впредь мы не должны упускать друг друга из виду... — Он умолк. Из тенча выползло новое щупальце. Как и предыдущее, оно сотворило листок бумаги. Рассел развернул, пробежал глазами и передал Сету.

«Нередко бывает, что человек испытывает настойчивое желание объединиться с другими людьми, но не может этого сделать, так как окружающие уже создали коллектив и не принимают его. В этом случае ему следует заключить союз с человеком, находящимся ближе к центру коллектива, и заручиться его поддержкой для вступления в замкнутый круг».

Сет смял листок и бросил на землю.

— Имеется в виду Белснор. Это он стоит ближе к центру.

«Да, — подумал он, — все верно. Я — вне круга. Но в известном смысле все мы одиночки. Даже Белснор».

— А может, это про меня? — предположил Рассел.

Сет отрицательно покачал головой.

— Нет. Про Глена Белснора.

— У меня вопрос. — Фрейзер протянул руку, и Рассел отдал ему блокнот и авторучку. Фрейзер торопливо написал и произнес вопрос вслух:

— Человек, называющий себя Недом Расселом — кто он? Или что? — И положил листок перед тенчем.

Когда появился листок с ответом, его спокойно и неторопливо взял Рассел. Не меняясь в лице, прочел и отдал Сету. И сказал:

— Можно вслух.

Сет так и сделал:

— Каждый шаг вперед или назад ведет к беде. Несомненно одно: надо спасаться. Опасность таится в чрезмерных амбициях одного.

— Ни черта не сказал, — проворчал Тагг.

— Сказал, что Рассел создает ситуацию, в которой любой шаг приведет к беде, — возразил Фрейзер. — Опасность подстерегает со всех сторон, избежать ее невозможно. А причина — в амбициях Рассела. — Он ощупал Рассела долгим взглядом. — Что у тебя за амбиции? И почему ты ведешь нас к беде?

— Единственная моя амбиция — стать грамотным экономистом и делать полезное дело. Вот почему я просил о переводе на другую работу. Прежде я занимался всякой ерундой, но не по своей охоте и был страшно рад, когда меня направили на Дельмак-0. — Он сделал паузу. — Мне кажется, после моего прибытия здесь кое-что изменилось.

— Нам тоже, — кивнул Сет.

— Ну, хорошо, — взволнованно произнес Фрейзер. — Кое-что от тенча мы узнали. Всех нас убьют. — Его губы растянулись в невеселой улыбке. — Наш враг — «влиятельные силы». Необходимо держаться друг за дружку, иначе с нами разделаются поодиночке. — Он подумал несколько секунд и добавил: — Со всех сторон нам угрожает опасность, избавиться от нее нельзя. И Рассел нам опасен из-за своих амбиций. — Он повернулся к Сету. — Ты заметил, как упорно он пытается стать лидером нашей шестерки? Между прочим, это в его характере.

— Да, это в моем характере, — подтвердил Рассел.

— Выходит, тенч прав?

Помолчав, Рассел кивнул.

— Наверное. Но ведь должен кто-то быть лидером.

— Когда мы вернемся, ты согласишься подчиниться Глену Белснору, нашему старосте? — спросил Сет.

— Если у него есть голова на плечах.

— Он избран нами, — сказал Фрейзер. — Нравится тебе это или нет, он — наш руководитель.

— Но у меня не было возможности голосовать,

— с улыбкой возразил Рассел. — Не думаю, что ваше решение к чему-то меня обязывает.

— Я бы хотела спросить у тенча, — Мэгги взяла ручку и блокнот и старательно написала вопрос: *«Зачем мы живем?»*

Ответ был таков:

«Чтобы обладать могуществом и вознестись на вершину власти».

— Могущество! Вершина власти! — Фрейзер пожал плечами. — Он говорит загадками. Разве смысл жизни в этом?

— Второй вопрос. — Мэгги вновь строчила в блокноте: *«Существует ли Бог?»*

Все, даже Тагг, напряженно ждали ответа.

«Вы мне все равно не поверите».

— И что это означает? — с жаром произнес Тагг. — Ровным счетом ничего. Бессмыслица.

— Тенч прав, — возразил Рассел. — Если он скажет, что Бога нет, ты не поверишь. А вы? — он повернулся к Мэгги.

— Разумеется, нет.

— А если он скажет «да»?

— Я и так верую.

Ответ удовлетворил Рассела.

— Итак, тенч прав. Для нас не имеет значения, как он ответит на вопрос о существовании Бога.

— Но если бы он сказал «да», я бы поверила, — возразила Мэгги.

— Вы и так веруете, — напомнил Сет.

— Господи Иисусе! — Тагг показал на реку. — Плот горит!

Вскочив на ноги, все обернулись к реке и увидели пляшущие языки пламени и клубящийся дым. Доносилось потрескивание дерева: бревна чернели, превращаясь в раскаленные угли. Все шестеро бросились к реке.

«Поздно!» — подумал Сет.

Люди стояли на берегу и беспомощно смотрели на объятый пламенем, удаляющийся от берега плот. Он выплыл на середину реки и вскоре превратился в крошечный огонек. А потом и вовсе пропал из виду.

Чуть погодя Рассел сказал:

— Не надо расстраиваться. Давным-давно в Норвегии так провожали погибших в последний путь. Мертвого викинга клали на щит в его ладье, а потом ладью поджигали и отталкивали от берега.

«Викинги, — отрешенно подумал Сет. — Река, а за ней таинственное здание. Возможно, эта река — Рейн, а здание — Валгалла. Если так, ничего удивительного в том, что плот с телом Бетти загорелся и уплыл. Жуть!» — Он содрогнулся.

— В чем дело? — Рассел посмотрел ему в глаза.

— Только что мне показалось, будто я все понял.

«Да, — подумал Сет. — Возможно, так и есть. Тенч, отвечающий на вопросы, это... Как бишь ее... Эрад, богиня земли, которая знает будущее. А тех, кто допрашивает, приводит к ней Вотан.

А Вотан, — подумал он. — ходит среди смертных под видом человека. Его еще называют Странником. Единственная примета Вотана — отсутствие одного глаза».

— Какое у тебя зрение? — спросил он Рассела. — Единица?

Рассел опешил.

— Вообще-то нет... А почему ты спрашиваешь?

— У него один глаз искусственный, — сообщил Фрейзер. — Я заметил. Правый. Он ничего не видит, но мышцы двигаются.

— Это правда? — Сет пристально посмотрел на Рассела.

— Да, — кивнул тот. Но вас это не касается.

«Вотан губил богов, — вспомнил Сет. — Его амбиции привели к Gotterdammerung*. Чего он хотел? Воздвигнуть замок богов, Валгаллу. Ну что ж, Валгалла стоит, и на ней вывеска: «Винство». Но виноделие тут совершенно ни при чем.

В конце концов Валгалла погрузится в пучину, и рейнское золото вернется к Девам Рейна.

Но пока этого не случилось. И Спектовский ни словом не упоминает об этом в своей Книге».

Дрожа, Глен Белснор положил пистолет на стоящий справа комод. Перед ним на полу, сжимая рукоять огромного позолоченного меча, лежал Тони Дункельвельт. Изо рта по щеке юноши текла тонкая алая струйка, пятная коврик ручной вязки на пластиковом полу.

На звук выстрела прибежал доктор Бабл. Сопя и отдуваясь, он склонился над трупом Кеслера, перевернул его на спину, осмотрел раны. Затем увидел Белснора и вошел в комнату.

— Это я его убил. — У Белснора еще звенело в ушах от выстрела старинного автоматического пистолета — украшения коллекции всякой всячины, которую Белснор повсюду возил с собой. Белснор указал на крыльцо: — Видишь, что он наделал?

— Тебя он тоже хотел заколоть? — спросил Бабл.

— Да. — Белснор достал носовой платок и высморкался. Рука дрожала, и он чувствовал себя полнейшим ничтожеством. — Что за подвиг — убить мальчишку! — Голос его дрогнул. — Но ведь он, черт бы его побрал, мог прикончить меня, потом тебя, потом миссис Рокингэм! — Именно та мысль, что почтенной леди грозит гибель, заставила Белснора действовать. Сам он мог убежать. Бабл тоже. А миссис Рокингэм — нет.

— Очевидно, смерть Сьюзи свела его с ума, вынудила рассудок восстать против действительности. Бьюсь об заклад, он винил себя в гибели девушки. — Бабл наклонился за мечом. — И где ему только удалось достать эту штуковину?

— Он всегда был на грани сумасшествия. То и дело впадал в этот чертов транс. Возможно, ему послышался голос Бога, призывающий убить Берта.

— Он что-нибудь сказал? — спросил Бабл. — Перед тем как ты его застрелил?

— «Я убил Разрушителя Формы». Так и заявил. Затем указал на мертвого Берта и спросил: «Видишь?» Или что-то в этом роде. — Белснор пожал плечами. — Да, Берт был совсем дряхлый, ходячая развалина. Разрушитель Формы здорово над ним поработал. А меня, похоже, Тони узнал. Но все равно, он был совершенно не в себе. Все, что он сказал, — бред. К тому же он схватился за меч.

Оба помолчали.

— Уже четыре трупа, — произнес наконец Бабл. — А может, и больше.

— Что значит больше?

— Я думаю о тех, кто ушел сегодня утром из поселка. Мэгги, новичок Рассел, Сет и Мэри Морли...

— Скорее всего, с ними все в порядке. — Но Белснор и сам в это не верил. — Нет, — сказал он зло, — наверное, они уже мертвы. Все семеро.

Его интонации, похоже, встревожили врача.

---

* *Сумерки богов (нем.).*

— Постарайтесь успокоиться. В вашем пистолете еще есть патроны?

— Да. Белснор разрядил пистолет и отдал патроны врачу. — Можешь спрятать. Что бы ни случилось, я не собираюсь стрелять. Даже если потребуется кого-нибудь защитить. — Он подошел к креслу, уселся, достал трясущимися пальцами сигарету, закурил.

— Если будет расследование, — сказал Бабл, — я охотно засвидетельствую, что он был психически нездоров. Но не смогу подтвердить, что видел, как он убил старика и напал на вас. Я ведь знаю об этом с ваших слов. Конечно, я вам верю, — поспешил добавить он.

— Расследования не будет. — В этом Белснор нисколько не сомневался. — Разве что на том свете. Но нам с тобой можно его не бояться.

— Вы случайно не ведете дневник? — спросил Бабл.

— Ладно, — прорычал Белснор, — заведу, только оставьте меня в покое, черт бы вас побрал! Он метнул на Бабла испепеляющий взгляд. — Убирайтесь!

— Прошу прощения! — пискнул Бабл, втягивая голову в плечи.

— Возможно, кроме нас с вами и миссис Рокингэм, в живых не осталось никого. — Это предчувствие перерастало у Белснора в уверенность.

— Надо бы пойти к ней. А то чем черт не шутит. — Бабл попятился к двери.

— Хорошо. — Белснор раздраженно кивнул. — Знаете, что мы сделаем? Вы ступайте к миссис Рокингэм и побудьте у нее, а я осмотрю пожитки и нозер Рассела. Этот парень мне сразу не понравился. Странный он какой-то. У вас не возникло такого впечатления?

— Просто он новичок.

— Да, но Бен Толчиф не показался мне странным. И Морли. — Белснор резко поднялся. — Знаете, что мне пришло в голову? Он мог получить условный сигнал со спутника. Очень интересно взглянуть на его приемник и передатчик.

«Туда, где я хоть что-то смыслю, — подумал он. — Где мне будет не так одиноко».

Он расстался с доктором и, не оглядываясь, пошел к стоянке нозеров.

«Да, вероятно, Рассел отравился сюда по сигналу спутника. Возможно, он уже находился в этом районе. Однако у него есть официальное направление. Ну и черт с ним», — подумал Белснор и принялся разбирать радиоаппаратуру нозера.

Через пятнадцать минут он получил ответ. Приемник и передатчик стандартные, точно такие же стоят на других нозерах поселка. Рассел не мог получить команду со спутника, потому что в его рации не имелось устройства для расшифровки сверхбыстрых сигналов. Такая работа по плечу только большому поселковому приемнику. Как и всех остальных, Рассела привел сюда автопилот.

«Поставим на этом точку», — сказал себе Белснор.

Почти все вещи Рассела находились на борту нозера, в квартиру он перенес только самое необходимое. Итак, большой ящик с книгами. Ну, книги есть у всех. Белснор порылся среди них, ощупывая упаковки кассет. Учебники по экономике — это понятно. Пленки с классикой: Толкин, Мильтон, Вергилий, Гомер.

«Все — эпос, — отметил он. — Плюс «Война и мир» и «США» Дос Пассоса. Давно хотел прочесть», — со вздохом подумал он.

Книги как книги. И все же...

Среди них нет Спектовского!

Или Рассел, как Мэгги, знает его наизусть? Может быть. А может, и нет.

Правда, есть категория людей, не имеющих Книги Спектовского. Потому не имеющих, что им запрещено ее читать. Это «страусы» на планете Земля, превращенной в огромную вольеру. Они живут, пряча голову в песок, их психика раздавлена в эмиграции невероятным стрессом. Поскольку все планеты Солнечной системы, кроме Земли, необитаемы, эмигрировать можно только в систему другой звезды, где многих подстерегают космические болезни: одиночество и ностальгия.

«Возможно, Рассел поправился, — размышлял Белснор. — Выздоровевшего могли отпустить, но обязательно снабдили бы Книгой Спектовского. Бывают случаи, когда она необходима.

«Сбежал», — предположил Белснор.

Но почему он прилетел сюда?

Межпланетная западная база, резиденция генерала Тритона, находится на Земле, там же, где и «вольера». Любопытное совпадение. Видимо, именно на ней и созданы неживые организмы Дельмака. Подтверждение тому — маркировка на крошечной копии Здания.

«С одной стороны, все сходится, — решил он. — А с другой — ни о чем не говорит. Пустышка. Ноль.

От этих смертей я тоже схожу с ума. Как бедолага Дункельвельт. И все же поразмыслим. Психологическая лаборатория, управляемая с Межпланзапа, нуждается в подопытных «кроликах». Военные мобилизуют группу агентов (с этих подонков станется), один из которых — Нед Рассел. Он и сам душевнобольной, но поддается обучению (такое бывает). Ему дают задание и засылают сюда».

И тут Белснора ошеломила страшная догадка.

«Предположим, мы все — «страусы» из «вольеры». Предположим, мы об этом не знаем — Межпланзап вживил в наши повернутые мозги ограничитель памяти. Вот чем можно объяснить нашу неспособность действовать коллективно. Вот почему мы не в состоянии хотя бы толком объясниться друг с другом. Безумцы способны учиться, но не могут действовать сообща — разве что как толпа. Но поведение толпы не что иное, как массовое безумие.

Итак, мы участвуем в эксперименте. Вот то, что мы так хотели выяснить. Этим, возможно, объясняется и татуировка на моей правой ноге.

Но все мои догадки, к сожалению, основаны на единственном малоубедительном факте — отсутствии Книги Спектовского у Рассела.

А может, она у него в комнате? Ну, конечно. Где же ей быть, черт бы ее побрал!»

Он вышел из нозера и через десять минут остановился на крыльце общежития. На том самом крыльце, где умерла Сьюзи. Напротив того, где погибли Берт Кеслер и Тони Дункельвельт.

«Надо их похоронить. — Эта мысль заставила Белснора поежиться. — Но прежде я взгляну на вещи Рассела».

Дверь оказалась заперта.

Среди всякой всячины, которую Белснор накапливал без разбору, как сорока блестящие безделушки, нашлась монтировка. С ее помощью он взломал дверь.

В комнате на виду, на незастеленной кровати, лежали бумажник и документы Рассела. Направление на работу и все остальное, вплоть до свидетельства о рождении. Едва ли они были оставлены здесь намеренно, очевидно, причина тому — переполох из-за гибели Сьюзи... Либо Рассел, как и любой пациент «вольеры», не привык носить документы при себе.

В дверном проеме появился доктор Бабл.

— Я... я не могу найти миссис Рокингэм! — произнес он с панической ноткой в голосе.

— А в зале совещаний смотрели? В буфете?

«Она могла пойти на прогулку», — солгал себе Белснор. Роберта Рокингэм едва передвигалась, шагу не могла ступить без трости.

— Пойдем, поищем вместе, — буркнул он.

Они торопливо спустились с крыльца и некоторое время ходили по поселку. Наконец Белснор остановился, осознав, что их поиски совершенно бессистемны.

— Надо подумать, — сказал он, тяжело дыша. — Погодите.

«Господи, куда же она подевалась?»

— Такая славная старушка, — воскликнул он в отчаянии. — Мухи не обидит. Черт бы их побрал, кто бы они ни были!

Бабл мрачно кивнул.

Она читала. Услышав шум, подняла глаза и увидела в дверях своей опрятной квартирки незнакомого мужчину.

— Да? — Она вежливо опустила миниатюрный проектор. — Вы новый житель нашего поселка? Кажется, раньше я вас не встречала.

— Вы правы, миссис Рокингэм, — раздался в ответ добрый, очень приятный голос. На незнакомце были кожаная форма и огромные кожаные перчатки. Казалось, от его головы исходит сияние... а может, у Роберты просто запотели очки. В одном она была уверена: его коротко подстриженные волосы слегка отсвечивают.

«Какое симпатичное лицо, — сказала она себе. — Такое вдохновенное, как будто он задумал и совершил немало добрых дел».

— Не желаете ли бурбона с водой? — предложила Роберта, имевшая привычку немножко выпивать после обеда, — это облегчало постоянную боль в ногах. Сегодня можно было пропустить рюмочку «Старой Вороны» и пораньше.

— Спасибо. — Высокий и стройный незнакомец не шагнул через порог, — казалось, сзади его что-то удерживает, а скоро и вовсе потащит обратно.

«А может, это та самая Ипостась, о которой говорят верующие нашей общины?»

Она напрягла зрение, но пыль (или что-то иное) на очках размывала его черты.

— Голубчик, не могли бы вы сами за собой поухаживать? Вон там, в верхнем ящике тумбочки у кровати, бутылочка «Старой Вороны» и стакан. Вот только содовой нет и льда. Что если просто с питьевой водой из бутылки?

— Годится. — Гость пружинистым шагом приблизился к столу. Роберта заметила на нем ботфорты и подумала: «Какой красивый мундир!»

— Как вас зовут?

— Сержант Эли Николс. — Он выдвинул ящик, достал бурбон и два стакана. — Вашу колонию упраздняют. Мне поручено отправить вас домой. С самого начала нам было известно, что автоматический передатчик на спутнике неисправен.

Сердце старой женщины наполнилось радостью.

— Значит, все кончилось?

— Все кончилось. — Сержант, улыбаясь, наполнил стаканы, протянул один Роберте, а с другим уселся перед ней в кресло.

Глава 11

Поиски Роберты был прерваны появлением группы ушедших на разведку: Фрейзера и Тагга, Мэгги и новичка Рассела, Мэри и Сета... Все возвратились. Или не все?

У Белснора екнуло сердце.

— Где Бетти Джо Бем? Она ранена? Вы что, мерзавцы, бросили ее? — От ярости у него задрожал подбородок, на скулах набухли желваки.

— Она умерла, — ответил Сет.

— Как?! — вскричал Белснор.

Доктор Бабл остановился рядом с ним и подождал, пока приблизятся четверо мужчин и две женщины.

— Она утопилась. — Сет огляделся. — А где мальчишка Дункельвельт?

— Мертв, — ответил Бабл.

— А Берт Кеслер? — спросила Мэгги.

Бабл и Белснор промолчали.

— Значит, тоже мертв, — произнес Рассел.

— Да, — кивнул Белснор. — Нас осталось восемь. Роберта Рокингэм исчезла. Возможно, она погибла. Скорее всего.

— Вы держались порознь? — спросил Рассел.

— А вы?

Снова повисла пауза. Вдалеке теплый ветер поднимал пыль и клочья лишайника; над поселком взвился смерч и унесся вдаль. Белснор шумно втянул воздух — пахло довольно неприятно. Как от собачьей шкуры, сохнущей на веревке.

«Смерть, — мысленно проговорил он. — Только о ней я способен думать сейчас. И несложно понять, почему. Смерть затмила перед нами весь мир, меньше чем за сутки выбила из-под нас все опоры».

— Почему вы не принесли тело?

— Оно уплыло по реке, — ответил Сет. — И сгорело. — Он приблизился к Белснору вплотную. — Как погиб Кеслер?

— Его заколол Тони.

— А с Тони что случилось?

— Я его застрелил. Иначе он убил бы меня.

— А Роберта Рокингэм? Ее ты тоже застрелил?

— Нет! — отрезал Белснор.

— Похоже, нам пора подумать о новом руководителе, — вмешался Фрейзер.

— Я вынужден был его убить, — уныло произнес Белснор. — Он мог перерезать всех нас. Спросите Бабла.

— Я не гожусь в свидетели! — зачастил Бабл. — Не больше, чем любой из вас! Про убийство Тони и Берта я знаю только со слов Белснора.

— Чем Тони заколол старика? — спросил Сет.

— Мечом, — ответил Белснор. — Можешь взглянуть, он в его комнате.

— Откуда ты взял пистолет? — поинтересовался Рассел.

— Он у меня давно. — У Белснора обмякли ноги. — Я сделал, что мог, — с тоской произнес он. — Это было необходимо.

— Выходит, другие в гибели Берта и Тони не виноваты, — заметил Сет. — Берта прикончил Тони, а смерть Дункельвольда — на твоей совести.

— Дункельвельта, — машинально поправил Белснор.

— И мы не знаем наверняка, что миссис Рокингэм мертва. Может, она просто убежала. С перепугу.

— Исключено, — возразил Белснор. — Она совсем дряхлая.

— Мне кажется, Фрейзер прав, — заключил Сет. — Нам нужен новый староста. Где его пистолет? — обратился он к Баблу.

— Остался в комнате Тони.

Белснор бросился к квартире Дункельвельта. Сет — за ним.

— Остановите его! — крикнул Бабл.

Следом за Белснором и Сетом Тагг, Фрейзер и Бабл взбежали на крыльцо и ворвались в квартиру. Рассел остался с Мэри и Мэгги. Вскоре на пороге появился Сет с пистолетом в руке.

— Рассел, вы считаете, что мы не правы?

— Верни ему пистолет.

Удивленный, Сет остановился, но оружие Белснору не отдал.

— Спасибо, — сказал Белснор Расселу. — Мне пригодится твоя поддержка. — Он протянул руку к Сету. — Послушайся Рассела, верни пистолет. Он не заряжен. Я вынул все патроны.

— Ты кое-кого убил, — с мрачной рассудительностью произнес Сет.

— Он был вынужден, — возразил Рассел.

— Пистолет останется у меня.

— Мой муж хочет стать вашим руководителем, — вступила в разговор Мэри. — По-моему, эта идея не так уж плоха. Надеюсь, вы останетесь довольны. В Текеле Упарсине у него был большой авторитет.

— Почему ты не с ними? — спросил Белснор Рассела.

— Я знаю, что произошло. Твой поступок продиктован необходимостью. Надеюсь, мне удастся их убедить... — Он оборвал фразу. Белснор повернулся к остальным. Он не заметил, как у Сета вырвали оружие. Теперь Тагг криво улыбался и целился в Белснора.

— Отдай! — велел ему Сет.

Все закричали на Тагга, но он стоял неподвижно, не сводя с Белснора воспаленных глаз и дула пистолета.

— Теперь я ваш руководитель, — заявил он. — Голосования не требуется. — И добавил, обращаясь к троим мужчинам, что стояли вокруг него: — Идите к остальным. Ко мне не приближаться. Понятно?

— Он не заряжен, — повторил Белснор.

Сет выглядел сокрушенным — плечи поникли, на бледном лице прорезались морщины. Как будто он винил себя (да, наверное, так оно и было) за то, что позволил Таггу завладеть оружием.

— Я знаю, что делать! — Мэгги достала из кармана Книгу Спектовского.

Ей казалось, она нашла способ отобрать пистолет у Тагга. Наугад раскрыв Книгу и декламируя, она медленно двинулась к нему.

— Следовательно, можно сказать, что Бог-в-Истории проявляет себя в нескольких фазах. Первая: период Непорочности до начала деятельности Разрушителя Формы. Вторая: период Проклятия, когда Божество обладает наименьшей, а Разрушитель — наибольшей властью. Это объясняется тем, что изначально Божество не ожидало встретить Разрушителя Формы и оказалось застигнуто врасплох. Третья: рождение Бога-на-Земле, знаменующее конец периода Абсолютного Проклятия и Отдаления от Господа. Четвертая: период... — Мэгги подошла к Таггу почти вплотную. Он не двигался, пальцы побелели на рукоятке пистолета. Мэгги снова стала монотонно читать Священное Писание. — Четвертый период, когда Божество вступает в мир, дабы спасти страждущих и защитить все живое в Ипостаси Заступника, который...

— Назад! — прохрипел Тагг. — Не то убью!

— ...который, несомненно, существует, но не в этом круге. Пять. Следующий, и последний Период...

Ужасающий грохот сотряс ее барабанные перепонки. Мэгги шагнула назад и ощутила острую боль в груди; ощутила, как легкие онемели от тяжелого удара. Вокруг нее все меркло, разливалась тьма.

«Сет Морли...» — подумала она и хотела произнести его имя вслух, но не смогла. И тут же услышала шум. Где-то вдали, во тьме, неистово пыхтело что-то огромное.

Мэгги осталась одна.

Пых-пых...

Теперь она видела цвета радуги, слитые в сияние, текущее, как жидкость. От него отделялись и катились к Мэгги справа и слева диски от циркулярных пил и зубчатые колеса. Прямо перед ней угрожающе пульсировала гигантская тварь. Мэгги слышала ее властный, гневный голос. Решительность чудовища пугала: оно не просило, оно требовало. Мэгги поняла, что означает это пыхтение: тварь пытается ей что-то сказать. Пых-пых-пых... Превозмогая боль, женщина в страхе воззвала:

— Libera me, Domine, de morte aetena, in die illa tremenda*.

Пульсация не прекращалась, а беспомощная Мэгги медленно приближалась к Твари. Периферийным зрением она уловила нечто фантастическое: огромный арбалет со взведенной тетивой, а на нем — как стрела — Заступник. Внезапно Заступник понесся вверх, в самый маленький из концентрических кругов.

— Agnus Dei, — сказала Мэгги. — Qui tollis peccata mundi**.

Ей пришлось оторвать взгляд от пульсирующего водоворота и поглядеть под ноги. Далеко внизу — белая пустыня, яростный ветер, стремящийся похоронить скалы под снегом. Новый период оледенения... Мэгги даже думать было трудно, не то что говорить.

— Lacrymosa dies illa, — прошептала она и захрипела; казалось, грудь превратилась в сосуд, наполненный болью. — Qua resurget ex favilla, judicandus homo reus***. — От этих слов боль как будто поутихла — значит, надо говорить на латыни (хоть она и не знала этого языка, даже не подозревала о его существовании). — Huic ergo parce, Deus! Pie Jesu Domine, dona eis reuieem****. Пыхтение не умолкало.

Мэгги сорвалась в бездну. Навстречу несся леденящий ландшафт преисподней.

— Libera me, Domine, de morte aeterna!***** — снова вскричала она. Но это не помогло. Лететь до дна пропасти оставалось считанные мгновения.

---

* *Избави меня, Господи, от гибели вечной в День гнева Господня... (лат.).*

** *Агнец Божий, на себя принявший все грехи мира (лат.)*

*** *Всех, восставших из праха, чтоб предстать перед судом Твоим за дела свои, помилуй, Господи, в эти скорбные дни!.. (лат.).*

**** *Господь Вседержитель дарует им успокоение (лат.).*

***** *Избави меня, Господи, от гибели вечной (лат.).*

Зверь с широкими крыльями и шипами на голове и хребте, похожий на колоссального металлического дракона, взмыл навстречу и пронесся мимо, окатив Мэгги волной теплого воздуха.

— Salve me, fons pietatis*, — воззвала она к нему, без удивления узнав в нем Заступника, который вырвался из врат Преисподней к наименьшим, внутренним, кругам.

Вокруг нее расцветали красочные огни. Краем глаза заметив неподалеку алые сполохи и дым, она повернулась к ним и опешила: не тот цвет.

«Я должна искать чистое белое сияние ожидающего лона, в котором мне предстоит переродиться».

Теплый ветер Заступника повлек ее вверх. Цвета дыма и пламени остались позади, а справа она увидела яркий желтый свет. Как могла, Мэгги устремилась к нему.

Боль в груди улеглась, по телу растекалась приятная немота...

«Ты избавил меня от страданий, — мысленно обратилась она к Заступнику, — позволь же возблагодарить Тебя.

Я видела Его, — подумала она. — Я видела Заступника, а значит, получила шанс спастись. Веди меня! Наставь на путь истинный к Возрождению!»

Наконец появился истинный — белый — свет. Мэгги рванулась к нему, что-то подтолкнуло ее вперед.

«А ты все злишься на меня?» — подумала она о пульсирующей громадине.

Пыхтение еще слышалось, но Мэгги больше не придавала ему значения.

«Это может длиться вечно, ибо Тварь — за временем, вне времени, никогда не бывала во времени. Пространства в этом мире тоже не существует. Все выглядит двухмерным, предметы лепятся друг к другу, как большие грубые рисунки ребенка или первобытного охотника».

— Morstupebit et natura, cum resurget creatura, judicanti responsura**, — сказала Мэгги вслух.

Тварь снова притихла.

«Забыла обо мне, — подумала Мэгги. — Позволяет Заступнику унести меня в истинный свет».

Она плыла навстречу ясному белому сиянию, время от времени произнося религиозные латинские формулы. Боль в груди совсем угасла, тело стало невесомым, неподвластным времени и пространству.

«Ух ты! — мысленно воскликнула она. — Как здорово!»

Для Мэгги наступил День Последнего Испытания. Наступил — и минул. Она не осуждена. В ее душе разливалась необыкновенная, вселенская радость. Как космический мотылек среди сверхновых, летела она на истинный свет.

Пых-пых, — зазвучало снова, но Мэгги это уже не касалось. Теперь тварь пыхтела не для нее.

— Я не хотел стрелять, — прохрипел Тагг, глядя на труп Мэгги у своих ног. — Не знал, что ей нужно. Все шла и шла. Я подумал, она хочет отобрать пистолет. — Он дернул плечом в сторону Белснора. — А он сказал, что пистолет разряжен.

— Ты прав, — сказал Рассел, — она шла за пистолетом.

— Значит, я не сделал ничего плохого.

Наступила тишина.

— Я не отдам оружие! — заявил Тагг.

— Ну конечно, — кивнул Бабл. — Пусть оно останется у тебя, чтобы мы выяснили, скольких еще невинных людей ты хочешь убить.

— Я не хотел ее убивать! — Тагг направил пистолет на Бабла. — Я никогда никого не убивал! Ну, кому еще нужен пистолет? — Он обвел всех диким взором. — Я сделал то же, что и Белснор, ни больше ни меньше. Мы с ним одинаковы! Поэтому я ни за что не отдам ему оружие! — Его грудь вздымалась, в горле клокотало, выпученные глаза бегали.

Белснор подошел к Сету.

— Надо отобрать.

— Сам знаю. Но как?

Этого Сет не мог придумать. Если Тагг не моргнув глазом пристрелил первого, кто к нему приблизился — женщину, читающую вслух Книгу, то может так же легко перестрелять всех остальных. Совершенно очевидно, что Тагг свихнулся. Он давно хотел убить Мэгги. Сет удивился, почему раньше этого не понял. Белснор стрелял защищаясь. Тагг — ради удовольствия.

Да, разница велика. От Белснора опасность им не грозит, разве что он сойдет с ума, как Тони.

— Не надо, — шепнула ему на ухо Мэри.

— Нужно отнять у него пистолет. Если бы я не зазевался, он бы им не завладел и не убил Мэгги. — Сет протянул руку к Таггу: — Отдай. — Он почувствовал, как сжимаются все мускулы — тело приготовилось к смерти.

Глава 12

— Он тебя убьет. — Рассел тоже двинулся к Таггу. Остальные стояли молча. — Нам нужен этот пистолет, — сказал Рассел Таггу. Затем вполголоса Сету: — Вряд ли он сможет убить нас обоих. Я знаю это оружие — оно не скорострельное. Он успеет сделать только один выстрел.

Он по широкой дуге приблизился к Таггу с другой стороны и тоже протянул руку.

— Ну?

Тагг нерешительно повернулся к нему. Сет бросился вперед.

— А, черт! — Пистолетный ствол качнулся обратно, но было поздно. Сет столкнулся с костлявым, но жилистым Таггом, от которого пахло жирными волосами, мочой и потом.

— Хватай его! — Белснор тоже рванулся к человеку с пистолетом.

Выругавшись, Тагг стряхнул с себя Сета. На лице безумца застыло злобное выражение: рот растянут в тонкую извилистую линию, в глазах — холодный блеск. Он выстрелил.

Мэри взвизгнула.

Схватившись за правое плечо, Сет почувствовал, как ткань рубашки намокает от крови. Парализованный грохотом выстрела, он опустился на колени и скорчился от боли, не сразу сообразив, что ранен.

«Господи, я же не отобрал пистолет!»

С усилием открыв глаза, он увидел бегущего прочь Тагга. Раз или два тот остановился и выстрелил, но все разбежались в разные стороны, и пули никого не задели.

— Помогите! — простонал Сет.

---

* *Источник Милосердия, спаси меня (лат.).*

** *И отступит смерть, и воскреснет все сущее, справедливым судом Твоим судимое. (лат.).*

Белснор, Рассел и Бабл, не сводя глаз с Тагга, подбежали к нему.

На краю поселка, у входа в конференц-зал, Тагг задержался, тяжело дыша, прицелился в Сета и нажал на спуск. Увидев, что промахнулся, он задрожал, повернулся и затрусил дальше.

— Фрейзер! — воскликнул Бабл. — Помогите перенести Морли в лазарет. Быстрее, он истекает кровью. Кажется, перебита артерия.

Фрейзер бросился на помощь. Вместе с Белснором и Расселом он помог Сету подняться и повел к лазарету.

— Держись, Морли, — хрипло произнес Белснор, когда раненого уложили на металлический стол. — Ты не умрешь. Он убил Мэгги, но не тебя. — Белснор отошел от стола, достал носовой платок и, дергая головой, высморкался. — Зря я расстался с пистолетом. Видите, к чему это привело!

— Тихо! — буркнул Бабл, включая стерилизатор и раскладывая хирургические инструменты. — Отойдите!

Он резиновым жгутом перетянул Сету предплечье раненой руки. Кровь не остановилась, на столе образовалась красная лужица.

— Придется резать. Надо обнажить концы артерии, чтобы их сшить. — Он снял жгут и повернулся к аппарату искусственного кровоснабжения. Просверлив медицинским буравчиком отверстие в боку Сета, он вставил туда конец шланга. — Это не даст ему умереть от потери крови.

От небольшого подноса с инструментами, вынутого из стерилизатора, шел пар. Врач сноровисто разрезал на пациенте рубашку и стал изучать рану.

— Надо выставить часового, — сказал Рассел. — Черт побери, если бы у нас было оружие! Один пистолет на весь поселок, и тот у убийцы.

— У меня есть ружье-транквилизатор. — Бабл достал из кармана и протянул Расселу связку ключей. — Там, в запертом шкафу. Ключ многогранный, с бородкой.

Рассел отомкнул шкаф и достал длинную трубу с оптическим прицелом.

— Так-так, — произнес он. — Пригодится. Я знаю эту систему. А других зарядов, кроме транквилизаторов, у вас нет?

— А вам обязательно надо его прикончить? — Бабл на миг оторвал взгляд от плеча Сета.

— Да, — отрывисто произнес Белснор.

— Да, — кивнул Рассел.

— У меня есть заряды, которыми можно убивать. Вы их получите, когда я закончу операцию.

Превозмогая боль, Сет повернул голову и увидел ружье-транквилизатор.

«Сумеем ли мы защитить себя с помощью этой штуковины? — подумал он. — Или Тагг вернется и застрелит всех нас, или хотя бы одного меня, совершенно беспомощного?»

— Белснор, — хрипло позвал он. — А вдруг ночью Тагг придет сюда и прикончит меня?

— Я останусь с тобой, и у нас будет эта пушка. — Белснор повертел перед глазами оружие Бабла. Он выглядел увереннее. Остальные тоже.

— Вы сделали Морли анестезию? — спросил Рассел врача.

— Некогда.

— Я могу сделать, — вызвался Фрейзер, — если вы скажете, где ампулы и шприц.

— У вас нет на это разрешения.

— А у вас нет разрешения на хирургические операции.

— Я вынужден, — парировал врач. — Иначе он умрет. А без анестезии как-нибудь обойдется.

Мэри, стоящая на коленях возле мужа, спросила:

— Вытерпишь?

— Да, — выговорил Сет, не разжимая челюстей.

Операция продолжалась.

Он лежал в полутьме. Пуля была извлечена, обезболивающее, хотя и с опозданием, введено внутримышечно и внутривенно.

«Я ничего не чувствую, — подумал он. — А что если Бабл плохо сшил артерию?»

Сложный механизм следил за деятельностью его внутренних органов, регистрируя параметры кровяного давления, частоту сердцебиения, интенсивность дыхания и температуру.

«Но где же Бабл? И Белснор?»

— Белснор! — выкрикнул он изо всех сил. — Где ты? Обещал быть рядом...

Появилась темная фигура. Белснор держал в руках ружье-транквилизатор.

— Успокойся, я здесь.

— А где остальные?

— Хоронят мертвых. Тони Дункельвельта, старого Берта Кеслера, Мэгги Волхв... На складе нашлись шанцевые инструменты. Толчифа мы тоже хороним. Первую жертву. И Сьюзи... Бедная глупышка...

— Как бы то ни было, меня Тагг не убил.

— Но хотел.

— Зря мы пытались отобрать пистолет, — теперь Сет был в этом уверен. — Неудача стоила слишком дорого.

— Надо было послушать Рассела, — кивнул Белснор. — Он это предвидел.

— После драки кулаками не машут, — проворчал Сет, сознавая правоту собеседника. Рассел подсказывал им безопасный способ, но они запаниковали и не послушались. — Миссис Рокингэм так и не нашлась?

— Нет. Мы обыскали весь поселок. Тагг тоже исчез, но он жив. А также вооружен, безумен и опасен.

— Жив он или нет, мы не знаем, — произнес Сет. — Может, покончил с собой. Или его, как Толчифа и Сьюзи...

— Возможно, но на это рассчитывать не приходится. — Белснор глянул на часы. — Я выйду наружу, там можно будет охранять тебя и присматривать за остальными. До скорой встречи. — Он легонько похлопал Сета по левому плечу, бесшумно вышел за порог и тотчас растаял во мраке.

Сет устало закрыл глаза.

«Здесь пахнет смертью, — подумал он. — Куда ни пойдешь. Мы тонем в этом запахе. Скольких мы уже потеряли? Толчифа, Сьюзи, Роберту, Бетти, Тони, Мэгги, Берта. Семь трупов. И в живых семеро. Меньше чем за сутки погибла половина поселка! Стоило ли ради этого покидать Текел Упарсин? Мрачная ирония судьбы. Мы прилетели сюда ради более счастливой жизни. Хотели приносить пользу. У каждого была мечта. Может, в этом-то и беда: каждый из нас слишком глубоко укоренился в мире своей мечты. Похоже, нам уже не вырваться на свободу — вот чем объясняется неспособность действовать сообща. Тем более что некоторые из нас оказались душевнобольными как Дункельвельт и Тагг».

К его виску прижался ствол пистолета. Незнакомый голос произнес:

— Спокойно!

Второй человек, в черной кожаной форме, с энергопистолетом наизготовку подошел к дверному проему.

— Снаружи Белснор, — сказал он своему напарнику, сидящему на корточках рядом с Сетом. — Я о нем позабочусь.

Он прицелился. От ствола его пистолета к Белснору протянулась дуга разряда. Белснора затрясло, затем он медленно опустился на колени и повалился набок. Ружье-транквилизатор выпало из ослабевших пальцев.

— А остальные? — спросил напарник.

— Хоронят мертвых. Они ничего не заметят. Поблизости никого нет, даже жены Морли. — Он подошел к койке, второй незнакомец поднялся на ноги. Секунду оба не шевелились, разглядывая Сета.

«Кто они, откуда?» — недоумевал он, рассматривая черные мундиры.

— Морли, — сказал стрелявший, — мы забираем вас.

— Зачем?

— Чтобы спасти, — ответил второй.

Они быстро достали откуда-то носилки и положили их возле койки Сета.

Глава 13

За стеной лазарета стоял маленький корабль, в просторечии называемый «шутихой», влажно поблескивающий в лунном свете. Люди в черном перенесли Сета к кораблю и опустили на землю. Один из них открыл люк, после чего носилки были подняты и осторожно внесены на «шутиху».

— Белснор мертв? — спросил Сет.

— Парализован, — ответил незнакомец.

— Куда мы летим?

— Вы там уже были.

Второй уселся за консоль управления, нажал несколько кнопок, сверяясь с индикаторами. «Шутиха» оторвалась от земли и унеслась в ночное небо.

— Мистер Морли, вам удобно? Вы уж простите, что мы положили вас на пол. Скоро прилетим.

— Не могли бы вы представиться?

— Вы не ответили, — сказал первый. — Удобно вам или нет?

— Удобно. — Сет различил обзорный экран; на нем ясно, как в свете дня, виднелись деревья, растения помельче — кусты и лишайники — и блестящая полоска. Река.

Наконец он увидел Здание. «Шутиха» заходила на посадку. На крышу.

— Правда, удобно? — спросил первый.

— Правда, — кивнул Сет.

— Все хотите побывать в Здании? — поинтересовался второй.

— Нет. — Сет учащенно дышал, стараясь сберечь силы. — Я его впервые вижу.

— Нет, — возразил второй. — Не впервые.

На крыше Здания мерцали огни. Корабль вихлял, ведомый на посадку не слишком опытным диспетчером.

— Черт бы побрал этот наводящий луч, — проворчал первый. — Опять ходуном ходит. Говорил я, надо на ручном.

— Мне не посадить машину на крышу, можно врезаться в одну из башен.

— Не посадить корабль класса «В» на такую огромную площадку? Ну, приятель, вряд ли я еще раз соглашусь работать с тобой в паре.

— При чем тут класс корабля? Просто на крыше слишком много всяких надстроек.

Первый приблизился к люку и раздраил его вручную. В отверстие потек ночной воздух с запахом фиалок. Вместе с ним ворвались приглушенные стоны и грохот Здания. Сет кое-как поднялся на ноги и попытался дотянуться до энергопистолета на поясе стоящего возле люка человека.

Человек отреагировал запоздало — он смотрел в сторону, о чем-то спрашивая напарника. Тот испуганно закричал.

Энергопистолет выскользнул из кобуры, но не удержался в пальцах Сета. Тогда Сет рухнул на него и торопливо нашарил под собой рукоять. Высоковольтный разряд, метнувшийся от консоли, не попал в него. Сет рывком перевалился на здоровое плечо, принял полусидячее положение и выстрелил.

Разряд угодил пилоту под правое ухо. Спустя долю секунды ствол переместился, и луч вонзился в другого человека, который бросился на Сета. Выстрел швырнул его назад, с грохотом обрушил на стену, усеянную шкалами приборов.

Сет захлопнул дверцу люка, задраил его и мешком осел на пол. Из-под повязки на плече просачивалась кровь. Перед глазами все плыло, и Сет понял: только что он полностью отключился на секунду-другую.

Над консолью щелкнул динамик.

— Мистер Морли, — раздался голос. — Нам известно, что вы захватили «шутиху», а оба наших сотрудника без сознания. Просим не покидать корабль. У вас серьезно повреждено плечо, артерия сшита неудачно. Если вы не откроете люк, чтобы немедленно получить медицинскую помощь, то не проживете и часа.

«Черта с два!» — подумал Сет.

Он подполз к консоли, с помощью здоровой руки кое-как встал и плюхнулся в одно из двух кресел.

— Вы не обучены пилотированию сверхскоростной «шутихи», — произнес динамик. Очевидно, на борту находились автоматические мониторы, передававшие наружу информацию обо всех действиях Сета.

— Ничего, как-нибудь справлюсь, — прохрипел Сет, хватая ртом воздух. Казалось, грудная клетка сжалась и не дает легким дышать.

Он увидел на приборной доске ряд кнопок с различными символами — по всей видимости, клавиатуру ручного управления. Раз, два, три... Всего восемь кнопок. Сет вдавил наугад одну из них.

Ничего не произошло.

«Корабль все еще в наводящем луче, — сообразил он. — Надо отключиться».

Он нашел нужную кнопку. Корабль затрясся и медленно двинулся вверх.

«Что-то не так, — подумал Сет. — закрылки должны находиться в положении для посадки, а они...»

Он почти ничего не видел. Стены кабины кружились. Он закрыл глаза, вздрогнул и разлепил веки.

«Господи! — подумал он. — Я скисаю. А вдруг эта штуковина рухнет, когда я вырублюсь? Или улетит к черту на кулички?»

Голова Сета поникла, он сполз с кресла на пол. Его окутала тьма.

В глаза ударил неестественно яркий свет. Не выдержав рези, Сет зажмурился, но это не помогло.

— Хватит!

Он тщетно попытался подняться. Дрожа от слабости, открыл глаза и огляделся.

Двое в черном лежали неподвижно в прежних позах. Не было нужды подходить к ним, чтобы убедиться: они мертвы. Значит, и Белснор мертв. Оружие не парализовывало, а убивало.

«Куда меня занесло?»

Обзорный экран был включен, действовал по-прежнему, но перед камерами стояло какое-то препятствие, Сет видел только ровную белую поверхность.

Вращая шар, который управлял видеокамерами, он подумал, что прошло очень много времени. Он осторожно коснулся раненого плеча. Кровотечение прекратилось. Видимо, ему солгали — Бабл отлично сделал свое дело.

Внезапно на экране появился огромный и безжизненный город. Как раз под ногами Сета. Корабль покоился на крыше самого высокого из шпилеобразных зданий.

Никакого движения. Ни единого признака жизни. Город необитаем. Экран показывал картины полнейшего, бесконечного упадка. Как будто в нем поселился Разрушитель Формы.

Динамик над консолью молчал. Сет понял, что здесь он не получит помощи от них.

«Где я, черт побери? В каком уголке Галактики находится этот город, покинутый жителями и обреченный на медленную смерть? Город, которому суждено обратиться в пыль? Кажется, он безлюден уже целую вечность...»

Сет неуверенно поднялся, приблизился к люку, открыл его с помощью электрического устройства — крутить штурвал вручную у него не было сил, — и выглянул наружу.

Воздух был холоден и безветрен. Сет прислушался: ни звука. Он собрался с силами и, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дух, спустился на крышу.

Никого.

«А может, я никуда не улетал? Нет, — подумал он. — На Дельмаке не существует подобных городов. Потому что Дельмак — необжитая планета, и до нас на ней не было поселенцев. Мы, четырнадцать, — первые. Да, очень странно».

С превеликим трудом он вернулся на борт «шутихи», неуклюже уселся в пилотское кресло. С минуту он не шевелился, сосредоточиваясь.

«Что же делать? Найти дорогу на Дельмак, вот что».

Сет посмотрел на хронометр. С момента похищения его незнакомцами в черных мундирах минуло почти пятнадцать часов.

«Хотелось бы знать, живы ли остальные, — подумал он. — А может, их тоже захватили? Автопилот, — осенило его. — У него должен быть блок управления голосом».

Он нашел нужную кнопку и произнес в микрофон:

— Верни меня на Дельмак, и немедленно! — Выключив микрофон, Сет откинулся на спинку кресла и стал ждать.

Корабль не двигался. Сет снова взялся за микрофон.

— Ты знаешь, где Дельмак? Можешь отвезти меня туда? Ты был там пятнадцать часов назад. Неужели не помнишь?

Ни ответа, ни движения. Ни единого признака пробуждения ионного двигателя.

«В программе автопилота нет курса на Дельмак — догадался Сет. — Видимо, люди в черном вел туда «шутиху» на ручном управлении. Или я са включил что-то не то».

Он постарался сосредоточиться и тщательн осмотрел консоль. Прочитал все надписи на кноп ках, шкалах, тумблерах, рычагах... Ни одно подсказки.

«Куда я полечу, — подумал он с горечью, — есл даже не знаю, где нахожусь? Разве что наобум. Н для этого необходимо хотя бы владеть ручны управлением».

На глаза ему попалась уже замеченная прежд кнопка с надписью СПРАВКИ. Сет поспеши нажать ее. Спустя некоторое время динамик ожил

— Что вас интересует?

— Ты можешь сказать, где я нахожусь?

— Нужно включить ПОЛЕТНУЮ ИНФО.

— Я не вижу на консоли никакой ПОЛЕТНОЙ ИНФО.

— Это не на консоли, а выше, справа от вас.

Сет поднял глаза и нашел надпись, щелкну тумблером, повторил вопрос.

— Где я нахожусь, ты можешь сказать?

Потрескивание, шелест, будто кто-то невиди мый копошится среди бумаг... Тихий, протяжны звук: не то жужжание, не то вибрация. Зате неестественный голос электроники, подражающе человеку.

— Дааа, сэррр. Вы в Лондоне.

— В Лондоне? — Сет ахнул. — Как это могл случиться?

— Вы прррилетели сюда.

Сет не мог в это поверить.

— Ты имеешь в виду город Лондон в Англии На Земле?

— Дааа, сэррр.

Немного придя в себя, Сет задал следующи вопрос:

— Можно на этой «шутихе» прилететь на Дель мак-0?

— Полет длится шесть лет. Ваш коррраблъ н пррредназначен для таких перррелетов. Пррреж де всего ему не пррреодолеть пррритяжение пла неты.

— Земля, — глухо произнес Сет. — Ну что ж теперь понятно, откуда здесь заброшенный город Говорят, на земле все города покинуты жителями Их миссия выполнена. Люди больше не нужны и эмигрировали. Все, кроме «страусов».

— Выходит, эта «шутиха», — спросил он, — всего-навсего скоростной стратосферный ракетоплан

— Дааа, сэррр.

— И в Лондон я мог попасть только из другой точки планеты?

— Дааа, сэррр.

У Сета шумело в голове, на лице выступили капли пота.

— Ты можешь определить мои прежние коорди наты? Вычислить, откуда я прилетел?

— Рррразумеется. — Деловитый гул, затем: — Выыы пррилетели из 3Р68-222Б. А до этого выыы...

— Ничего не понял, — воскликнул Сет. — А словами нельзя?

— Нет. Слов, подходящих для описания этого места, не существует.

— Ты можешь запрограммировать «шутиху» на возвращение?

— Дааа. Я могу внести коорррдинаты в автопи лот. Кррроме того, яаа пррриспособлен для упррав

ления коррраблем в аварррийной ситуации. Прррикажете пррриступить?

— Да. — Не в силах сопротивляться боли и изнеможению, Сет навалился грудью на консоль.

— Сэррр, вам нужна медицинская помощь? — осведомился блок ПОЛЕТНАЯ ИНФО.

— Да.

— Вы хотите, чтобы «шутиха» доставила вас на ближайшую медстанцию?

Сет помедлил. Какая-то клеточка в глубине его мозга шепнула: «нет».

— Я приду в себя. Полет не займет много времени.

— Дааа, сэррр. Спасибо, сэррр. Ввожу кооррдинаты для полета к 3Р68-222Б. Затем возьму на себя аварррийное упррравление. Прррравильно?

Сет не смог ответить. Из раны опять потекла кровь. Наверное, он потерял больше крови, чем думал.

Перед ним заполыхали лампочки, защелкали кнопки и тумблеры... Как будто он уронил голову на механический бильярд и запустил автоматическую игру.

Затем «шутиха» плавно взмыла в полуденное небо, облетела по кругу Лондон — если это действительно был Лондон — и направилась на запад.

— Когда прилетим, — прохрипел Сет, — скажи.

— Дааа, сэррр. Яаа вас рррразбужу.

— Неужели я в самом деле говорю с машиной? — прошептал Сет.

— Яаа прррредставляю собой неорррганическую искусственную констрррукцию класса прррото-компьютерррров...

Компьютер бубнил, но Сет уже не слышал — он снова потерял сознание.

— Мы пррриближаемся к пункту с коорррдинатами 3Р68-222Б, — визгливо прокричали ему в ухо.

— Спасибо. — Сет поднял тяжелую голову и кое-как сфокусировал взгляд на обзорном экране. Почти все его пространство занимало массивное сооружение. Вначале Сет принял его за поселок, затем с ужасом понял, что «шутиха» вернулась к Зданию.

— Постой! — воскликнул он. — Не сажай!

— Но в пункте с коорррдинатами 3Р68...

— Приказ отменяется! — рявкнул Сет. — Вези меня туда, где я был в самом начале.

Блок ПОЛЕТНАЯ ИНФО выдержал паузу.

— Полет из этого пункта прррроходил в ррежиме ррручного упррравления. Следовательно, в мою память не были введены исходные коорррдинаты. Вычислить их яаа не способен.

— Понятно. — Сет почти не удивился. — Ладно, — сказал он, глядя на уменьшающееся Здание — «шутиха», выпустив плоскости, барражировала над ним. — Обучи-ка меня ручному управлению.

— Сначала возьмите его на себя, нажав кнопку десять. Затем... Видите большой пластмассовый шаррр? Он врррращается впррраво, влево, вперррред и назад, и служит для выборррра напрррравления. Прррредлагаю попррррактиковаться, прррежде чем я перррредам вам упррравление.

— Передавай! — свирепо рявкнул Сет. Он увидел далеко внизу, над Зданием, две черные точки.

— Упррравление перррредано.

Сет повернул большой пластмассовый шар. Корабль «стал на дыбы», завилял, затрясся, затем клюнул носом и помчался навстречу пустыне.

— Назад, назад, — подсказал блок ПОЛЕТНАЯ ИНФО. — Вы слишком быстрррро снижаетесь.

Сет потянул шар на себя, и полет «шутихи» стал почти горизонтальным.

— Я хочу оторваться от этих кораблей.

— Ваши навыки вождения едва ли позволят...

— А ты можешь это сделать? — перебил Сет.

— В мою память заложено несколько виррражей. Любой из них...

— Ну так действуй.

Погоня была близка. На видеоэкране Сет отчетливо видел 88-миллиметровые орудия. В любую секунду они могли открыть огонь.

— Пррррогррррамма виррража задана, сэр. Пожалуйста, пррристегнитесь к крррреслу.

Сет кое-как совладал с ремнем безопасности. В тот миг, когда он застегивал пряжку, «шутиха» рванулась вверх, описала иммельманову петлю, а завершив маневр, летела уже в противоположном направлении и на порядочном расстоянии от преследователей.

— Вышеупомянутые коррраблли следят за вами с помощью рррадаррров, сэр, — сообщил компьютер. — Я запррррогррраммирррровал автопилот на соответствующий маневррр ухода. Не волнуйтесь.

Корабль понесся вниз, как сорвавшийся с троса лифт. Едва не лишившись чувств, Сет опустил голову на руки и закрыл глаза. Затем, совершенно неожиданно, «шутиха» вышла из пике. Траектория ее полета была неровной, так как в точности повторяла профиль местности.

Сет полулежал в кресле. Хаотические рывки «шутихи» вызывали у него приступы тошноты.

Раздался хлопок — видимо, один из преследователей выстрелил из пушки или выпустил ракету «воздух — воздух». Стряхнув сонливость, Сет поглядел на обзорный экран.

«Где они?»

Вдалеке, за пустынной равниной, он увидел высокий столб черного дыма. Как он и опасался, снаряд пролетел перед носом его корабля. Это означало, что оторваться от погони не удалось.

— У нас есть какое-нибудь оружие? — обратился Сет к ПОЛЕТНОЙ ИНФО.

— Согласно уставу, мы вооррружены двумя рррракетами класса «воздух — воздух» типа А-120. Пррриказете запррррогррраммирррровать пусковое устррройство на стрррельбу по прррреследующим коррраблям?

— Да. — Решение далось нелегко: Сет впервые осознанно шел на убийство. Но не он первый открыл огонь, и тех, кто охотился за ним, не мучила совесть. Если он не будет защищаться, то погибнет.

— Ракеты выпущены, — раздался другой электронный голос, уже не из динамика, а из консоли. — Хотите визуально следить за их полетом?

— Даа, он хочет, — ответил блок ПОЛЕТНАЯ ИНФО.

Экран разделился надвое, и Сет понял, что включились видеокамеры на обеих ракетах.

Левая ракета промахнулась и по пологой кривой понеслась к планете, зато вторая вышла на цель. Корабль развернулся, рванул вверх, но и ракета переменила курс. Экран осветила беззвучная белая вспышка. Один из кораблей погони был уничтожен, но второй летел прямо на Сета, быстро набирая скорость, — пилот знал, что Сет израсходовал боекомплект.

— У нас есть пушки?
— На таких маленьких коррраблях...
— Да или нет?
— Нет.
— Я хочу сдаться, — угрюмо произнес Сет. — Я ранен и могу истечь кровью. Сажай поскорее.
— Есть, сэррр.
«Шутиха» снова полетела параллельно планете, но теперь она сбрасывала скорость. Сет услышал, как включился механизм выпуска шасси. Затем — сильный толчок: «шутиха» коснулась поверхности. Корабль трясло и подбрасывало. Наконец, визжа покрышками шасси, он развернулся и остановился. Сет перестал стонать. Навалясь грудью на консоль, он прислушивался к погоне. Ни звука.
— ПОЛЕТНАЯ ИНФО, — произнес он, судорожным рывком подняв голову. — Он сел?
— Прррродолжает удаляться.
— Почему?
— Яаа не знаю... Он улетает, мои рррадаррры едва его видят. — Пауза. — Все, он удалился за прррделы действия рррадаррра.
Возможно, пилоту не удалось проследить за маневром Сета. Возможно, он решил, что Сет и сейчас летит над самой землей, пытаясь обмануть его следящие устройства.
— Поднимай машину, — приказал Сет. — Веди расширяющимися кругами. Я поищу поселок. Сначала — на северо-восток. — Он выбрал направление наугад.
— Дааа, сэррр.
«Шутиха» ожила и легко, плавно пошла вверх. Вновь Сет отдыхал, но на сей раз он расположился так, чтобы видеть обзорный экран. На удачу он не рассчитывал — поселок слишком мал, а пустыни беспредельны. Но что еще оставалось? Назад, к Зданию? Эта мысль вызывала отвращение. Желание побывать в его стенах исчезло.
«Это не винный завод, — подумал он. — Но что, дьявол его побери?»
Этого он не знал. И не надеялся, что когда-нибудь узнает. Справа блеснул металл. Сет неловко привстал и посмотрел на хронометр — оказывается, «шутиха» летает по спирали почти час.
«Неужели я опять вырубился? — подумал он и, кривясь от боли, вгляделся в экран.
Домики.
«Вот он», — подумал Сет.
— Идти на посадку?
— Да. — Сет наклонился вперед, напрягая зрение, боясь ошибиться.
Внизу лежал поселок.

Глава 14

Сет нажал кнопку электрического замка. Люк открылся. От поселка к кораблю брела группа жителей — такая маленькая, что у Сета защемило сердце. Они уныло смотрели, как Сет, шатаясь и спотыкаясь, выбирается из люка.
Сознание ускользало; хватаясь за него, он обвел взглядом лица. Рассел был угрюм, Фрейзер выглядел усталым, в запавших глазах Мэри тревога за мужа уступала место облегчению. Доктор Бабл рассеянно грыз мундштук трубки. Среди них не было Тагга. И Белснора. Опережая вопросы, Сет произнес:
— Белснор убит?
Они кивнули.
— Ты первый из пропавших, кому удалось вернуться, — сказал Рассел. — Вчера, поздно вечером, мы заметили, что Белснор нас не охраняет. Подошли к лазарету и увидели, что он мертв.
— Убит электрическим разрядом, — уточнил Бабл.
— А ты исчез, — добавила Мэри. Несмотря на возвращение мужа, лицо ее было несчастным, а в глазах угасала надежда.
— Ложитесь-ка обратно в лазарет, — посоветовал Сету Бабл. — Удивляюсь, как вы не умерли. Посмотрите на себя — вы же весь в крови.
Все вместе они помогли Сету добраться до койки. Мэри торопливо поправила постель. Сет ждал пошатываясь, и наконец дал уложить себя на чистую простыню.
— Я хочу посмотреть ваше плечо, — сказал Бабл. — Боюсь, на артерии разошелся шов, и под повязкой кровит...
— Мы на Земле, — сообщил Сет.
Все молча смотрели на него. Бабл на миг оцепенел, затем повернулся спиной к Сету и снова стал перебирать хирургические инструменты. Пауза затягивалась.
— А что такое Здание? — спросил наконец Фрейзер.
— Не знаю. Но они сказали, что я там уже бывал. «Следовательно, на каком-то уровне сознания я помню, что это такое, — подумал он. — Возможно, все мы когда-то были там. Одновременно».
— Почему они нас убивают? — поинтересовался Бабл.
— Понятия не имею.
— Как ты узнал, что мы на Земле? — спросила Мэри.
— Побывал в Лондоне. Это древний, давно обезлюдевший город. Он огромен — больше любого неземного города в Галактике. Тысячи брошенных, разрушенных домов, фабрик, улиц. Когда-то в нем жило десять миллионов человек.
— Но на Земле нет ничего, кроме «вольеры»! — воскликнул Фрейзер. — И никого, кроме «страусов».
— Плюс казармы Межпланзапа и лаборатории исследовательского комплекса. — Голосу Сета явно недоставало уверенности и энтузиазма. — Мы, как и предполагали вчера вечером, — участники военного эксперимента, которым руководит генерал Тритон. — Но и в это ему не верилось. — Какие войска носят черную форму?
— Стражи «вольеры», — произнес Рассел ровным, безучастным голосом. — Форма — подарок, чтобы поднять их боевой дух. Работа среди «страусов» сильно воздействует на психику, поэтому три-четыре года назад была введена новая эффектная форма.
— Откуда вам это известно? — с подозрением спросила Мэри.
— Дело в том, что я один из них, — спокойно ответил Рассел, доставая из кармана маленький блестящий энергопистолет. — У нас вот такое оружие. — Он махнул колонистам пистолетом, чтобы встали теснее друг к другу. — У Морли был один шанс из миллиона. — Рассел указал на свое правое ухо: — Меня держали в курсе. Я знал, что Сет возвращается, но ни я, ни мое начальство даже мысли не допускали, что он доберется сюда.
Рассел улыбнулся. Лучезарно.
Раздался громкий хлопок.
Сделав полоборота, Рассел опустил оружие и мешком осел на землю. Энергопистолет выпал из его пальцев.
«Что это?» — удивился Сет, усаживаясь и напря-

гая зрение. В дверном проеме он различил силуэт человека. Сошедший-на-Землю? Неужели он явился к нам на выручку? Человек держал в руке оружие — старый пистолет, стреляющий свинцовыми пулями.

«Пистолет Белснора, — сообразил Сет. — Но он же у Тагга! Ничего не понимаю».

Остальные тоже ничего не понимали. Они нерешительно повернулись навстречу убийце Рассела.

Это был Игнац Тагг.

Рассел умирал на полу. Тагг нагнулся, подобрал его оружие и сунул себе за пояс.

— Я вернулся, — угрюмо вымолвил он.

— Ты слышал? — спросил Сет. — Ты слышал, как Рассел сказал, что...

— Слышал, — буркнул Тагг. Помедлив, он вытащил энергопистолет и протянул Сету. — Пусть кто-нибудь возьмет транквилизатор. Нам понадобится все оружие. Есть здесь еще что-нибудь стреляющее? В «шутихе»?

— Два таких же, — сказал Сет, принимая энергопистолет.

«Он не собирается нас убивать?» — подумал Сет удивленно.

От безумной гримасы на лице Тагга не осталось и следа, исчезла даже обычная агрессивная настороженность. Он был спокоен и выглядел совершенно здоровым.

— Вы мне не враги, — сказал он. — В отличие от них. — Он ткнул пистолетом в сторону Рассела. — Я знал, что среди нас есть чужой. Подозревал Белснора, но ошибся. Мне очень жаль. — Он умолк.

Остальные тоже молчали. Ждали, что будет дальше. Знали, что очень скоро что-нибудь случится.

«Пять стволов, — подумал Сет. — Курам на смех. Хотя... есть еще ракеты «воздух — воздух» на сбитом корабле, и Бог знает что еще. Может, и отобьемся».

— Попробуем, — кивнул Тагг, угадав его мысли по выражению лица.

— Кажется, я догадываюсь, что это за эксперимент, — пробормотал Фрейзер.

Все молчали, дожидаясь от психолога объяснений. Но их не последовало.

— Скажите, — попросил Бабл.

— Не скажу, пока не буду знать наверняка.

«Кажется, я тоже догадываюсь, — подумал Сет. — Но Фрейзер прав: не зная наверняка, не имея убедительных доказательств, едва ли стоит говорить об этом».

— Я сразу поняла, что мы на Земле, — произнесла Мэри. — Давным-давно, еще ребенком, видела на картинках Луну.

— И к какому выводу ты пришла? — осведомился Фрейзер.

— Я... — Мэри поколебалась, глядя на мужа. — Разве это не эксперимент военных из Межпланзапа?

— Да, — кивнул Сет.

— Можно допустить и другое, — возразил Фрейзер.

— Не говори, — попросил Сет.

— Думаю, лучше сказать. Надо смотреть правде в глаза. Сначала обсудим мою догадку, а затем решим, стоит ли бороться.

— Говорите. — Бабл дрожал от нетерпения.

— Мы — опасные психи. Некоторое время, возможно, несколько лет, нас содержали в Здании. — Он сделал паузу. — Следовательно, Здание — тюрьма и вместе с тем лечебница для душевнобольных.

— А как насчет поселка? — перебил Бабл.

— Это и есть эксперимент. Но не в военных целях. Поселок построен начальством тюрьмы-лечебницы, чтобы выяснить, пригодны ли мы для плодотворной жизни на свободе... На планете, якобы далекой от Земли. Но мы оказались ни на что не способны. Стали убивать друг друга... — Он указал на ружье-транквилизатор. — Вот что погубило Толчифа. Вот с чего все началось. Это ты, Бабл, его пристрелил. А Сьюзи тоже ты прикончил?

— Нет! — пискнул Бабл.

— Но смерть Толчифа — твоих рук дело, не так ли?

— За что? — спросил Сет у врача.

— Я... догадывался, кто мы такие. Думал, Толчиф — тот, кем потом оказался Рассел.

— Кто убил Сьюзи Смат? — обратился Сет к Фрейзеру.

— Понятия не имею. Может, Бабл. А может, ты, Морли? Отвечай, это твоих рук дело? — Фрейзер пристально посмотрел в глаза Сета. — Нет, думаю, не твоих. Возможно, Тагга. Но ты, надеюсь, понял мою мысль? Это мог сделать любой. У каждого из нас — склонность к убийству. Вот почему мы были в Здании.

— Это я убила Сьюзи, — призналась Мэри.

— За что? — Сет не мог в это поверить.

— За то, чем вы с ней занимались. — В голосе Мэри звучало ледяное спокойствие. — К тому же она пыталась меня застрелить. Помнишь домик? Она первая начала. Я только защищалась.

— Боже! — вздохнул Сет.

— Неужели ты был настолько без ума от нее, — ревниво спросила Мэри, — что не понимаешь, почему я это сделала?

— Я ее почти не знал.

— Ты знал ее вполне достаточно, чтобы...

— Хватит! — вмешался Тагг. — Это уже не имеет значения. Фрейзер высказал свою идею: каждый из нас способен на убийство. — Его лицо скривилось. — Но я считаю, ты ошибаешься, — обратился он к Фрейзеру. — Просто не могу поверить, что мы — маньяки.

— Но убийства говорят сами за себя, — настаивал Фрейзер. — Я давно понял, что каждый из нас — потенциальный преступник. Это подтверждается ярко выраженным аутизмом, шизофренической недостаточностью адекватного аффекта. — Он уничтожающе посмотрел на Мэри. — Взять хотя бы ее признание в убийстве Сьюзи. Как будто ничего особенного не произошло! — Он показал на врача: — А как вам понравилась разгадка смерти Толчифа? Бабл пристрелил совершенно незнакомого человека просто на всякий случай — а вдруг он подослан начальством.

Наступившую паузу нарушил Бабл:

— Одного я не возьму в толк — у кого поднялась рука на миссис Рокингэм? Такая милая, почтенная, образованная женщина... Никому не мешала...

— А может, ее никто и не убивал, — предположил Сет. — Она была больна... Должно быть, ее увезли, как и меня. На лечение. Во всяком случае, так они объяснили мое похищение — дескать, Бабл неважно прооперировал плечо, и без квалифицированной помощи я долго не протяну.

— Ты поверил? — спросил Тагг.

Сет не стал кривить душой:

— Не знаю. Допускал. В конце концов меня могли пристрелить, как Белснора, прямо здесь.

«А ведь они убили только Белснора, — подумал Сет. — А всех остальных — мы... Это подтверждает теорию Фрейзера... А может, они не хотели его гибели, просто спешили и думали, что стреляют парализующим лучом. И еще, вероятно, они боялись нас».

— Я полагаю, — заговорила Мэри, — вначале они не вмешивались в наши дела. Ведь это все-таки эксперимент, им было интересно, чем он закончится. Затем, видя, что он принимает нежелательный оборот, сюда прислали Рассела... и застрелили Белснора. Возможно, в убийстве Белснора они не видели ничего плохого, ведь он прикончил Тони. Даже мы заметили... — Она умолкла, подыскивая слова.

— Нестыковку, — подсказал Фрейзер.

— Да, нестыковку в его версии. Чем объяснить появление меча у Тони? — Она положила ладонь на раненое плечо мужа. Прикосновение было легким, но небезболезненным. — Вот почему он решил спасти Сета. Он никого не убил. Он был невиновен. А ты... — Она посмотрела на Тагга и зарычала с ненавистью: — Ты способен пробраться в лазарет и добить его, беспомощного!

Тагг пренебрежительно махнул рукой.

— Миссис Рокингэм, — продолжала Мэри, — тоже не замарала рук кровью. Поэтому ее спасли. На переломе подобного эксперимента это естественно...

— Каждое твое слово, — перебил Фрейзер, — подтверждает мою правоту.

Он презрительно ухмыльнулся, как будто все, что происходило в колонии, его не касалось.

— Наверное, мы чего-то не учитываем, — произнес Сет. — Чем объяснить, что они допустили столько убийств? Ведь они должны были знать обо всем, во всяком случае, после прибытия Рассела. Но мне кажется, знали и раньше.

— Возможно, они плохо следили за нами, — предположил Бабл. — Полагались, наверное, на искусственных насекомых с телекамерами.

— Уверен, у них было что-то еще. — Сет повернулся к жене. — Обыщи Рассела, вдруг найдется что-нибудь интересное. Ярлычок на одежде, клеймо на часах или псевдочасах, клочок бумаги в кармане...

— Хорошо. — Мэри осторожно сняла с Рассела чистый, с иголочки пиджак.

— Дай взглянуть, — попросил Бабл, когда Мэри извлекла бумажник. — Удостоверение. Нед Рассел, проживает в куполе-колонии на Сириусе-3. Возраст 29 лет. Волосы каштановые. Глаза карие. Рост пять футов одиннадцать с половиной дюймов. Имеет право вождения кораблей классов «Б» и «В». — Он еще порылся в бумажнике. — Трехмерная фотография молодой женщины — по всей видимости, жены. Фотоснимки ребенка.

Все молчали.

— В общем, — нарушил тишину Бабл, — ничего ценного для нас. Никакой информации. — Он закатал левый рукав Рассела. — Часы «Омега» с автоматическим заводом. Хорошая вещь. — Он чуть выше задрал коричневую парусину. — Татуировка на внутренней стороне предплечья. Гм, странно, у меня — точно такая же и на том же месте... — Он провел по руке Рассела и прошептал: — Персус-9. — Затем расстегнул собственный обшлаг и закатал рукав. Все увидели точно такие же буквы.

— И у меня на лодыжке, — сказал Сет.

«Странно, — подумал он, — я давно уже не вспоминал об этой наколке».

— Откуда она у вас? — спросил Бабл. — Я позабыл, где приобрел свою, очень уж давно это было. И не припоминаю, что она означает... Похоже на военную опознавательную метку. Возможно, это географическое название. Военный объект на Персусе-9.

Взгляд Сета скользнул по остальным поселенцам. Каждому было явно не по себе.

— Такие отметины есть у всех нас, — вымолвил Бабл, положив конец очень долгой паузе.

— Может, кто-нибудь припомнит, где и когда обзавелся своей наколкой? — осведомился Сет. — Или почему? Или каков ее смысл?

— В ту пору я был еще ребенком, — сказал Фрейзер.

— Ты никогда не был ребенком, — возразил Сет.

— Что-то я не пойму. — Мэри озадаченно посмотрела на мужа.

— Его нельзя вообразить ребенком, вот что я имел в виду.

— Но ты сказал по-другому.

— Да какая разница, как я сказал? — вспылил Сет. И тотчас взял себя в руки. — Итак, у нас есть еще одна общая черта — надпись на теле. Вероятно, такая же татуировка была и у погибших — Сьюзи и остальных. Что ж, налицо неприятный факт: у каждого из нас существует пробел в памяти. Иначе бы мы знали, откуда взялись эти татуировки и что они означают. Знали бы, что такое Персус-9, или, на худой конец, когда были сделаны татуировки. Боюсь, это подтверждает гипотезу о нашем безумии и преступных наклонностях. Видимо, отметины мы приобрели в Здании, находясь в заключении. Воспоминаний о том, что мы там были, у нас не сохранилось, значит, наколки сделаны там. — Он размышлял вслух, позабыв о том, что его слушают. — Как в Дахау. Мне думается, крайне необходимо понять их смысл. Это будет первым серьезным шагом к разгадке, кто мы такие и для чего предназначен наш поселок. Ну, кто подскажет, как узнать, что такое Персус-9?

— Можно запросить справочный блок «шутихи», — сказал Тагг.

— Можно, — кивнул Сет. — Попробуем. Но я предлагаю сначала потолковать с тенчем. И хочу при этом присутствовать. Возьмете меня с собой?

«Если меня бросят здесь, — промолвил он мысленно, — я буду убит. Как Белснор».

— Я позабочусь, чтобы тебя перенесли на «шутиху», — пообещал Бабл. — Но с единственным условием: сначала мы поговорим со справочным блоком корабля. Если от информотеки будет прок, незачем отправляться в такую...

— Прекрасно, — согласился Сет, зная, что корабельная информотека ничем помочь не сможет.

Под руководством Тагга поселенцы перенесли Сета на «шутиху» и устроились на ней сами.

Вновь оказавшись за консолью управления, Сет нажал кнопку СПРАВКИ.

— Дааа, сэррр, — проскрипел механизм.

— Что ты можешь сказать о надписи «Персус-9»?

Ровный гул. Затем — голос компьютера:

— Инфорррмации о Персусе-9 не имею.

— Будь он планетой, у тебя были бы сведения о нем?

— Дааа, если бы ими ррраспологало рруководство Межпланзапа.

— Спасибо. — Сет отключил СПРАВКИ. — У

меня было предчувствие, что здесь мы ничего не узнаем. Есть и другое предчувствие: тенч скажет нам все.

«Возможно, он для того и существует, чтобы ответить на этот вопрос», — произнес он мысленно.

— Я поведу корабль, — вызвался Тагг. — Ты серьезно ранен. Ложись.

— Куда я лягу? Тут яблоку негде упасть.

Поселенцы потеснились, и Сет с наслаждением перебрался на пол.

Повинуясь Таггу, «шутиха» ринулась в небо.

«Пилот-убийца, — вяло отметил Сет. — А рядом — убийца-врач. И моя жена — преступница». — Он закрыл глаза.

«Шутиха» летела на поиски тенча.

— Это здесь, — подал голос Фрейзер, следивший за экраном. — Сажай корабль.

— Пожалуйста, — добродушно откликнулся Тагг.

Стоило ему чуть пошевельнуть шаром-штурвалом, как «шутиха» резко пошла на снижение.

— Как думаете, нас заметили? — нервно спросил Бабл. — В Здании?

— Не исключено, — сказал Тагг.

— Не возвращаться же с пустыми руками, — поспешил вмешаться Сет.

— Это уж точно, — кивнул Тагг. — Но об этом и речи не идет. — Управление «шутихой» давалось ему легко. Корабль вышел из пике на пологую кривую, мягко опустился на землю и застыл.

— Помогите мне выйти, — попросил Сет, вставая. В голове гудело, как будто через мозг пропускали ток частотой шестьдесят герц.

«Это от страха, — подумал он. — Нервная дрожь. Рана тут ни при чем».

Его осторожно вывели из корабля на иссушенную, покрытую жесткой коркой землю. Тянуло гарью. Мэри остановилась и отвернулась от ветра, чтобы высморкаться.

— Где река? — спросил озираясь Сет.

Река исчезла.

«Мы прилетели куда-то не туда, — подумал он. — А может, тенч перебрался в другое место».

И тут он увидел тенча — до него было рукой подать. Существо ухитрилось почти полностью слиться с местностью.

«Как пустынная жаба, — отметил Сет, — которая зарывается в песок».

Бабл быстро писал на клочке бумаги. Закончив, протянул его Сету — на утверждение.

«Что такое «Персус-9»?

— Годится.

Бумажка прошлась по рукам, все кивком выразили согласие.

— Хорошо. — Сет постарался придать голосу твердость. — Положи перед тенчем.

Огромный шарообразный сгусток протоплазмы легка заколыхался, словно ощутив присутствие людей. Потом, когда перед ним положили листок, задрожал.

«Как будто хочет уползти от нас», — подумал Сет.

Тенч раскачивался взад и вперед, всем своим видом выражая смятение. Кое-где он даже потек.

«Что-то неладно, — осознал Сет. — В тот раз такого не было».

— Назад! — Бабл схватил Сета за здоровую руку и потащил прочь.

— Боже мой! — воскликнула Мэри. — Он делится!

Она повернулась и бросилась бежать под прикрытие «шутихи».

— Она права. — Фрейзер тоже отступил.

— Похоже, он вознамерился... — начал Бабл, но тут тенч испустил протяжный стон. Тварь колыхалась, меняя окраску; по серой луже, окружавшей ее, разбегались волны. Затем на глазах у ошеломленных поселенцев тенч стал делиться: сначала на двое, затем на четыре части. Спустя мгновение разделилась каждая четвертушка.

— Похоже, он рожает, — выкрикнул Фрейзер, перекрывая замогильный стон, который с каждым мигом звучал все громче и пронзительней.

— Нет, не рожает, — возразил Сет. — А просто разрывается. Мы убили его своим вопросом. Он знал ответ, и поэтому был уничтожен. Навсегда.

И тут тенч взорвался.

Некоторое время поселенцы не могли вымолвить ни слова. Просто стояли и смотрели на ошметки тенча. Желеобразную массу разбрызгало далеко вокруг. Наконец Сет сделал несколько шагов вперед; его спутники, отбежавшие к кораблю, робко возвращались — посмотреть на дело рук своих.

— Почему? — возбужденно спросила Мэри. — Почему от такого простенького вопроса...

— Это компьютер, — коротко ответил Сет, различивший среди желе детали электроники: провода, транзисторы, печатные платы, кристаллы, электронные схемы... Тысячи и тысячи деталей, рассыпанных по земле, как мелкое китайское печенье, которое еще называют «дамским». Да, восстановить тенча уже невозможно — интуиция говорила Сету, что конструкторы позаботились об этом.

— Выходит, он был неорганическим, — произнес ошеломленный Бабл. — А вы, Морли, ничего не подозревали?

— Было предчувствие, но ложное. Я думал, он единственное живое существо, способное нам ответить.

«Боже, как я ошибался!» — воскликнул Сет про себя.

— В одном ты прав, Морли, — вступил в разговор Фрейзер. — По всей видимости, этот вопрос ключевой. Но куда нам теперь идти?

Земля вокруг тенча дымилась — похоже, желеобразное вещество и компьютерные детали вступили друг с другом в экзотермическую реакцию. Дым выглядел зловеще. Сет вдруг — вроде бы ни с того, ни с сего — осознал серьезность ситуации.

«Да, — произнес он мысленно, — цепная реакция. Мы начали ее, но остановить не в силах. Как далеко она зайдет?»

Он помрачнел. От тенча по земле расползались черные трещины, в них пузырилась густая жидкость, которой истекала агонизирующая тварь. Откуда-то издали доносился глухой ритмичный звук, как будто взрыв пробудил кого-то огромного, злобного, омерзительного...

— Боже мой! — воскликнул потрясенный Фрейзер. — Морли, что ты наделал своим вопросом? — Он неуклюже, как разладившийся робот манипулятором, обвел вокруг себя рукой. — Тут все рушится!

Он был прав. Землю разрывало: еще немного, и негде будет стоять. «Шутиха»! — вспыхнуло в мозгу у Сета. — Скорее на борт!»

— Бабл! — хрипло выкрикнул он. — Возвращаемся на корабль!

Но Бабл исчез. Всматриваясь в клубы дыма, Сет не видел ни его, ни остальных.

«Они уже на корабле», — сообразил он и поспешно двинулся к «шутихе».

— Даже Мэри! Ублюдки!

Шатаясь, он добрался до открытого люка. Рядом, по земле, протянулась черная трещина; еще мгновение — и ее ширина достигла шести футов. Вправо и влево от нее, ветвясь, побежали трещины поуже. Секунда — и вот уже под ногами Сета бездна, в ее глубине кто-то шевелится. Огромная, безглазая, скользкая тварь корчится во мраке, источая зловоние и не обращая внимания на Сета.

— Бабл! — придушенно крикнул он и, превозмогая головокружение, шагнул к «шутихе».

Внутри — ни души.

«Один как перст», — подумал он.

«Шутиха» вдруг затряслась и накренилась, земля под ней вздыбилась. Заморосил дождь, на тело посыпались едкие капли — не вода, а какое-то другое, куда менее безвредное вещество. Капли жгли кожу. Цепляясь здоровой рукой, Сет ввалился в люк и некоторое время стоял, астматически дыша и кашляя. Куда подевались остальные? Ни единого следа... Он подполз к обзорному экрану. Снова корабль заходил ходуном, и Сет понял: его затягивает в бездну.

«Прочь отсюда! Скорее! Искать Мэри и остальных уже нет времени!»

Он включил двигатель, затем вцепился в шарштурвал, и «шутиха» с единственным пассажиром на борту метнулась в темное, угрюмое, несущее угрозу всему живому, небо. Сет слушал, как по корпусу лупит дождь.

«Странный дождь. Как кислота. А вдруг она разъест обшивку и уничтожит меня вместе с «шутихой»?»

Он уселся поудобнее и увеличил масштаб изображения на экране. Повращал камеру, одновременно выведя «шутиху» на круговой маршрут. На экране появилось Здание. Совсем рядом с ним бурлила вышедшая из берегов река; волны, желтые от взбаламученной грязи, лизали стену. Перед лицом последней опасности Здание перекинуло временный мост через реку. На мосту Сет увидел мужчин и женщин. Боже, какие они дряхлые! Белые, слабые, как измученные лабораторные мыши. Шаг за шагом они продвигались над кипящей бездной.

«Идут туда против воли, — догадался Сет. — Кто они?»

Всмотревшись в черты одной из старух, сгорбленной, испуганной, жалкой, он узнал собственную жену. Следом за ней семенила Сьюзи Смат... А вот доктор Бабл. Да, теперь Сет узнал их всех. Неда Рассела, Бена Толчифа, Глена Белснора, Уэйда Фрейзера, Бетти Джо Бем, Тони Дункельвельта, Игнаца Тагга, Мэгги Волхв, старого Берта Кеслера (он не изменился — все та же ходячая развалина), Роберту Рокингэм и, наконец, Мэри.

«Их захватил Разрушитель Формы, — сообразил Сет, — и превратил в старцев. И теперь они возвращаются туда, откуда пришли. Насовсем. Чтобы умереть там».

Корпус корабля вибрировал. Снова и снова раздавался лязг, как будто снаружи по обшивке стучали кувалдой. Сет поднял «шутиху» повыше, и скрежет утих.

«Что это было?» — подумал он, снова прикипая взглядом к экрану.

Здание рассыпалось. Обломки — пластик вперемешку с металлом — крутясь, взмывали вверх, словно подхваченные ураганным ветром. Хрупкий мост через реку обрушился, и те, кто по нему ступал, вместе с обломками полетели в ревущую грязную воду. И исчезли. Здание тоже погибло — старцы не нашли в нем спасения.

«Я один уцелел», — осознал Сет.

С горестным стоном он повернул штурвал. «Шутиха» сорвалась с налетанной траектории и по прямой понеслась к поселку.

Внезапно двигатель заглох. Теперь Сет не слышал ничего, кроме щелчков дождевых капель о корпус. «Шутиха» теряла высоту, падая по пологой кривой.

Смежив веки, он сказал себе: «Я сделал все, что мог. Держался до конца. Больше от меня ничего не зависит».

«Шутиха» ударилась и заскользила по земле. Сета сбросило с кресла на пол. От корпуса отлетело несколько секций обшивки, в пробоины хлынул едкий дождь. В мгновение ока Сет вымок до нитки. Разлепив горящие веки, он увидел на одежде прорехи с обугленными краями; ядовитое вещество пожирало его тело. Мысль об этом длилась долю секунды — казалось, время на борту «шутихи» остановилось. Корабль то катился, то скользил носом вперед по равнине. Сет не испытывал больше ни страха, ни горя, ни боли — ровным счетом ничего, как бы со стороны наблюдая за гибелью «шутихи» и своей собственной.

Наконец корабль замер, и наступила мертвая тишина, если не считать шума дождя. Сет лежал неподвижно, наполовину погребенный под обломками консоли управления и обзорного экрана.

«Господи! — подумал он. — Ничего не осталось. Того и гляди, земля разверзнется и проглотит «шутиху» вместе со мной. Но мне уже все равно, потому что я умираю. В пустоте, бессмыслице и одиночестве. Как и все, кто погиб до нашей последней встречи с тенчем. Заступник, заступись за меня. Займи мое место. Умри вместо меня».

Он ждал. И слышал только стук капель.

Глава 15

Глен Белснор снял с головы полиэнцефальный цилиндр, осторожно опустил его на пол и неуверенно поднялся на ноги. Потер лоб и испытал приступ боли.

«Плохо, — подумал он. — На сей раз мы оказались не на высоте».

Приковыляв в кают-компанию, он откупорил бутылку и наполнил чашку тепловатой водой. Порылся в карманах, нашел таблетку сильнодействующего анальгетика. Сунул в рот, запил глотком прошедшей многократную обработку жидкости.

В своих кабинках уже шевелились остальные. Уэйд Фрейзер стащил с головы цилиндр, а в нескольких кабинках от него вернулась к гомоэнцефальной жизни Сьюзи Смат.

Помогая Сьюзи освободиться от тяжелого цилиндра, Белснор услышал тонкий, жалобный стон.

«Сет Морли», — понял он.

— Погоди, — сказал он Сьюзи. — Я скоро вернусь.

Забыв о винтовом замке под подбородком, Игнац Тагг яростно вцепился в цилиндр, рванул... Замок сломался. Тагг уселся — глаза налиты кровью, на бледном худом лице — недовольство.

— Дай руку, — сказал ему Белснор. — Похоже, у Морли шок. Ты бы помог подняться доктору Баблу, а?

— С Морли все будет в порядке, — прошипел

Тагг, протирая глаза и кривясь, как будто его тошнило. — С ним всегда так.

— Но ему плохо. Должно быть, перенес очень тяжелую смерть.

Тагг встал и вяло кивнул:

— Как скажешь, капитан.

— Людям надо согреться, — продолжал Белснор. — Включи ближайший обогреватель на максимальную мощность. — Он склонился над лежащим ничком доктором Милтоном Баблом и скомандовал, снимая с него цилиндр: — Милт, подъем!

Постепенно приходили в себя другие члены экипажа. Усаживались. Стонали.

Глен Белснор заговорил во весь голос:

— С вами все в порядке. На сей раз мы потерпели фиаско, но нашему здоровью, как всегда, не причинено никакого вреда. Доктор Бабл сделает вам уколы для смягчения перехода из полиэнцефального слияния к нормальной гомоэнцефальной деятельности. — Выждав секунду, он повторил последнюю фразу.

— Мы на «Персусе-9»? — с дрожью в голосе спросил Сет.

— Ты снова на борту, Морли, — ответил Белснор. — Вернулся на «Персус-9». Помнишь свою смерть?

— Со мной было что-то ужасное, — пробормотал Сет.

— Да, тебя ранили в плечо, — уточнил Белснор.

— Нет, не это... Позже. После тенча. Помню, как я летел на «шутихе», как отказал двигатель и она разбилась... развалилась в воздухе. Меня не то разорвало, не то разъело. Но все время, пока «шутиха» пахала равнину, я был жив.

— Не жди от меня сочувствия, — проворчал Белснор. — Если уж на то пошло, меня самого прошили электрическим разрядом.

Длинные волосы Сьюзи были спутаны, из-под расстегнувшейся блузки озорно выглядывала правая грудь. Девушка осторожно коснулась затылка и поморщилась.

— Тебя пришибли камнем, — объяснил Белснор.

— За что? — Сьюзи никак не могла прийти в себя. — Что я такого сделала?

— Твоей вины тут нет. Очевидно, это был акт насилия, мы давали выход давно накопившейся агрессивности. — Капитан не без труда припомнил, как застрелил Тони Дункельвельта, самого молодого члена экипажа.

«Будем надеяться, он не слишком сердит на меня, — подумал он. — Да и с чего бы ему дуться? В конце концов, потакая собственной агрессивности, он прикончил Берта Кеслера.

Мы постепенно перебили друг друга, — подумал капитан. — Что ж, я надеюсь (и молюсь), что в следующий раз все будет иначе. Должно быть иначе. Хотя, похоже, как и в предыдущие сеансы слияния, эпизод с Дельмаком-0 помог нам избавиться от излишней враждебности».

Он обратился к Баблу, который неуверенно собирал разбросанную по полу одежду:

— Доктор, поторопись. Дай, кому что нужно. Анальгетиков, транквилизаторов, стимуляторов... Людям необходима твоя помощь. Но... — он наклонился к врачу поближе, — не вздумай давать им наркотики, вызывающие привыкание. Я тебя уже предупреждал.

Бабл сгорбился над Бетти.

— Миссис Бем, вам нужна химико-терапевтическая помощь?

— Мне... Нет, думаю, обойдусь. — Бетти уселась с гримасой боли и вымученно улыбнулась. — Я утонула. О-хо-хо! — На усталом лице «колесницы» отразилось облегчение.

Негромко, с мягкой настойчивостью в голосе, Белснор обратился ко всем:

— Как это ни досадно, нам придется отказаться от помощи этого устройства. Уж очень неприятны побочные эффекты.

— Зато терапевтическая польза велика. — Дрожащей рукой Фрейзер поднес к трубке зажигалку. — С точки зрения психиатрии.

— Оно вышло из повиновения, — возразила Сьюзи.

— Что допускалось заранее. — Бабл обходил космонавтов, помогая подняться, давая им препараты, которые они просили. — Мы называем это тотальным катарсисом. Агрессивности, переходящей от человека к человеку, на борту изрядно поубавилось.

— Надеюсь, от агрессивности по отношению ко мне ты избавился, — сказал врачу Бен Толчиф. Его глаза вспыхнули. — Если вспомнить, как ты меня...

— Это корабль, — шепотом повторил Сет.

— Совершенно верно, — с оттенком иронии в голосе произнес Белснор.

— О чем ты забыл на этот раз? Может, прочесть лекцию? — Он подождал, но Сет помалкивал — похоже, еще не оправился от шока. — Дай ему что-нибудь из амфетаминов, — велел капитан Баблу, — чтобы поскорее очухался.

«С Морли всегда так, — подумал он, — приспосабливаемость к замене корабельного быта полиэнцефально-детерминированной реальностью — почти нулевая».

— Ничего, со мной все в порядке. — Морли устало закрыл глаза.

Кое-как поднявшись на ноги, Мэри приблизилась к нему, опустилась рядом на койку и положила изящную руку на его плечо. Вспомнив о ране, он отодвинулся... и обнаружил, что боль, как ни странно, исчезла. Он бережно коснулся плеча. Здоровехонькое — ни пулевого отверстия, ни сочащейся крови.

«Непостижимо. Хотя, насколько я помню, так было всегда».

— Дать чего-нибудь? — спросила жена.

— А ты как себя чувствуешь?

— Нормально.

— За что ты убила Сьюзи? Ладно, пустяки, — поспешно произнес он, видя гримасу злобы на ее лице. — Не знаю, почему, но меня очень тревожат эти убийства. Чтобы сразу столько смертей... Просто кошмар какой-то. Надо было установить психопредохранитель, чтобы после первого же убийства машина отключилась.

— Слышал, что сказал Фрейзер? — спросила Мэри. — Это было необходимо, между нами накопилось слишком много злобы.

«Теперь я понимаю, почему взорвался тенч, когда мы спросили, что такое «Персус-9», — подумал Сет, — и почему с ним рухнула вся психоконструкция».

Просторная, слишком хорошо знакомая рубка настойчиво протискивалась в сознание. При виде нее Сет ощутил гнетущий страх. Этот мир был для него куда менее приятен, чем... Как бишь его... Дельмак-0.

«Да, точно, — припомнил он. — Мы взяли произвольную комбинацию из нескольких букв, выданных бортовым компьютером... Смоделиро-

вали некую реальность и погрузились в нее. Волнующее развлечение, обернувшееся массовым убийством. Приключение, которого не пережил никто».

Он глянул на ручные часы. Календарик показывал, что в полиэнцефальном слиянии минуло двадцать дней. Целых двадцать суток реального времени уместились в полиэнцефальные сутки с небольшим. Правда, не было восьми лет в Текеле Упарсине, а были всего лишь искусственные воспоминания, внедренные в мозг в самом начале слияния, чтобы придать приключениям достоверность.

«Что же мы еще получили? — устало подумал Сет. — Идеальную религию, вот что».

Они ввели в бортовой компьютер «ТЕНЧ 889Б» все, что знали о самых распространенных религиях: христианстве, иудаизме, магометанстве, зороастризме, тибетском буддизме... Иэ этой мешанины данных «ТЕНЧ 889Б» извлек все необходимое для синтеза цельной теософской доктрины.

«Да, это мы их создали, — подумал Сет в замешательстве. — Заступника, Промыслителя, Сошедшего-на-Землю... Даже свирепого Разрушителя Формы. Квинтэссенция общения человека с Богом, громоздкое логическое построение, китайская головоломка, сложенная компьютером из введенных в него постулатов... В частности, из постулата существования Бога. И Спектовский...»

Сет закрыл глаза, вспоминая.

Спектовский был первым капитаном корабля. Погиб при аварии, оставив команду совершенно беспомощной. Создание им галактического Священного Писания не более чем любезный жест «ТЕНЧА 889Б». Это он сделал всеми уважаемого капитана творцом религии, которая легла в основу последнего мира.

Благоговение экипажа перед Спектовским было аккуратно перенесено на почву Дельмака. Потому что Спектовский являлся в некотором смысле богом — его влияние на жизнь команды было сродни божественному. Да, этот штрих придал сотворенному миру правдоподобие, поскольку идеально соответствовал их суевериям.

«Полиэнцефальный разум, — размышлял Сет. — Изначально — игрушка, развлекавшая нас в двадцатилетнем полете, помогавшая на время уйти от действительности. Но путешествие не закончится на двадцатый год. Оно будет длиться до тех пор, пока не умрет вся команда. И никто из нас не в силах предугадать, когда, где и как это случится с конкретным членом экипажа. Никто даже не думает об этом, и легко понять, почему: жизнь на борту для каждого давно превратилась в кошмар.

Мы бы выдержали двадцать лет, если бы знали, что путешествию придет конец. Эта мысль поддерживала бы в нас здравый рассудок и жизнь. Но случилась авария, и теперь «Персус-9» будет вечно летать вокруг погасшей звезды. Бортовой радиопередатчик безнадежно испорчен, у нас осталось одно-единственное лекарство от сумасшествия — эскапистская игра, одна из тех, что так широко распространены на космических кораблях дальнего следования.

Вот что на самом деле нас тревожит, — осознал Сет. — Угроза поочередно скользнуть в бездну психоза. Оставшиеся с каждой потерей будут все дальше от человечества и от всего, что с ним связано.

Боже! — воскликнул он про себя. — Как бы мне хотелось вернуться на Альфа Центавра! Если бы только...».

Но думать об этом не имело смысла.

— Не верится, что мы сами создали религию Спектовского, — сказал Толчиф, бортмеханик. — Ведь она оказалась такой реальной... Такой безупречной.

— Еще бы, ведь она в основном разработана компьютером.

— Но главная идея принадлежит нам. — Тони не сводил с капитана обвиняющего взгляда. — А ведь в этот раз ты меня убил! — заявил он.

— Мы ненавидели друг друга, — сказал Белснор. — Я — тебя, ты — меня. Во всяком случае, так было до Дельмака. — Он повернулся к Фрейзеру. — Наверное, ты прав. Я уже не испытываю раздражения. — И мрачно добавил: — Но через неделю-другую оно вернется.

— Неужели мы и правда так ненавидим друг друга? — спросила Сьюзи.

— Да, — кивнул Фрейзер.

Тагг и доктор Бабл помогли престарелой миссис Рокингэм подняться на ноги. Ее морщинистые щеки порозовели.

— Дорогие мои, — прохрипела она, — это просто ужасно! Какое жуткое место! Надеюсь, мы туда никогда не вернемся. — Шаркая, она приблизилась к Белснору и вцепилась в его рукав. — Правда, нам не придется пережить это еще раз? Честное слово, на нашем корабле куда лучше, чем на этой отвратительной, дикой планете...

— На Дельмак мы не вернемся, — пообещал Белснор.

— Слава тебе, Господи. — С помощью Тагга и Фрейзера миссис Рокингэм уселась. — Как это любезно с вашей стороны! Мистер Морли, нельзя ли кофе?

— Кофе? — эхом отозвался Сет, только сейчас вспомнив, что он кок, и все драгоценные пищевые продукты, в том числе кофе, чай и молоко, в его ведении. — Пойду включу кофеварку. На камбузе он насыпал в кофеварку несколько столовых ложек бурого порошка и отметил, как отмечал неоднократно, что запас кофе тает. Еще несколько месяцев, и команда останется без этого напитка.

«Но сейчас без кофе не обойтись, — подумал он. — Мы получили очень сильную встряску. Как никогда».

— Что такое Здание? — спросила, войдя в камбуз, Мэри.

— Здание? — Он наполнил кофеварку водой. — Это завод Боинга на Проксиме-10. Там построен наш корабль. И мы там сели на борт, помнишь? Шестнадцать месяцев обучались у Боинга, проверяли корабельные системы, грузили все необходимое — короче, готовили «Персус-9» к полету.

Мэри поежилась.

— А люди в черной коже?

— Не знаю.

В дверях появился Нед Рассел, представитель военной полиции на корабле.

— На этот вопрос могу ответить я. Стража в черных мундирах — символ желания сломать систему и начать все сызнова. А управляли стражниками мысли «погибших».

— Да что ты говоришь? — язвительно отозвалась Мэри.

— Полегче. — Сет обнял ее за плечи.

С самого начала команда не поладила с Расселом. Впрочем, учитывая его профессию, этого следовало ожидать.

— Рассел, в один прекрасный день ты попытаешься захватить корабль, — сказала Мэри. — Отнять власть у капитана Белснора.

— Нет, — спокойно возразил Рассел. — Меня интересует только сохранение мира и порядка. Это моя работа, и я сделаю все, что от меня зависит. И неважно, нравится это остальным или нет.

— Как бы мне хотелось, — заговорил Сет, — чтобы Заступник действительно существовал! — Ему все еще не верилось, что они сами создали вероучение Спектовского. — В Текеле Упарсине Сошедший-на-Землю выглядел совершенно реальным. Он и сейчас...

— Потому-то мы и создали религию, — назидательно произнес Рассел, — что нуждались в ней. Ибо не имели самого необходимого. Но теперь, Морли, мы вернулись в действительность и снова должны смотреть правде в глаза. Это не слишком приятно, правда?

— Правда, — буркнул Сет.

— А тебе хотелось бы вернуться на Дельмак?

Помолчав, Сет ответил:

— Да.

— И мне, — помедлив, сказала Мэри.

— Боюсь, и мне тоже, — вздохнул Рассел. — Как бы плохо там ни было, каких бы бед мы ни натворили... Но там, по крайней мере, у нас оставалась надежда. А здесь, на корабле... — Он конвульсивно, яростно рубанул рукой воздух. — Никакой надежды! Ничего! Рано или поздно мы состаримся, как Роберта Рокингэм, и умрем!

— Миссис Рокингэм повезло, — с горечью произнесла Мэри.

— Еще как повезло. — Лицо Рассела побагровело от бессильного гнева и муки.

Глава 16

В этот вечер после ужина они собрались на мостике. Наступило время придумывать новый полиэнцефальный мир. Для его создания требовалось участие каждого, иначе бы этот мир скоро разрушился, как Дельмак в финале своего существования.

За пятнадцать лет все члены экипажа достигли в этой игре мастерства. Особенно Тони Дункельвельт. Ему было восемнадцать, почти вся жизнь прошла на борту «Персуса-9». Полиэнцефальная иллюзия стала для него второй реальностью.

— А ведь результат не так уж плох, — заключил Белснор. — Мы убили почти три недели.

— Как насчет планеты-океана? — спросила Мэри. — Мы могли бы стать дельфиноподобными млекопитающими в теплых морях.

— Уже было, — сказал Рассел. — Месяцев восемь назад. Неужели забыли? Дайте взглянуть... да. Мы назвали планету Аквасомой-3 и провели на ней три месяца реального времени. Очень удачный мир, я бы сказал, один из самых сносных. После него мы были не такими агрессивными...

— Кроме меня. — Сет встал и вышел из рубки в тесный коридор.

Некоторое время он простоял в одиночестве, потирая плечо. В нем тлела психосоматическая боль — напоминание о Дельмаке.

«Через неделю исчезнет, — подумал он. — Вот и все, что оставил нам этот мир. Боль и быстро уходящие воспоминания.

А как насчет мира, где мы — спокойные, мертвые — лежали бы в гробах? Ведь, по существу, именно это нам и нужно».

Последние четыре года обошлись без самоубийств. Численность населения корабля стабилизировалась, по крайней мере, на какое-то время.

«До смерти миссис Рокингэм, — сказал себе Сет. — Как бы мне хотелось уйти вместе с ней! И вообще, сколько мы еще продержимся? Недолго. У Тагга с мозгами не в порядке, да и у Фрейзера... И у Бабла. И у меня. Наверное, я тоже потихоньку слетаю с катушек. Фрейзер прав: убийства на Дельмаке показывают степень нашей взаимной ненависти...нашего психического нездоровья. А значит, каждый последующий мир будет все более жесток. На Дельмаке мы упустили из виду смерть миссис Рокингэм. Потому что эта женщина — самая достойная и нормальная из нас. Ибо знает, что скоро ей предстоит умереть.

Да. Смерть. Наше единственное утешение.

Можно открыть какой-нибудь люк, и корабль лишится воздуха. Его высосет космос. И тогда все мы умрем. Быстро, в одно мгновение».

Он положил ладонь на аварийный замок ближайшего люка. Но ничего не сделал. При одной мысли о том, что он способен на такое, в жилах у Сета застыла кровь. Казалось, на борту остановилось время. Все вокруг выглядело двухмерным.

По коридору со стороны кормы к нему приближался человек в просторном светлом одеянии. Моложавый, стройный, с курчавой бородкой на румяном лице.

— Сошедший, — пробормотал Сет.

— Нет, — ответил незнакомец. — Я не Сошедший-на-Землю. Я — Заступник.

— Но ведь это мы тебя придумали! Мы и «ТЕНЧ-889Б».

— Я пришел за тобой. Куда бы ты хотел пойти, Сет Морли? Кем бы хотел стать?

— Ты имеешь в виду иллюзию? Вроде нашего полиэнцефального мира?

— Нет. — Заступник отрицательно покачал головой. — Я имею в виду свободу — смерть и возрождение в мире, который тебе подойдет. Назови тот мир, и я отведу тебя туда.

— Ты не хочешь, чтобы я открыл люк и убил остальных? — догадался Сет.

Заступник кивнул.

— Жить им или умереть — пусть решают сами. Ты можешь решать только за себя.

— Я хочу быть растением в пустыне, — сказал Сет. — Целыми днями видеть солнце. И расти. Пожалуй, неплохо бы родиться кактусом на теплой планете. И чтоб меня никто не трогал.

— Да будет так.

— Спать, — продолжал Сет. — Я хочу спать, но вместе с тем ощущать солнце и не забывать о себе.

— Так и живут растения, — кивнул Заступник. — Они дремлют, но сознают, что существуют. Ну что ж. — Он протянул Сету руку. — В путь.

Сет коснулся ладони Заступника и, как только сильные пальцы сомкнулись, испытал счастье. Никогда в жизни ему не было так хорошо.

— Ты будешь жить и спать тысячу лет, — пообещал Заступник и прямо из корабельного коридора понес Сета к звездам.

— Капитан, я не могу найти мужа. — Перепуганная Мэри чувствовала, как по щекам текут слезы. — Он исчез!

— В каком смысле? Его что, нет на борту? Чепуха! Чтобы выйти в космос, надо открыть люк. Если бы это случилось, мы бы уже задохнулись.

— Я знаю, — всхлипнула Мэри.

— Значит, он где-то здесь. Вот продумаем как следует новый полиэнцефальный мир и найдем его.

— Нет! — воскликнула она. — Сейчас!

— Потом! — отрезал Белснор.

Она повернулась и пошла прочь.

— Вернись! Ты нам понадобишься.

— Не вернусь. — Она покинула рубку и прошла тесным коридором в камбуз.

«Наверное, он исчез отсюда, — подумала Мэри. — Здесь он проводил почти все время. Такое чувство, будто он и сейчас рядом».

Сгорбившись на табурете в крошечном отсеке камбуза, она слушала голоса из рубки. Постепенно они затихли: наступило полиэнцефальное слияние.

«На сей раз — без меня, — подумала она. — Надеюсь, им сейчас хорошо. Впервые в жизни я не с ними. Вышла из игры. Что теперь делать? Куда идти?

Я одна. Сет ушел... Все ушли. А самой, без их помощи, мне никуда не уйти».

Она потихоньку вернулась в рубку. Там лежала вся команда: каждый в своей кабинке, от цилиндра на голове и верхней части туловища тянется множество проводов. Без дела только цилиндр Мэри... и Сета.

Мэри дрожала.

«Что они на этот раз ввели в программу? Какие были идеи и что извлек из них «ТЕНЧ-889Б»? Как выглядит этот новый мир?»

Она осмотрела панель тихо гудящего компьютера. Из всей команды с ним умел обращаться только Белснор. Конечно, Мэри могла вызвать данные на дисплей, но расшифровать их ей было не по силам.

Она решилась.

«Наверно, там неплохо, — сказала она себе. — Все-таки мы набрались опыта, стали настоящими мастерами... Да, этот мир ничем не будет напоминать те недавние кошмары.

Это правда, что агрессивность растет и убийств стало больше. Но ведь эти убийства не настоящие. Такая же иллюзия, как убийства во сне.

И все-таки — как легко они происходят! Как просто оказалось убить Сьюзи!»

Она легла на койку своей личной кабинки, включила систему жизнеобеспечения, затем с облегчением надела на голову и плечи цилиндр. В ушах зазвучал модулированный гул. Как часто за эти долгие, тоскливые годы слышала она этот успокаивающий звук!

Вокруг сгущалась тьма. Мэри вдыхала ее, принимала в себя, призывала... Наступила ночь. Теперь Мэри хотела света — хотела, чтобы поскорей пришел день, явив ее взору новый, незнакомый мир.

«Кто я ?» — подумала она, позабыв о «Персусе-9», об исчезновении Сета, о бессмысленной жизни в западне. Воспоминания были сброшены, как ненужная ноша. Мэри могла думать только о наступающем дне. Поднеся запястье к глазам, она попыталась различить циферблат часов. Но часы не шли. Она ничего не видела.

Вскоре ей удалось разглядеть звезды — пятнышки света, то и дело исчезающие за ночными облаками.

— Миссис Морли, — раздался недовольный мужской голос.

Она открыла глаза. Сон как рукой сняло. К ней с кипой официального вида бумаг приближался Фред Госсим, главный инженер кибуца Текела Упарсина. — Вас переводят. — Он протянул бумаги Мэри. — Колония на планете... — Он помолчал, морща лоб. — Дельмар.

— Дельмак-0, — поправила Мэри, пробегая глазами направление. — Да, я полечу туда на нозере.

«Интересно, что за планета такая — Дельмак? Впервые слышу».

В ней неожиданно проснулось любопытство.

— А Сет тоже летит?

— Сет? — Госсим поднял бровь. — Какой еще Сет?

Она засмеялась.

— Отличный вопрос. Я не знаю. Думаю, это неважно. Я так рада!..

— Давайте не будем, — оборвал ее Госсим в обычной своей грубой манере. — Насколько я понимаю, вы бросаете свои обязанности.

Он повернулся и пошел прочь.

«Новая жизнь, — сказала себе Мэри. — Новые впечатления и ощущения. Интересно, понравится ли мне на Дельмаке-0? Конечно, понравится!»

Пританцовывая, она побежала к своей квартире в центральном здании кибуца — укладывать багаж.

Перевел с английского
Геннадий КОРЧАГИН

Юрий
Башин,
*лен-корреспондент
Международной академии
энергоинформационных наук*

ЭКОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

***ак отличить
ллюзию
т реальности?
ак за кажущимся
взглядеть
ействительное?
ак выйти за рамки
авязанной роли,
оторая исподволь,
езаметно
одменяет
стинные
риоритеты
ценности
еловека?
о мнению
ице-президента
еждународной
кадемии человека,
ектора
нститута
нформационного
енеджмента
О.Башина,
та проблема,
опровождающая
еловечество
древних
ремен,
эйчас,
а рубеже веков,
риобрела
толь угрожающие
чертания,
то необходимо
ащищать
же не только
реду обитания,
о само сознание
еловека.***

Ныне появилась реальная угроза того, что «человек думающий» исчезнет с лица планеты, а его место займет «человек, потребляющий информацию». Он будет очень быстро эволюционировать, пока окончательно не превратится в полностью управляемое существо, духовного иждивенца. Причем, если сравнивать динамику и мощность развития двух процессов, а именно — биологическую и психическую угрозы, станет ясно, что экология сознания, как и экология жизни человека, — проблемы сегодняшнего дня.

Во-первых, постоянный контроль общественности над применением психотропных средств и разработкой психотронного оружия, во-вторых, активная позиция средств мвссовой информации, борьба против оглупления людей, в-третьих, самостоятельная, обязательная для каждого человека практика сохранания и развития сознания. Индивидуальная практика развития сознания — это динамический процесс критического усвоения понятий, категорий и отношений, вырабатываемых обществом, и творческого создания индивидуализированных понятий и отношений.

Способен ли сам человек обеспечить собственную «экологическую безопасность»? Для того чтобы отличить истину от ее подобия, собственное понимание ситуации от агрессивно внедряемых в сознание штампов, для того чтобы хотя бы просто понять собеседника, необходимо научиться пользоваться и рациональным, и интуитивным началом, заложенным в каждом.

В какой-то степени первому обучает логика. Приведем несколько методических приемов, созданных на основе рекомендаций известного русского логика С.И.Поварнина. Конечно, в рамках журнальной статьи невозможно подробно представить методологию экологии сознания, которая отнюдь не сводится только к использованию законов логики. Мы ограничимся простейшими, но важнейшими приемами.

Прием первый. Конкратизация тезиса.

Любое рассуждение должно начинаться с выяснения тезиса доказательства. В процессе дискуссии он либо оправдывается, либо опровергается. Таким образом, тезис — это спорная мысль, но слова, в которые она облечена, вполне отчетливы и понятны. Если же они неясны, то необходимо уточнение понятий.

Например, тезис утверждает: «Люди злы». Но что имеет в виду автор тезиса — все люди злы или только некоторые? Насколько истинен или ложен рассматриваемый тезис: несомненно истинный, несомненно ложный или вероятный? Скажем, тезис утверждает: «Капитализм — благо». (Выяснение степени истинности этого тезиса предоставляем читателю).

Прием второй. Доказательство тезиса.

Тезис всегда доказывается, для этого приводятся доводы, из коих аытекает истинность или ложность тезиса. Они должны казаться верными не только нам, но и нашим оппонентам. Например, тезис утверждает: «Эта идея истинна». Довод: «Автор готов принести себя в жертву, защищая свою идею». Позиция автора, быть может, благородна, но она соааршенно не связана с доказательством истинности тезиса. Если конструкция парашюта неудачна, то он не раскроется, даже если его изобретатель сам воспользуется им. Доказательством истинности этой идеи будет эксперимент, а не личное мужество ее автора.

Прием третий. Выявление ошибок в доказательствах.

В доказательствах наиболее часто встречаются ошибки трех видов: подмена тезиса, ложный (произвольный) довод, ошибка в рассуждении (из довода не следует тезис). Например, если человек пытается доказать несостоятельность некоего политического движения, а рассуждает о том, что в него вошли несимпатичные люди, — налицо подмена тезиса.

Начиная работать над своим сознанием, человек нередко хочет ответить на два вопроса: что такое и как это — «мыслить»?

Представим работу мысли как движение в некотором аоображаемом пространстве ЛОГИКИ РАССУЖДЕНИЙ от точки А к точке В. В точке А у нас находится исходный тезис, а в точке В — уже доказанный нами. Движение а пространстве ЛОГИКИ РАССУЖДЕНИЙ состоит из понимания цели и определения препятствий на пути к ней, выбора тактики их преодоления. Для осознания того, что происходит движение мысли, надо найти пункт разногласия. Например, вам сообщают, что жизнь народа улучшается. Возможные пункты разногласия: «Жизнь народа не улучшается» и «Улучшается жизнь не всего народа».

Пункт разногласия — это точка начала движения мысли. Его цель — формулирование своего мнения по пункту разногласия. В противовес тезису противника формулируется антитезис.

Понимать принципы движения в пространстве ЛОГИКИ РАССУЖДЕНИЙ значит сознавать, что тезис и антитезис должны быть по возможности простыми, а пункт разногласия следует аыбирать весьма тщательно и отталкиваться от него в процессе осмысления ситуации. Обоснование ложности доказательства не является доказательством ложности мысли. Из недоказанности обвинения не следует, что подсудимый не виноаен. В споре из-за истинности доказательства антитезис не играет никакой роли.

Рассмотрим теперь условия, возникающие на пути движения в про-

странстве ЛОГИКИ РАССУЖДЕНИЙ.

Комфортные условия: минимум неясных препятствий или сосредоточенный спор, в процессе которого оппоненты имеют в виду все время один и тот же тезис. Это спор ради истины, не для удовлетворения собственных амбиций.

Сложные условия: максимум неясных препятствий, тезис определен очень нечетко, доводы путаются, пункты разногласий меняются, количество участников больше двух, вмешиваются болельщики и т.п.

Рассматривая экологию сознания, необходимо выяснить мотивы движения в ЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. Если тезис выдвигается ради выяснения истины, то это благородный мотив, если ради убеждения, например, обучения, воспитания, власти, победы и т.п., то здесь следует опасаться обмана, затуманивания сознания ложными знаниями.

Целью движения в ЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ является получение информации о том, как противник понимает спорный тезис (следует выяснить может быть, он невежда, грубиян или просто глупец), опровержение его мыслей, оправдание своих.

Доводы как средство движения в ЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ разделяются на три группы: на самые сильные, убеждающие нас, — доводы для себя, на самые сильные, убеждающие противника нашей позиции, — доводы для оппонента и наконец, убеждающие окружающих, доводы для слушателей.

С позиции экологии своего сознания надо представлять себя слушателем. Возьмем следующую ситуацию: нас настойчиво пытаются в чем-то убедить. Надо уметь, во-первых, слушать противника, во-вторых, выделять и облекать в краткую форму все его доводы, в-третьих, разбить каждый его довод.

В целом, используя логику для ориентации в мире, надо помнить, что ложная мысль в большинстве случаев ложна лишь отчасти, а истина содержит примесь заблуждения; чем меньше убежденность построена на рассуждениях, тем более она крепка; склонность к слепой уверенности — свойство неразвитого, как правило, молодого ума; жизнь и развитие человеческого знания — борьба мнений, верований, убеждений. Отсутствие этой борьбы — смерть умственной жизни; истинная победа знания происходит, когда отдается должное той доле истины, которая заключена в каждом мнении.

Мы рассмотрели некоторые простейшие логические приемы и рекомендации, которыми можно воспользоваться при вербальном(словесном) взаимодействии. Однако оно не ограничивается рассуждениями, и не только потому, что здесь очень силен эмоциональный аспект, но и потому, что слова имеют как атомарный (общеупотребительный) так и континуальный «ассоциативный» смысл (например, у слова «шевелить» смысл явно атомарный, а у выражения «шевелить мозгами» — континуальный). Логическое мышление — это оперирование словами с атомарным смыслом, однако осмысливание логических конструкций происходит на континуальном уровне.

Слово представляет собой кодовое обозначение смыслового поля и некоторое неясное описание этого поля, данное через другие кодовые обозначения. Все многообразие смыслового содержания остается скрытым, так как всегда можно придумать фразу, которая иначе, чем это было ранее, раскрывает смысл слова.

Мышление существенно континуально, особенно, когда человек оперирует такими понятиями, как вечность, бесконечность, любовь, счастье, радость, вера, надежда и т.д.

Искусство развивает континуальную составляющую мышления и поэтому нам не должно быть безразлично, какое искусство в настоящее время «принадлежит народу», так как взаимодействие людей, особенно «не испорченных» образованием, существенно континуально. Одной из составляющих мышления является общение человека с самим собой. Например, открытие — это неожиданно пришедшее решение поставленной задачи.

Любое понимание мы можем разделить на формальное — ясны только детали — и системное, когда ощущается целое, и из него выводятся следствия.

Призыв к молчанию как средство познания самого себя и мира — это непосредственное обращение к континуальному мышлению в его чистом виде. «Где говорящий промолчит, там немой скажет». Техника медитации — умение управлять континуальным мышлением без обращения к языковым средствам. Объектом управления является свободно текущий, логически неупорядоченный поток мысли. Медитация представляет собой —для подготовленных людей — великолепное средство управления этим не осознаваемым до конца потоком мысли.

Известной практикой разаития интуитивного разума, используемой «дзен», являются коаны. Коан — это предлагаемая искателю истины парадоксальная задача, которая не может быть решена при помощи интеллекта. Практика коанов требует самоотверженной работы. Работу над коаном сравнивают с прыжком в бездонную пропасть сознания, в которой искатель истины, быть может, найдет ответ.

Примеры коанов (из книги «Железная флейта»):

1. Я беру то, что не могу унести, и уношу то, что не могу взять.

2. Я люблю то, что не могу целовать, и целую то, что не могу любить.

3. Я говорю о том, что не могу понять, и понимвю то, о чем не могу говорить.

4. Что верно однажды, неверно всегда, что верно всегда, неверно однажды.

И классическая медитация, и коаны весьма трудны для начинающих, поэтому мы разработали и уже в течение ряда лет успешно применяем новый метод, названный нами методом структурной медитации, который, используя традиции различных школ духовного развития, постепенно активизирует сознание практикующего. Вот типичное упражнение этого метода: поразмышлять над следующим изречением — «С помощью освоенных нами понятий мы защищаемся от мира, с помощью навязываемых представлений общество защищается от нас».

Говоря об экологии сознания, нельзя не упомянуть о так называемом управлении психикой, в результате которого человек, помимо собственной воли и сознания, совершает какие-то поступки, подчиняясь внешнему воздействию.

Можно ли его обнаружить и как от него защититься?

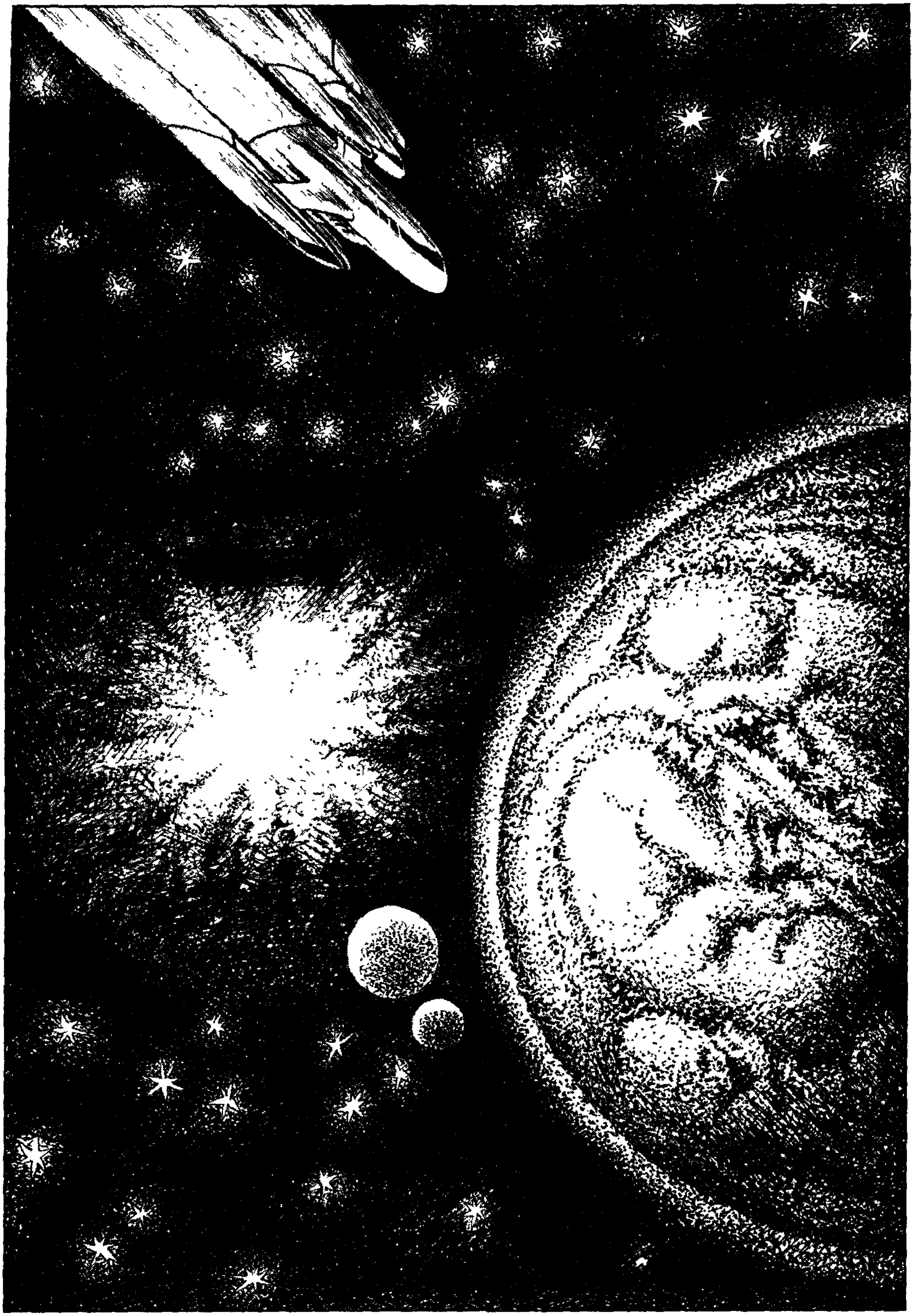
Человек познает мир через видимое, слышимое, обоняемое, вкусовое, осязаемое и сверхчувственное восприятие (восприятие слабых сигналов). Оно происходит в особых условиях, когда сильные сигналы отсутствуют или блокируются центральной нервной системой и не воспринимаются человеком как информация. Слабые сигналы воздействуют на подсознание (например, эффект дополнительного кадрв в кино) и могут через какое-то время повлиять на его сознание. Необходимо постоянно оценивать причины появления того или иного желания, и если желание очень нелогично, то обстоятельства его возникновения, возможно, позволят понять, как оно появилось. Именно поэтому человеку нужно заниматься экологией сознания, то есть учиться ощущать и понимать каждое конкретное взаимодействие между его внутренним «я» и внешним миром.

«Когда песчинка мыслит о Вселенной, она в себя Вселенную вмещает, и больше Космоса становится песчинка».

Но мышление должно быть правильным, сознание незатуманенным, иначе вместо улучшения здоровья и повышения содержательности внутренней жизни мы получим деградацию, а что отнимает Бог, когда хочет наказать, наверное, известно каждому.

«Сон разума рождает чудовищ»? К сожалению, мы порой сами погружаемся в этот сон, позволяя интеллекту размениваться на мелкие мыслишки, замыкаясь в серой повседневности и полностью забывая о неустанной необходимости поисков выхода на глобальные, вселенские проблемы, о подъеме к высоким целям — истинным призваниям Homo sapiens».

Бертран Рассел

Вернор Виндж

Дело всей жизни

Ее назвали Ильзой, и из всех земных созданий ей была уготована самая долгая, возможно, вечная жизнь. Средняя продолжительность жизни черепахи — триста лет, секвойи — шесть тысяч, а расчетное время осознанной жизнедеятельности Ильзы превышало десять тысяч лет. Хотя мозг Ильзы изготовили из железа, германия и мышьяка, а сердце представляло собой облачко водородной плазмы, она была задумана как земное существо — могла чувствовать, фиксировать и сохранять в памяти события и факты, ориентироваться в обстоятельствах, она была способна, как выяснилось незадолго до окончания полета, даже забывать.

Первое впечатление Ильзы было хотя и непродолжительным (не более пятнадцати секунд), но столь ярким, что врезалось ей в память и оставалось там вплоть до последних дней. Кто-то, видимо, случайно, включил ее сознание. Снаружи была ночь. Ее ракетоноситель, освещенный дюжиной мощных прожекторов, готовился к старту. Острый глаз Ильзы быстро обежал линию горизонта. К северу вытянулись в ряд тридцать пусковых площадок, на некоторых тоже стоят ракетоносители, но ни под одним из них не наблюдается такого сияния, как под ракетой Ильзы; в трехстах метрах к западу горит множество огней, брызжет искрами сварка; на востоке о береговую линию острова Меррит мерно бьются фосфорические валы прибоя. На этом первое воспоминание Ильзы обрывается.

В следующий раз Ильза пришла в сознание уже на околоземной орбите. Единственный ее глаз оказался присоединенным к телескопу с полутораметровым зеркалом, и теперь она могла отчетливо различить звезды величиной даже менее, чем в одну десятую угловой секунды, или, глядя прямо вниз, сосчитать гусей в стае на расстоянии двухсот километров от себя. На этой орбите Ильза провела более года, но бездельничать ей не позволили — создатели использовали это время для ее обучения и тестирования.

Вскоре после начала обучения Ильза с удивлением обнаружила у себя кроме оперативной и постоянной еще и программную память на кристалле — целую библиотеку сведений и прикладных программ. Поиск нужного поначалу представлялся Ильзе труднейшей задачей, но вскоре она уже выбирала из сонма информации требующиеся сведения, а затем придавала им необходимую конфигурацию. На этом ее обучение закончилось, и она впервые оказалась предоставлена самой себе.

Ничего не зная о своем основном задании, она тем не менее старалась собрать побольше информации об окружающем мире. Большую часть светлого времени суток она визуально изучала Землю под собой и пыталась отыскать в хаосе голубого, зеленого и белого какую-либо закономерность. Она легко прослеживала траектории грузовых ракет, взлетающих острова Меррит и ложащихся затем на стационарные орбиты рядом с ней. Когда около нее скопилось более сотни таких грузовозов, люди в скафандрах скрепили между собой их корпуса: белые цилиндры и собственное двенадцатиметровое тело Ильзы оказалось внедренным в сложную, раскинувшуюся на двести метров вокруг, систему цилиндров, балок и рам. Память на кристалле сообщила Ильзе о том, что ее полная масса теперь составляет 22.563.901 тонну — больше, чем у самого огромного океанского лайнера, а пробный запуск двигателей коррекции широты подтвердил достоверность этой информации.

Затем создатели Ильзы присоединили ее органы чувств к контрольно-измерительной аппаратуре и механизмам управления. Ей словно дали новое тело, и она смогла чувствовать, видеть и использовать каждый из сотен топливных баков и каждый из пятнадцати ядерных реакторов, входящих в ее конструкцию. Она была готова к любому из тех маневров, которые рассчитывала во время обучения.

* * *

Наконец наступила великая минута. С обитаемого спутника по лазерной связи пришли данные о параметрах предстоящего полета, по ним Ильза быстро рассчитала траекторию.

С двухсоткилометровой высоты Ильза своим единственным глазом видела на туманном горизонте приближающийся край Северо-Американского континента, гладь Тихого океана. С обитаемого спутника поступила команда на включение зажигания, Ильза сверила ее с показаниями собственных приборов. В двухстах метрах позади себя, в паутине бериллиевых балок Ильза ощущала присутствие статических магнитных полей и водяной плазмы, дающих начало реакции ядерного синтеза. Повинуясь очередной команде, со станции во все пятнадцать реакторов хлынуло топливо.

Ускорение плавно увеличилось от 0 до 1g. Видеокамеры показывали уменьшающуюся Землю. Через полчаса обитаемая станция оказалась далеко позади, а Ильза уже шла со скоростью более двадцати километров в секунду.

Так начался для Ильзы путь к Солнцу. Все первые одиннадцать недель у нее было немного работы лишь следить за расходом топлива, сохранять солнечный щит ускорителя в нужном положении и поддерживать связь с Землей.

Постепенно Ильза разогналась до двухсот пятидесяти километров в секунду и теперь каждые полчаса оставляла за кормой путь, равный расстоянию между Землей и Луной. Пятнадцать минут до перигелия — ближайшей к Солнцу точке орбиты. С Земли поступила команда на включение зажигания. Ильза просчитала параметры своей траектории и пришла к выводу, что команда пришла преждевременно на тридцать секунд. Запрос на Землю и отве

займут не меньше шестнадцати минут, а решение следовало принять за четыре секунды, иначе экспедиция, едва начавшись, потерпит крах. Внутренней сутью Ильзы была самостоятельность. Она, не подчинившись земной команде, произвела включение согласно своим расчетам.

На расстоянии менее трех солнечных диаметров под нею проплывало северное полушарие Солнца.

Ильза получила ускорение почти в 2g. При подходе к точке перигелия ускоритель перевел ее с эллиптической орбиты на гиперболическую. Спустя полчаса она удалялась от Солнца в южную часть эклиптики со скоростью трехсот двадцати километров в секунду — примерно один солнечный диаметр каждый час. От Солнца Ильзу теперь закрывали опустевшие топливные баки ускорителя, и ее тело медленно остывало.

Это было только начало путешествия длиною в сто веков. Сквозь черный провал ночи она видела свою цель — Альфа Центавра. Определив в телескоп ее положение, Ильза пришла к выводу, что в ближайшую тысячу лет ей не потребуется дополнительной коррекции курса.

Менее чем за два года Ильза удалилась от Солнца дальше, чем все известные планеты и все запущенные прежде космические зонды. Солнце теперь превратилось в обычную яркую звезду, и Ильзе не составляло труда поддерживать нужную температуру в своих морозильных камерах. Правда, на связь с Землей уходило уже шестнадцать часов. Потом она и вовсе прекратилась, и, как выяснилось позже, навсегда.

Ильза приступила к подготовке следующего этапа полета. Согласно плану ее создателей, она разделила свой электронный мозг на три равные части, теоретически способные довести дело до конца в одиночку, хотя для принятия важных решений Ильзе требовалось согласие как минимум двух из них. После разделения Ильза думала уже менее четко и быстро, чем при запуске, зато три части ее мозга непрерывно тестировали друг друга, борясь с главной опасностью — разрушительным воздействием времени.

Регулярным тестам не подвергалась лишь память на кристалле, поскольку создатели Ильзы ошибочно сочли частые проверки большей опасностью, чем старение.

Снизившиеся мыслительные способности и постоянное самотестирование не мешали Ильзе подолгу созерцать пространство вокруг. Так проходили десятилетия и века.

Наконец наступило время коррекции курса. За предыдущее столетие Ильза основательно уточнила траекторию своего полета. Оказалось, импульс, данный ей во время прохождения перигелия, был настолько точен, что требовалось увеличить скорость всего на сто метров в секунду. Тем не менее без этой коррекции она миновала бы систему Центавра стороной. В строго рассчитанный миг Ильза включила зажигание одной из малых ракет, но импульс получила на треть слабее ожидаемого. Для выхода на нужный курс ей пришлось еще дважды включать двигатели.

В следующие пятьдесят лет Ильза сотни раз досконально проверяла и перепроверяла свою электрику и даже дважды включала на тысячную долю секунды зажигание, выясняя, насколько прошедшие столетия повредили ее системы.

Изучая зависимость конечного результата от силы тяги, Ильза запросила из библиотеки на кристалле прикладные программы. Ответ заставил ее испытать нечто вроде шока: в ходе полета была забыта конечная задача. Оказывается, за прошедшие века магнитные поля в ее программной памяти на кристалле ослабли, редко используемые программы стерлись. Записи обрывались на частично сохранившихся программах биохимической разведки и приземления на поверхность планеты.

Ильза действовала без суеты. Единственное, что было ей подвластно — сохранить оставшиеся программы. Она переписала каждую в свою оперативную память, а затем обратно на кристалл. Если эту операцию повторять каждые семьдесят лет, может быть, удастся сохранить программную память от исчезновения. Во избежание ошибки она проделала эту работу каждым своим мозгом, а затем произвела сравнение файлов. Стремясь сохранить хотя бы баллистические и астрономические программы, она часто выдумывала и решала с их помощью прикладные задачи. В поисках позабытой основной цели Ильза исследовала собственное тело. Большинство отсеков в ее корпусе было заполнено субстанцией, охлажденной до температуры, которая лишь на несколько градусов превышала абсолютный нуль. Проведя химический анализ, Ильза пришла к заключению, что таинственное вещество в ее отсеках представляет собой относительно однородную смесь замороженной воды с различными органическими включениями. Эта информация была любопытна, но ни на шаг не приблизила Ильзу к разгадке собственного предназначения.

Полет продолжался. Промежуток времени между коррекцией курса и следующим ответственным пунктом в ее задании превышал длительностью все существование человеческой цивилизации на Земле.

Шли века. Все ярче разгорались две близко расположенные звезды — цель странствий Ильзы. Наконец, за тысячу лет до окончания полета настало время поиска планет в звездной системе Альфа Центавра. Ильза направила свой телескоп на более яркую звезду, названную ею Эйбл. Даже зоркому глазу Ильзы Эйбл представлялся не как диск, а скорее как дифракционная картина — окруженное светящимся кольцом круглое пятно света, во много раз превышающее реальные размеры диска. Слабое свечение планет, если таковые и имелись, меркло в этом ярком пятне. Пять лет Ильза изучала Эйбл и обнаружила наконец в дифракционной картине обнадеживающие аномалии, что допускало существование вблизи этой звезды планет.

Еще через четыреста лет наблюдений она пришла к заключению, что эти аномалии вызваны планетой, вращающейся вокруг Эйбла на таком же расстоянии, что и Земля от Солнца. Ильза назвала планету Эйбл-2.

* * *

Полет подходил к концу. До предполагаемой посадки на Эйбл-2 оставались десятилетия, затем годы и наконец дни. Ильза уже различила очертания континентов, уже определила подходящее для предполагаемой посадки место в зеленой облачной области планеты и изменила скорость полета на двести метров в секунду.

До окончательного решения осталось двенадцать часов. Ильза тщательно протестировала каждый из трех компонентов своего электронного мозга и объединила их. За прошедшие столетия примерно треть электронных приборов вышла из строя, и она лишилась довольно значительной части своего ин-

теллекта. Как бы то ни было, после объединения электронного мозга она стала гораздо умнее, чем была во время межзвездного перелета. Ильза полностью сосредоточилась на решении текущих задач, поскольку за немногие часы и минуты прохождения мимо Эйбла-2 ей предстояло произвести больше анализов и принять больше решений, чем когда-либо прежде.

Теперь у Ильзы оставался час. Она вошла в пределы орбиты ближайшей луны Эйбла-2. Отсюда планета представляла собой бело-голубой полумесяц, размером около двух градусов в поперечнике. Посадочная площадка предположительно находилась на противоположной стороне планеты, но это не пугало Ильзу. Главным в эти последние минуты были биохимические исследования. Так, по крайней мере, значилось в программе, уцелевшей в ее памяти на кристалле. Она внимательно наблюдала за полумесяцем, разыскивая в разрывах облачного покрова зеленые пятна. Обнаружив в океане, размером с Тихий, большой остров, она приступила к комплексным анализам, необходимым для определения состава аминокислот. Каждые пять секунд она измеряла плотность атмосферы. Задачи оказались значительно сложнее, чем те, что ставились перед ней на околоземной орбите.

Пять минут...

Ильза развернулась на девяносто градусов, отстыковала малую ракету, доставившую ей кучу хлопот, и одновременно приготовила к работе телескоп. Она плыла в пространстве — белый диск двенадцати метров в диаметре, массой пять тонн.

Она развернулась еще на девяносто градусов, отыскала взглядом в необъятном пространстве слабую точку света — Солнце — и вновь обратила беспокойные мысли к утраченным программам.

Ильза, убрав телескоп, выждала пять секунд.

Маневр захода на посадку начался с едва заметного торможения. Менее чем за две секунды оно возросло до 200g. Ильза впервые испытывала столь значительные перегрузки, хотя и была подготовлена к ним. Труднее всего давалось поддержание равновесия и охлаждение двигателей.

450 g. В системе охлаждения сбои, отключилась одна доля электронного мозга. Ильза, хотя и с великим трудом, но все же удерживала свой корпус в правильном положении относительно горизонта планеты. По расчетам, до посадки осталось пять секунд.

Пролетев в шестидесяти километрах над поверхностью планеты, Ильза устремилась обратно, в космос, но уже со скоростью всего лишь семь километров в секунду. Перегрузки снизились сначала до 15g, затем до нуля. Ильза перешла на эллиптическую орбиту и вновь мягко нырнула в глубины атмосферы Эйбла-2.

В двадцати тысячах метров над поверхностью планеты Ильза осмотрела мир под собой. Ее линзы треснули, часть управляющих программ пришла в негодность, но она видела внизу зелень и понимала, что курс проложен правильно.

Это могло быть минутой ее величайшего триумфа, вспомни она, с какой целью совершает посадку.

На высоте десяти тысяч метров Ильза раскрыла параглайдер, расположенный в корпусе позади телескопа. Упругий пластик раскрылся, словно цветок, и ее падение тут же перешло в плавное скольжение. Под Ильзой простиралась прерия, там и тут усеянная островками деревьев. Эйбл клонился к горизонту, и длинные тени деревьев и холмов значительно облегчали топографическую съем местности.

Две тысячи метров над поверхностью планет: Впереди виднелся лесок с блестевшим между д ревьями ручьем, за леском — поляна. Чудом уц левший участок памяти подсказал Ильзе, что э место идеально подходит для приземления. Он сложила переднюю часть крыла параглайдера более круто скользнула вниз. Примерно в тр метрах над вершинами деревьев, окружающих по яну, Ильза сложила оставшуюся часть крыла, о бросила планер и опустилась в сырую высоку траву, а серовато-коричневый с зелеными пятнам пластик параглайдера, упав сверху, окутал ее обу ленный корпус так, что издалека ее можно бы принять за покрытый мхом валун.

Путешествие длиною в сто веков благополуч завершилось. Ильза лежала, освещенная свето сразу двух звезд, и прислушивалась. Звуки вокр были для нее новы — возня каких-то крошечнь существ в норах, журчание ручья рядом, чу слышное чириканье в отдалении. Двойной св вскоре померк, над темной поляной поплыл косм тый туман. Ильза знала, что никогда более сдвинется с места, но это не имело значени поскольку так когда-то и было задумано людьм Она знала также, что большая часть ее электронн го мозга пострадала при посадке, и через сотн другую лет она утратит способность мыслить. Но это не имело значения. Важно было лишь то, что миссия не завершена, пока она не выполнила гла ную часть программы. И это беспокойство бы также заложено в Ильзу ее создателями.

Она заново пересмотрела все уцелевшие файл памяти, но не нашла ничего нового. Она доскона но исследовала свой изрядно поврежденный ко пус, используя даже опасные способы, на которь не отваживалась в ходе путешествия, но сно ничего подходящего не обнаружила. Наконец о добралась до замороженной субстанции внутр себя. Оставалось последнее.

Ильза выключила систему охлаждения и ста терпеливо ждать. Первым потеплел лед вокр вспомогательного ядерного реактора. Из-под та щего льда постепенно появились металлическ детали. Ильза поняла, что ее создатели все-так предусмотрели нечто, что поможет выполнени задания. Лед в отсеке рядом с реактором оконч тельно растаял, и Ильза получила доступ к резер ному блоку памяти, который использовал не ма нитные, а оптические носители информации.

Наконец-то Ильза знала, что делать. Она нагрел цилиндрический бак с жидкой аминокислотно средой до тридцати семи градусов по Цельсик затем поместила в него один-единственный микр организм из другого цилиндра и через нескольк минут начала интенсивную прокачку крови.

Наступило раннее утро, темнота вокруг был наполнена прохладой и сыростью. Ильза попыт лась прочитать в своей новой памяти дальнейши инструкции, но наткнулась на запрет. Ильза пр анализировала уже известную ей информацию пришла к выводу, что о своем истинном предназн чении она узнает только через девять месяцев.

Перевели с английског
Александр ЖАВОРОНКО
Андрей ОРЛО

Из Нью-Йорка в Париж через космическое пространство

Самолет столь же прочно вошел в нашу жизнь, как автомобиль, телефон, радио, телевизор, а теперь и компьютер. Огромный флот крылатых и винтокрылых машин всегда готов прийти на помощь человеку. Так давейте посмотрим на перспективы развития гражданской авиации. Рост пассажирских перевозок, а также ограниченная возможность строительств новых и расширения существующих аэропортов заставляет авиапроизводителей Запада разрабатывать машины большой пассажировместимости: UHCA (Ultra-High Capacity Aircraft) и NLA (New Large Aircraft). К ним же относится и супераэробус VLCT (Very Large Commercial Transport) компании «Боинг» и консорциума «Эрбас индастри». Причем, по мнению вице-президента «Эрбас индастри» А.Брауна, разработчикам следует хорошо подумать, стоит ли конкурировать или лучше действовать совместно. Для изучения этой возможности и перспектив рынка сбыта самолета VLCT в начале 1993 г. была создана специальная группа из представителей «Боинга» и участников консорциума «Эрбас индастри» (фирмы «Аэроспасьяль», «Бритиш аэроспейс», CASA (Испания) и DASA (Германия).
Наряду с участием в работах по VLCT «Эрбас индастри» уже более года ведет переговоры по собственной программе A3XX. Двухпалубный A3XX при наличии трех классов сможет принять на борт до 570 пассажиров, а вариант, имеющий только экономический класс, вмещал бы 840 человек. Кроме того, прорабатывается модификация, позволяющая увеличить число пассажиров до 1000. При максимальной взлетной массе до 500 т дальность полета этого летательного аппарата должна составлять до 13704 км. Если программа официально начнется в 1998 году, то самолет мог бы вступить в эксплуатацию примерно в 2003 году.
По оценкам экспертов, среднегодовой прирост самолетов гражданской авиации достаточно долго будет составлять пять процентов, а с 1995 по 2011 год авиакомпаниям мира потребуется 13000 новых лайнеров. По тем же прогнозам, в наибольшей степени будут необходимы самолеты на 125 — 150 и 211 — 350 посадочных мест. Надо заметить, что, согласно проведенному «Эрбас индастри» исследованию рынка, авиакомпаниям мира в следующие 20 лет потребуется также 860 самолетов, рассчитанных болев чем на 600 пасажиров. Просматривающаяся здесь тенденция создания летательного аппарата сверхбольшой пассажировместимости, но имеющего дозвуковую скорость, вполне очевидна.
В то же время существуют планы разработки и сверхзвукового пассажирского самолета нового поколения. Так в США в июле прошлого года НАСА выбрало компании «Боинг» и «Макдоннелл-Дуглас» в качестве ведущих по разработке перспективных технологий, которые могли бы использоваться при создании нового сверхзвукового пассажирского лайнера для замены «Конкорда», летающего уже 25 лет. По мнению экспертов, «Конкорд» в коммерческом отношении был невыгоден: из-за очень высокой стоимости билета на нем могли путешествовать только богатые. «Боинг» и «Макдоннелл-Дуглас» предполагают создать самолет примерно на 300 пассажиров, летающий со скоростью 2575 км/ч на высоте 18288 м, то есть почти в два раза выше обычного пассажирского авиалайнера.
Ранее НАСА подписало контракт с фирмой «Ханиуэлл» о разработке электронного оборудования, а в 1993 году — на разработку двигателя с «Дженерал электрик» и «Пратт энд Уитни».
Как сообщил представитель «Боинга», наряду с проведением собственных независимых исследований компания недавно вошла в международный консорциум фирм Европы, Японии и России, занимающийся исследованием потенциального рынка для нового самолета, который мог бы использоваться на беспосадочных авиалиниях через Атлантический и Тихий океаны, например, Нью-Йорк — Париж или Лос-Анджелес — Токио. Вместе с тем, еще в марте 1994 года английская фирма «Роллс-Ройс» и французская СНЕКМА по случаю 25-й годовщины со дня первого полета опытного образца «Конкорда» объявили о совместном проекте двигателя для будущего поколения гражданских сверхзвуковых самолетов. Причем выбранный тип двигателя позволит значительно снизить расход топлива и уровень шума, а также более чем на 60 процентов уменьшит выброс окиси углерода.
Можно отметить также и то, что в силу различных причин политического, финансового и технического характера несколько затихли разговоры об американском, немецком, японском или французском воздушно-космическом самолете (ВКС), способном взлетать с обычной взлетно-посадочной полосы, выходить в космос и затем приземляться как обычный самолет. А ведь еще в конце 1990 года один из тогдашних заместителей директора НАСА говорил, что ожидает увидеть ВКС на взлетно-посадочной полосе Летно-испытательного центра им.Драйдена к 2000 году и 150 запусков этого аппарата в период 2000 — 2010 гг., а руководитель программы ВКС NASP Роберт Бартелеми сказал: «...Мечта увидеть самолет в 2000 г. по-прежнему остается». Работы, конечно, продолжаются, но они обрели более обыденный характер.
А жаль, что мечты пока так и остаются мечтами. И вот почему. Как сообщил журнал «Авиэйшн уик энд спейс текнолоджи» еще в феврале 1992 года, в соревновании за создание многоразовых воздушно-космических летательных аппаратов XXI столетия с горизонтальными стартом и посадкой лидирующие позиции принадлежат России. По его словам, в России уже проводились стендовые испытания гиперзвуковых прямоточных воздушно-реактивных двигателей (ГПВРД), которые только еще планировались в США и других странах.
В частности, инженеры и ученые США, занятые в национальной программе воздушно-космического самолета NASP, намечали провести анвлогичные работы лишь через 3 — 4 года. «Все американские инженеры, располагающие информацией о данной программе России, — отмечал журнал, — сходятся в том, что такие испытания имеют ключевое значение для исхода нарастающей международной гонки за освоение гиперзвуковых технологий». Однако, делал оговорку журнал, «практическое значение этих испытаний для бывшего Советского Союза мало, так как его экономика лежит в руинах, и аэрокосмическая инфраструктура претерпевает значительные сокращения» Попросту говоря, у организаторов программы — одного из последних советских начинаний мирового уровня на момент, когда наступил крах СССР, — «кончаются деньги». Опять-таки жаль, если они окончательно иссякли, ведь, по свидетельству еженедельника, русских наперебой обхаживали «инженеры США, Германии, Японии и особенно Франции».

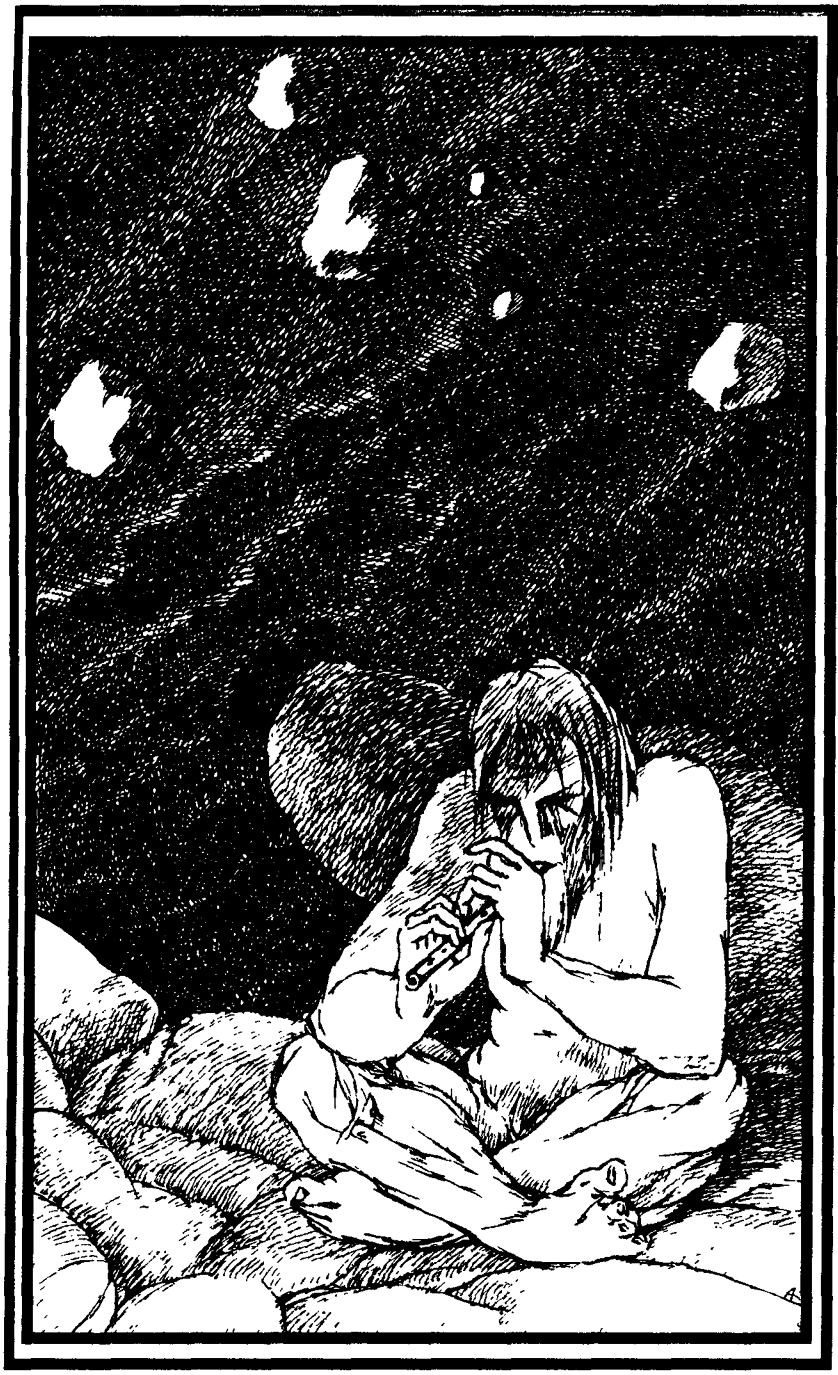
Подготовил Владимир Рогачев

4'95

ИНТЕРКОМЪ

ФАНТАСТИКА: НОВОСТИ, МНЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

ЖУРНАЛ в ЖУРНАЛЕ

Художник Андрай Карапетян

«ИНТЕРКОМЪ» — критико-публицистический и информационный журнал; основан в апреле 1991 года; издается при участии издательства «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус»; с января 1995 года выходит ежеквартально в составе журнала фантастики и футурологии **«ЕСЛИ»**.

Адрес для корреспонденции:

190068, Санкт-Петербург, Вознесенский пр., 36-4, «Terra Fantastica», Черткову Андрею Евгеньевичу

Телефон: (812)-554-38-16

E-Mail: chert@tf.spb.su

Роман С.Витицкого «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» стал, несомненно, одним из основных событий 1995 года в отечественной фантастике. И хотя автор в литературной среде более чем известен, это его первая книга, так сказать, дебют. Перед вами, уважаемые читатели, первое интервью господина Витицкого в центральной прессе.

ИНТЕРВЬЮ НА ФОНЕ КНИГИ

РУКА СУДЬБЫ В ПОЛЕ СЛУЧАЙНОСТЕЙ

— Не могли бы вы рассказать нашим читателям, как возник замысел романа, что послужило отправной точкой?

— Я попробую, хотя, по-моему, ничего особенно необычного в истории создания этой книги нет. Много лет назад мне пришла в голову мысль о том, что люди нашего поколения, так называемые «шестидесятники», и те, кто немногим старше, — люди, прошедшие войну, — дожили до этих дней по чистой случайности. Настолько часто и настолько разнообразно встречалась на нашем пути смерть, что поневоле задумаешься: нет ли здесь какой-то Руки Судьбы, которая протащила нас через все эти испытания и оставила в живых? Блокада, бомбежки, голод, эвакуация, повальная дизентерия, чудовищные антисанитарные условия и очень голодная жизнь в той же самой эвакуации, послевоенные годы, полные лишений... Те, кто воображает, что сейчас какой-то особенный разгул преступности, очевидно, просто не помнят больших городов 45-х — 47-х годов. Да и в дальнейшем судьба нас тоже не жаловала, и было множество случаев отправиться к праотцам задолго до «среднестатистического» срока. И поэтому как-то в разговорах, беседах появилась у меня мысль, что, наверное, любопытно было бы поискать какую-то закономерность в этом хаосе и представить себе ситуацию, когда человек вдруг четко осознает, что слишком много счастливых случайностей возникало на его пути, слишком часто он выигрывал в жизненной лотерее. Что-то здесь не так... Постепенно из рассуждений такого рода и возникла... я даже не знаю, сюжет ли, фабула ли, но, во всяком случае, подоплека, идея романа. В дальнейшем, когда дошло до дела, замысел, конечно, был усложнен, добавились соображения совсем другого порядка, это естественно. Кроме того, очень большую роль сыграло желание написать о тех событиях из жизни автора и из жизни его друзей и близких, которые представляют, как мне кажется, интерес. Из такого рода соображений и возникла эта книга. Причем, начиная роман, я ставил на кон, если угодно, свою судьбу. Мне казалось, что если я его не напишу, то смысл дальнейшей жизни в достаточной степени будет утрачен — если вообще можно говорить о таком понятии, как «смысл жизни». И каждый раз, когда работаешь в таких вот экстремальных установочных условиях, то не упрощаешь свою жизнь, а, естественно, усложняешь. Одно дело, когда пишешь, потому что получаешь удовольствие от работы, а другое дело, когда в процессе творчества пытаешься доказать что-то самому себе. Но, надо сказать, довольно быстро я понял, что книгу сделаю. Первоначально она состояла из трех частей, а не из четырех. И когда я написал первую часть — историю блокадного мальчика, то понял, что книгу закончу.

— Когда роман публиковался в журнале «Звезда», он имел подзаголовок «фантастический роман». Выйдя книгой в издательстве «Текст», он этот подзаголовок утратил. Почему?

— На мой взгляд, это безусловно фантастический роман. Просто в журнале, где публикуются произведения разных жанров, это определение как-то ориентирует читателей, а в книге оно необязательно.

— Однако роман весьма реалистичен, в нем лиш[...] использован фантастический прием, или, точнее, прост[...] усилена мера условности.

— Согласен, но здесь я присоединяюсь к точке зрени[...] братьев Стругацких, которые в свое время ввели тако[...] понятие, как «реалистическая фантастика». На мой взгляд «Поиск предназначения» — именно реалистическая фантастика.

— Вопрос в том, что является основным фантастичес[...]ким сюжетообразующим элементом. Ведь есть вещи[...] которые имеют определенное рациональное — если хо[...]тите, естественнонаучное — объяснение, а есть произве[...]дения, которые основаны на некой иррациональной по[...]сылке. И этот роман явно принадлежит ко второму тип[...] Вот, скажем, в повести «За миллиард лет до конца свет[...] все-таки было использовано обоснование естественн[...]научного характера...

— Различие между «Миллиардом лет...» и этой книж[...]кой заключается только в том, что в «Миллиарде лет... ПРИШЛОСЬ давать рациональное объяснение. Не пото[...]му, что авторы этого хотели, просто обстановка был[...] такова, что чистая притча вынужденно маскировалас[...] под научную фантастику. В данном же случае автор подобной маскировке не нуждался, хотя хватило бы дву[...] трех абзацев для того, чтобы превратить эту, опять-так[...] притчу в НФ-роман. Для этого достаточно было назват[...] Руку Судьбы, допустим, процессом эволюции. Ведь эво[...]люция тоже совершает очень странные, совершенно не[...]предсказуемые, абсолютно непонятные действия с жи[...]ненным материалом. И если подумать, то для того чтоб[...] мы с вами могли сейчас сидеть в мягких креслах и гов[...]рить в это странное микроскопическое устройство, назы[...]ваемое диктофоном, природе пришлось пройти гигант[...]кий путь от первичной молекулы до человека. Короч[...] чтобы возникла сегодняшняя ситуация, должны был[...] произойти тысячи совершенно неуправляемых, казалос[...] бы, совершенно неучитываемых случайностей. И это полна[...] аналогия с движущей силой романа. Герой живет в пол[...] случайностей, определяемых не им, но чем? Роком[...] Эволюцией?

— Или сверхцивилизацией?

— Да, и сверхцивилизацией. В конце концов можно пристегнуть и ее, почему бы и нет? Но зачем? Все это чистая условность... Что именно происходит с героем? А на самом деле то, что происходит, не суть важно. Важно то, как он сам относится к происходящему, его человеческая реакция на происходящее. Как он сам строит свою судьбу в рамках данного поля случайностей. Мне кажется чрезвычайно важным вывод, что человек не должен возноситься в гордыне, он обязан сохранять скромность при любом раскладе событий. И даже когда тебе кажется, что судьба вознесла тебя на неописуемую высоту, что ты обладаешь необычайными способностями — на самом деле ты не только бог, но ты еще и червь. Ты не только царь, но ты еще и раб. И любая из этих граней твоего существа может в любой момент проявиться. Как раз это итоговое, в каком-то смысле, ощущение от прожитой жизни, по-видимому, и нашло отражение в романе.

— Что, кстати, подчеркивается финалом, который, с одной стороны, написан скорее в научно-фантастической манере, потому что описывается близкое будущее, а с другой — стал каким-то даже нарочито сюрреалистичным. Разумеется, по сравнению с предыдущими частями, которые сделаны более реалистичными...

— Ну это понятно, потому что все-таки первые две части романа основаны на абсолютно реальных событиях, и описаны в них совершенно реальные человеческие характеры. Там произведено только одно очень маленькое смещение, необходимое для организации сюжета, однако практически все, что происходит в романе, было на самом деле. Третья часть — дневник гэбэшника — написана тоже о совершенно реальном человеке, который занимается, быть может, немного фантастическим, но, если подумать, то и не таким уж фантастическим делом. А вот, конечно, четвертая часть должна была резко отличаться и от третьей и, в особенности, от первых двух просто потому, что действие происходит в будущем. Четвертая часть условна по определению. Должен уверить вас: если бы мне захотелось перенести действие не в завтрашний день, а в сегодняшний, она получилась бы гораздо менее сюрреалистичной. Пришлось бы, конечно, пожертвовать какими-то элементами, но тем не менее... ведь те же самые события могли происходить и сегодня.

— Вы не находите, что роман все-таки несколько переусложнен во всех своих событийных и идейных слоях?

— Что я могу на это ответить?.. Возможно, вы правы. Я разговаривал с самыми разными читателями, и, в общем, немногие из них поняли произведение на том уровне, на котором замыслил его автор. Для большинства энное количество нюансов — и смысловых, и эмоциональных, каких угодно — ускользает. Тут уж ничего не поделаешь. Но, видите ли, я не мог писать иначе — я хотел писать именно так. Понимаете, этого можно было бы избежать, объясняя, растолковывая, умножая количество эпизодов, но мне не хотелось ничего этого делать. Я знаю, что и зачем происходит в романе, и мне кажется, что этого достаточно. В этом смысле вспоминается повесть братьев Стругацких «Жук в муравейнике», которая написана по этому же принципу: читатель знает ровно столько же, сколько герой. То, чего не знают читатели, герои не знают. То, что не известно героям, не известно читателям. Другое дело, что читательское восприятие устроено таким образом, что мы зачастую принимаем все, что написано в романе, за чистую монету. Кто-то из героев врет, а мы считаем это правдой — нам и в голову не приходит, что герои врут. Понимаете? А на самом деле это так. И когда ты начинаешь разбираться, то сталкиваешься вдруг с какими-то непонятными для тебя вещами (как это бывает и в жизни, к сожалению). Так что я согласен с вами: это, по-видимому, сложное чтение, рассчитанное, по крайней мере, на двукратный подход к книге. Я думаю, что люди, прочитавшие эту книжку один раз, получили, конечно, какое-то впечатление от нее и, хотел бы надеяться, хорошее — ведь в книге есть и чудо, и тайна, и достоверность. Но при первом чтении можно снять только верхний слой.

— Но давайте отдадим должное российским любителям фантастики: при всей сложности книги она оказалась единственной отечественной НФ, которая побывала в списке бестселлеров, публикуемых в «Книжном обозрении» на основе читательских мнений.

— Я думаю, что здесь прежде всего сыграло роль то обстоятельство, что для многих мой псевдоним был уже раскрыт. Если бы я счел необходимым наглухо закрыть эту тему, то, думаю, книжка продавалась бы гораздо хуже.

Видите ли, появление псевдонима вызвано некими старыми договоренностями, которые я не хотел нарушать. Однако я не учел того обстоятельства, что тем самым ставлю под удар прежде всего издательство. И поэтому не стал протестовать, когда информация об истинном имени автора начала «подпольно» распространяться.

— Тогда ответьте, пожалуйста, на один вопрос: как эта книга связана с некоторыми другими вещами в советской фантастике? Есть ли какая-то перекличка с произведениями 70-х и 80-х годов, в которых поднималась сходная тема?

— Ну, во всяком случае, группа «Людены» немедленно обратила мое внимание на какое-то глубинное сходство этого романа со старой повестью братьев Стругацких «За миллиард лет до конца света». Называли также повесть «Дьявол среди людей» С.Ярославцева. По-видимому, эта книжка действительно уходит глубоко корнями в те времена, и здесь нет ничего удивительного: если автор до сих пор живет в атмосфере тех лет, ему очень трудно избавиться от этой атмосферы, он ее не забыл.

— Есть ли какие-то планы у писателя Витицкого относительно его новых книг?

— Конечно, есть. У писателя Витицкого всегда полно всяких планов, другое дело — как их удастся реализовать? Всем хорошо известно: первая книга еще ничего не значит. Есть огромное количество авторов, которые выпустили одну книгу и больше не сумели написать ничего. Риск такой ситуации остается и у писателя Витицкого. Но будем надеяться на лучшее.

Беседу вел Андрей Чертков

SCIENCE FICTION NEWS

ПРЕМИИ

Американский журнал «Локус» в августовском номере подвел итоги очередного голосования своих читателей и объявил лауреатов премии «ЛОКУС-95». По некоторым, наиболее важным категориям нами будут указаны не только лауреаты, но и 3 — 8 финалистов.

Премии за лучший НФ-роман, изданный в 1994 году, была удостоена ЛУИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД — за книгу «Mirror Dance» («Танец в зеркале»). Места между другими финалистами по этой категории распределились следующим образом: 2) Октавия Батлер «Parable of the Sower» («Притча сеятеля»); 3) Кэролин Черри «Foreigner» («Иностранец»); 4) Джон Барнс «Mother of Storms» («Мать штормов»); 5) Нэнси Кресс «Beggars and Choosers» («Попрошайки и выборщики»); 6) Брюс Стерлинг «Heavy Weather» («Дурная погода»); 7) Гарри Тартлдав «Worldwar: In the Balance» («Мировая война: равновесие сил»); 8) Артур Кларк и Джентри Ли «Rama Revealed» («Рама явленный»).

Лучшим романом в жанре фэнтези, по мнению читателей «Локуса», стал роман МАЙКЛА БИШОПА «Brittle Innings» («Хрупкие дамбы»). Другие финалисты: 2) Джеймс Морроу «Towing Jehovah» («Иегова с бечевой»); 3) Роберт Джордан «Lord of Chaos» («Повелитель Хаоса»); 4) Эмма Булл «Finder» («Искатель»); 5) Чарльз де Линт «Memory & Dream» («Память и мечта»); 6) Джон Краули «Love & Sleep» («Любовь и сон»); 7) Стивен Брюст «Five Hundred Years After» («Пятьсот лет спустя»); 8) Мерседес Лэкки «Storm Warning» («Штормовое предупреждение»).

Лучший роман в жанре хоррор — «Fires of Eden» («Костры Эдема») ДЭНА СИММОНСА. Другие финалисты: 2) Барбара Хэмбли «Bride of the Rat God» («Невеста крысиного короля»); 3) Стивен Кинг «Insomnia» («Бессонница»); 4) Клайв Баркер «Everville» («Эвервиль»).

Лучший дебютный роман года — «Gun, with Occasional Music» («Оружие со случайной музыкой») ДЖОНАТАНА ЛЕТЕМА. Другие финалисты: 2) Кэтлин Энн Гунан «Queen City Jazz» («Джаз Куин-Сити»); 3) Стефан Грунди «Rhinegold» («Золото Рейна»).

Среди произведений малой формы ситуация сложилась следующим образом. По категории «повесть» премия была присуждена УРСУЛЕ ЛЕ ГУИН за повесть «Forgiveness Day» («День Прощения»). По категории «короткая повесть» — ДЭВИДУ ДЖЕРРОЛЬДУ за повесть «The Martian Child» («Марсианский ребенок»). По категории «рассказ» — ДЖО ХОЛДЕМАНУ за рассказ «None So Blind» («Совсем не так слеп»). По категории «авторский сборник» — ДЭВИДУ БРИНУ за книгу «Otherness» («Иное»).

Лучшим НФ-журналом был признан «Asimov's Science Fiction». По другим категориям премии получили: «критика/публицистика» — посмертно изданная книга воспоминаний Айзека Азимова «I.Asimov: A Memoir» («А.Азимов: Мемуары»); «книга живописи» — сборник «Spectrum» («Спектр: лучшее в современной фантастической живописи»), составители Кэти Бернетт и Эрни Феннер; «антология» — «Лучшая НФ года: одиннадцатый выпуск», составитель Гарднер Дозуа; «художник» — Майкл Уэйлан; «редактор» — Гарднер Дозуа; «издательство» — «Tor/St.Martin's».

Стоит отметить, что если одни лауреаты и финалисты премии «Локус» (Урсула Ле Гуин, Стивен Кинг, Джо Холдеман) уже давно и хорошо известны российским читателям, произведения других (Луис Макмастер Буджолд, Дэн Симмонс, Дэвид Брин, Барбара Хэмбли, Клайв Баркер, Энн Райс) начали издаваться на русском языке лишь в самое последнее время, то третьих нам еще только предстоит для себя открыть.

7 июля 1995 года на торжественном собрании в Канзасском университете стали известны очередные лауреаты Мемориальных призов Джона Кэмпбелла и Теодора Старджона. Лауреатом первого приза (за лучший роман прошлого года) стал ГРЕГ ЭГАН, автор романа «Permutation City» («Город для перестановок»). Второй получила УРСУЛА ЛЕ ГУИН за повесть «День Прощения», опубликованную в «Asimov's».

НОВЫЕ КНИГИ

Издательство «Tor» выпустило в мае 1995 года новый роман ГРЕГА БИРА «Legacy» («Наследство»). Для читателей «Если» эта новость может быть особенно интересна, поскольку данная книга принадлежит тому же циклу, что и роман «Бессмертие», опубликованный недавно в журнале. Кстати, «Бессмертие» так и осталось заключительной книгой цикла, поскольку события нового романа развиваются раньше, чем события первого — «Eon» («Вечность»). Интересно, в какую сторону Бир будет надстраивать этот свой сериал дальше?

В июле увидел свет новый роман ЭНН РАЙС «Memnoch the Devil» («Мемнох-дьявол»). Судя по всему, этот роман станет последней книгой в популярном цикле «Вампирские хроники», который Энн Райс начала почти два десятилетия назад романом «Интервью с вампиром». Как известно, по этому роману недавно была сделана экранизация, и поэтому о коммерческой судьбе новой книги беспокоиться, по-видимому, не стоит.

В сентябре в издательстве «Harp Prism» вышла новая книга УРСУЛЫ Л ГУИН, принадлежащая знаменитом «Хейнскому» циклу. Книга называет «Four Ways to Forgiveness» («Четыре Пу к Прощению») и состоит из четырех п вестей, включая уже получивший пр мию «Локуса» и Приз Теодора Стардж на «День Прощения». Четыре посланн ка прибывают в четыре разных, детал но выписанных мира, где и пытаютс разобраться в проблемах, которые в лнуют их обитателей. Рецензент «Лок са» Гэри Вулф считает, что, хотя э повести, кроме некоей общей идеи сбо ника, не объединяет почти ничего, кни производит впечатление серьезного кру ного романа сродни прежним произв дениям Ле Гуин.

А вот РОБЕРТ ШЕКЛИ никак не мож выбраться из болота откровенно комме ческой литературы, куда он угодил н сколько лет назад, написав вместе с Га ри Гаррисоном заведомо слабый ром из сериала о «Билле, герое Галактики Три романа в соавторстве с Роджер Желязны также не стали для него чем-по-настоящему серьезным. И вот, нак нец, его первый за многие годы сольн роман. Увы, называется он «Alien H vest» («Чужая жатва») — и уже из само названия становится ясно, что это все лишь очередное звено бесконечно «межписательского» сериала, основа ного на популярных кинофильмах « жой», «Чужие» и «Чужой 3».

IN MEMORIAM

Данный выпуск «Интеркома» был пр тически готов к печати, когда стало и вестно, что в конце августа в Англи прямо во время проводившегося т очередного «Уорлдкона», умер изве ный писатель-фантаст ДЖОН БРА НЕР. Российским читателям этот авт хорошо известен прежде всего по ром ну «Квадраты шахматного города», в пущенному еще в советские време издательством «Мир», а также по н скольким произведениям 50 — 60-х дов, изданным в последнее время. частности, в журнале «Если» была опу ликована замечательная повесть пис теля «Легкий выход». К сожалению, сих пор не переводились на русский яз наиболее знаменитые романы Бранн ра, благодаря которым он был призн одним из лидеров «британской нов волны» в НФ — «Взирают агнцы горе «Оседлавший волну шока». Будем н деяться, что эти сложные, масштабн произведения станут со временем и вестны российским читателям, и тог мы сумеем по достоинству оценить т вклад, который Джон Браннер внес развитие мировой фантастики, и еще раз вспомним добрым словом этого бо шого мастера.

Подготовил Николай Виктор

Читатели журнала «Если» только что познакомились с героями одного из лучших романов Филипа К. Дика, впервые опубликованного на русском языке. Предлагаем вашему вниманию фрагменты из знаменитой книги Брайана Олдисса «Дебош на триллион лет: История научной фантастики» (книга написана при участии Дэвида Уингроува), посвященные творчеству великого фантаста.

МАСТЕР О МАСТЕРЕ

ЛЮДИ В ВЫСОКИХ ЗАМКАХ

Трудно их назвать по-другому, нежели волшебниками — всех этих менестрелей, поющих странные, иногда весьма язвительные песни. Некоторые из них, такие, как Аврам Дэвидсон и Р.А.Лафферти, демонстрируют нам ярчайшие литературные способности. Однако в наибольшей степени это определение стоит отнести к трем величайшим фокусникам в нашем жанре, чей мрачноватый, но человечный юмор в полной мере отразил дух десятилетия. Это Роберт Шекли, Курт Воннегут и Филип К.Дик. Все три писателя пришли в литературу в пятидесятые, раскрылись по-настоящему в шестидесятые и продолжали писать в восьмидесятые.

Филип Дик, несмотря на то, что произведения его насыщены образами и деталями, которые ведут свое происхождение от дешевых НФ-журналов, самый настоящий интеллектуал — из школы Пиранделло*. В его романах вещи никогда не бывают такими, какими они кажутся. Там, между жизнью и смертью, лежат теневые земли Дика, лабиринты галлюцинаций, пещеры ощущений, саваны тусклой полужизни, страны паранойи, миры-гробницы и даже самый что ни есть ортодоксальный ад. Все его романы — это один большой роман, книга-откровение — «A la recherche du temps perfide».**

Это сложное произведение отличается необычайным изяществом и блистательным остроумием, на его страницах встречаются самые неожиданные предметы и существа — странные артефакты, люди-пугала и люди-изгои, умудренные опытом уличные девицы, странные звери, словно из-под резца Фаберже, свихнувшиеся роботы и эксцентричные, но дружелюбные инопланетяне. В шестидесятые годы Дик опубликовал девятнадцать романов, многие из них сразу в мягкой обложке, а следовательно, написанные в дикой спешке. Такая расточительность требует умного, вдумчивого редактора; скажем, вступительные главы «Убика» содержат многие неудачные моменты, отчасти смазывающие впечатление от этого совершенно исключительного по своей силе произведения.

Четыре романа Дика этого периода заслуживают особого внимания: «Человек в Высоком Замке», «Нарушенное время Марса», «Стигматы Палмера Элдритча» и «Снятся ли андроидам электрические овцы?». Эти книги — среди самых выдающихся фантастических романов десятилетия.

«Человек в Высоком Замке» нагляднее всех других произведений демонстрирует нам как таланты Дика, так и то, что со злом он знаком был не понаслышке. В этом романе описывается современный мир, где победу во второй мировой войне одержали страны Оси: Северную Америку оккупировали нацисты и японцы, и только маленький клочок земли — Штаты Скалистых Гор — сохранил относительную независимость как нейтральное государство-буфер между двумя оккупационными зонами. Дик населяет этот мир великим множеством разнообразных персонажей: одни более самостоятельны в своих поступках, другие менее, но все они лишь щепки, влекомые потоками истории.

В Штатах Скалистых Гор живет Готорн Абендсен, взирающий на историю совсем поиному. Он — человек в высоком замке, писатель, чей роман описывает мир, в котором и Германия, и Япония проиграли войну. Неудивительно, что роман запрещен, однако заложенное в нем послание начинает пробуждать к жизни ошеломленных поражением американцев. К тому же не исключено, что истинно только то видение мира, о котором пишет Абендсен, прочие живут в «Зазеркалье».

Подобная интерпретация становится возможной, если рассматривать роман как научное исследование подлинности мира на каждом уровне его существования. Реальна ли данная действительность или фальшива? Предоставляет ли «И Цзин», «Книга Перемен», которой пользуются некоторые из героев романа, настоящий выбор или же только его имитацию? Буквально через весь роман проходит этот напряженный поиск подлинности. Барнс, скандинав, на деле оказывается сотрудником германской контрразведки. Джо, итальянский водитель грузовика, оборачивается наемным убийцей из гестапо. Фрэнк Фринк пытается доказать всем, что он не еврей. Чилдан, американец, перенимает обычаи японцев — в то время как японцы фанатично коллекционируют всевозможные артефакты американской культуры и пытаются стать большими американцами, нежели сами американцы. Наконец, немецкая философия природы, принятая на вооружение нацистами, — это, по мнению Дика, лишь имитация процесса энтропии, творящая фальшивую жизнь. Это мир творческой стерильности, где единственное, что продолжает развиваться и совершенствоваться, — «Организация Тодта» («Todt» — «Смерть»). Это мир, порожденный дьяволом, мир-подделка, сродни Пандемониуму из «Потерянного Рая» Мильтона, построенный падшим ангелом в попытке сымитировать чудесный град Небес.

Замысловатые ходы и повороты, ведущие читателя через весь роман, — часть того наслаждения, которое он получает от чтения Дика. Мы никогда не знаем наверняка, что является здесь первичной реальностью, но, тем не менее, не устаем от этой паутины, прилежно сотканной из иллюзий. А вот что в творчестве Дика незыблемо — это его нравственный императив. Он распознает и описывает зло, под какой бы личиной оно ни скрывалось — андроида, маньяка, наркомана, фашиста; главное, что это существо, лишенное отзывчивости, сострадания и вообще какого-либо представления об общечеловеческих ценностях. Такие существа встречаются во всех его произведениях. И хотя Дик прилагает много сил, чтобы понять их, он не испытывает к ним ни малейшей симпатии.

«Человек в Высоком Замке» отличается по тону от большинства других произведений Дика — эта книга более мрачная и трезвая. Наконец, она явно не была написана

---

* *Луиджи Пиранделло — итальянский драматург, писатель, поэт, Нобелевский лауреат 1934 года, один из наиболее ярких представителей психологического направления в литературе.*

** *«В поисках вероломного времени» (франц.). Олдисс перефразирует название классического романа Марселя Пруста.*

наспех, как многие другие его вещи. Трудно забыть после прочтения этот роман, заслуженно получивший премию «Хьюго».

Многие из романов Дика, прочитанные по отдельности, могут показаться кладовками, заполненными хаотичными и сложными идеями, как если бы автор пытался уместить в одну вещь сразу все, что пришло ему в голову. Возможно, этот недостаток проистекает от тогдашней обстановки на книжном рынке и от тех жестких ограничений по объему, которые издательство «Эйс» установило для своих авторов. С другой стороны, можно поспорить: а стали бы его романы такими глубокими и богатыми по мысли, будь они хотя бы на четверть длиннее? Чудесная, многоуровневая паутина тем и концепций, образовавшаяся в результате такого вынужденного «процесса конденсации», придает творчеству Дика некий специфический привкус, ту самую характерную особенность, которая делает его творчество поистине уникальным. Непокорное, эксцентричное, экстравагантное — в любом случае, оно свидетельствует о том, что Дик, по-видимому, первый настоящий гений в фантастике со времен Стэплдона. Он — некий своеобразный гибрид Диккенса и Достоевского, обладающий даром комизма и увлекательности первого и трагической глубиной второго, но выбравший, тем не менее, такой вид литервтуры, где его эксцентричность пришлась как нельзя ко двору.

Для Дика нет простых решений, нет легких установок и всемогущих супергероев. Его герои, часто хилые, часто совсем не отвечающие ситуации, стоят по колено в технологических отбросах и смотрят с тоской на видения, которые выходят за пределы их понимания. Настроение, доминирующее в книгах Дика, сродни угрюмым метафизическим комедиям — как, например, в сцене из романа «Снятся ли андроидам электрические овцы?», где Рик Декард, уже полностью избавившийся от иллюзий, вдруг делает открытие, что жаба, которую он подобрал в пустыне, надеясь, что это последний экземпляр исчезнувшего вида, вовсе не живое существо, а всего лишь машинка. Эта жаба внушает нам такое же сильное отвращение, смешанное со смехом, как и робот у Гаррисона, работающий на угле (хотя там пафоса больше); должно быть, мы бессознательно противопоставляем эту жабу и этого робота великому образу Человека, Сына Божьего, видим их как символы одновременно и наших достижений и наших падений — нашего наследства Франкенштейна, превращенного в тягостный фарс...

...После лихорадочной деятельности шестидесятых, в семидесятые годы Филип Дик резко снизил темпы своего литературного конвейера. И это понятно. Конец шестидесятых стал для Дика поистине черным временем. Он на собственной шкуре испытал всю отвратительную сущность наркомании — опыт, который он описал позднее в романе «Помутнение». В эти годы он создал лишь один безусловный шедевр — красноречивый и действительно жуткий роман «Лейтесь слезы, сказал полицейский». Герой этого романа, тележурналист Джейсон Тавернье, переходит в другую, индуцированную наркотиком реальность, где он как личность не существует.

Обе эти книги имели некую общую черту, а именно — то чувство одержимости, которое Дик испытывал по отношению к черноглазым уличным девкам, бывшим плоть от плоти аморального панковского сообщества, куда вынесли писателя мутные волны его увлечения наркотиками. Оба романа были, до некоторой степени, романами об одержимости, в них звучало эхо Достоевского, исследовавшего те же самые закоулки «дна». Дик стал НФ-поэтом улиц.

Некоторое время казалось, что Дик в литературу уже более не вернется. Затем, в самом конце семидесятых и самом начале восьмидесятых, он написал, условно говоря, связанную общей темой трилогию романов, в которой на первый план вышел теологический элемент, использовавшийся Диком ранее не столь прямолинейно. Первый из этих романов назывался «VALIS»* и был, как утверждал сам Дик, литературной обработкой дневников, в которых описывались действительные события — ни много ни мало, контакт с богоподобным разумом. Некоторые посчитали даже, что Дик окончательно сошел с ума, став узником собственного буйного воображения. Однако никто не понимал ситуацию лучше, нежели сам автор, написавший в романе об этом своем трансцендентальном опыте даже с некоторой иронией.

Затем в «Божественном вторжении» он сделал шаг назад от края пропасти и написал о финальном поединке Добра со Злом и о Втором Пришествии. Тема, которая в «Стигматах Палмера Элдритча» была облачена в литературные одежды, здесь проступила открыто.

Последним романом Дика стала «Трансмиграция Тимоти Арчера», причем изданной эту книгу он уже не увидел, скончавшись в 1982 году. Едва ли это была НФ, но, тем не менее, по духу своему и по поднятым моральным проблемам роман четко вписывался в общее русло его творчества. Более того, некоторым читателям она показалась куда более сбалансированной, нежели «VALIS» и «Божественное вторжение».

Гениальные художники редко получают признание при жизни — это одна из глубочайших и часто повторяющихся жизненных трагедий. С Диком было то же самое — в том смысле, что многие вещи не дошли до читателей вовремя. И только после смерти писателя начали издаваться его неопубликованные ранее нефантастические книги, равно как и новые, не редактированные версии НФ-романов — типа «Ложь, Инкорпорейтед», известного до 84-го года лишь в сильно урезанном варианте под названием «Нетелепортируемый человек». Появился также один посмертный НФ-роман «Свободное радио Альбемут».

На имени гения выросла целая издательская индустрия. Разумеется, публикация мэйнстримовских романов Дика и биографических материалов о нем — все это важно. Однако для жанра, который продолжает жить, гораздо аажнее то алияние, которое оказало творчество Дика на новых авторов, только-только пришедших в литературу.

Этот сплав из буйных НФ-идей, сценариев близкого будущего и странных персонажей, людей с улицы, характерный для Дика конца 60-х — начала 70-х, стал вдруг привлекателен для многих. Что, впрочем, хорошо согласовалось с происходящим в молодежной культуре в целом. Складывалось впечатление, что такие фильмы, как «Видеодром» и «Угонщик по заказу», такие музыканты, как Гэри Ньюмен, черпали свои образы и идеи прямо из бездонного кладезя диковского воображения. Наконец, в начале восьмидесятых появилось нечто вроде «панковской» НФ, основными провозвестниками которой были Руди Рюкер и К.У.Джетер, Рассел М.Гриффин и Уильям Гибсон. И это направление в каком-то смысле может быть названо «школой Филипа Дика».

Перевел с английского Ефим Летов

** Аббревиатура «VALIS» расшифровывается Диком как «Vast Active Living Intelligence System» («Живая активная система всеобщего разума»).*

ДИСПЛЕЙ-КРИТИКА

Эдуард Геворкян. **Времена негодяев.** — М.: Локид, 1995. — 507 с. (Сер. «Современная российская фантастика»). 26000 экз. (п.)

Этой книге следовало бы выйти тогда, когда она была создана: три года назад — и она наверняка стала бы бвстселлером. Я давно уже хотел прочесть нечто подобное: катастрофа, распад России, запустение проклятой богами Москвы, и Великий Туран, поднимающий над развалинами зеленое знамя пророка. Все шестьсот двадцать шесть страниц первоначального вариантв я не отрываясь проглотил за один день — ощущение гибели витало в воздухе, и тогда, три года назад, книга была бы просто «обречена» на успех.

Однако роман из печати не вышел. Накатила волна англоязычной фантастики. Появились хранители, лорды, драконы. Для российской фантастики опять наступили тяжелые времена. Впрочем, автору не впервые было проламывать стены: еще в 1983 году прогремела его повесть «Правила игры без правил». Это были очень странные годы: никого не печатали, и поэтому все были гениями, на «ура» принимался каждый живой рассказ, так что, кажется, даже детективщики верили, что в литературу идут не ради денег. «Правила игры без правил» стали событием. Там была атмосфера тайны, там был жесткий профессиональный сюжет, там сквозило мировоззренческое неприятие зла — имя Геворкяна сразу получило известность. И, однако, за все нужно платить. Как показывает история литературы, ранний успех писателя — серьезное испытание. Наступило десятилетие творческого полумолчания. Появились (в рукописи) «Деревянные облака» — вероятно, попытка автора вырваться из традиционной фантастики; появился известный «Черный стерх», напечатанный в сборнике «Цех фантастов» и замеченный тогдашней фэнпрессой. Геворкян, по-видимому, доказывал самому себе, что он существует. Но уже захлебнулось буквально целое поколение — растворилось, ушло в административную деятельность. Однако внутренняя невидимая работа, по-видимому, продолжалась. Это то, что можно оценить только по прошествии лет. «Времена негодяев» возникли достаточно закономерно. Крах эпохи требовал такого романа, и он был написан. Осмысление происшедшего было воплощено в результат. Я боюсь, что сейчас действительно времена негодяев: времена литературных шакалов, сезон волчьих стай, когда каждый приспособленец вещает о духовном противостоянии. В этом смысле книга опять «обречена» на успех — потому что она о противостоянии не кокетливом, а реальном, о мучительном прорастании жизни сквозь кровь и хаос. А мучительное прорастание жизни — это нерв сегодняшней литературы.

Андрей Столяров

Владислав Крапивин. **Сказки о рыбаках и рыбках.** — Нижний Новгород: Нижкнига, 1994. — 503 с. — 50000 экз. (п.)

Эта книга, если можно так выразиться, самая крапивинская из всех крапивинских книг. Наверное, еще ни в одном из своих произведений Владислав Петрович не описывал издевательства над детьми столь зримо и ярко, как в «Сказках о рыбаках и рыбках» — последней (?) повести из цикла «Во глубине Великого Кристалла», — и нигде он еще не выводил образа такого законченного и самодовольного злодея, как герой романа «Помоги мне в пути...» Феликс Антуан Полоз. Как и в большинстве произведений Крапивина, сюжеты романа и повести десятками незримых нитей связаны с другими произведениями писателя и друг с другом. То там, то тут упоминаются герои и события из других книг, возникают похожие ситуации, персонажи испытывают такие же ощущения. Сами сюжеты произведений особой роли не играют: это не что иное, как срез, фрагмент постоянно повторяющегося круговорота жизни. В обоих произведениях Владислав Петрович прибегает к опробованному в «Голубятне на желтой поляне» приему с «кольцом времени». Только если там кольцо это надо было во что бы то ни стало разорвать, то здесь его следует замкнуть: тогда избежит мучительной смерти художник Волынов из «Сказок...» и вновь обретет цельность «человек и межпространственник» Петр Викулов из «Помоги мне в пути...». И, как всегда, перестанут страдать дети, истязаемые извергами рода человеческого в разных измерениях Великого Кристалла. Взрослые герои Крапивина, собственно, только в этом и видят смысл своей жизни — в защите Детства от жестокости и скверны взрослого мира.

Василий Владимирский

Марина Дяченко, Сергей Дяченко. **Привратник.** — Киев: Полиграфкнига; КРАНГ Лтд., 1994. — 325 с. (Сер. «Fantasy Collection»).10000 экз. (п.)

Итак, фэнтези у нас все-таки есть. «Привратник» Марины и Сергея Дяченко написан в манере, близкой к «магическому реализму». Каждая глава романа состоит как бы из двух равноправных частей: в первой части нам раскрывается магическая «кухня» чародея по имени Ларт, во второй повествуется о жизни бывшего мага Руала Ильмарранена по прозвищу «Марран». Он-то и является привратником, который, согласно древнему преданию, должен открыть дверь для некоей Третьей Силы, несущей неисчислимые бедствия для всего мира. Ларт стремится предотвратить зло, пускаясь вслед за лишенным им некогда магической силы Марраном в путь по миру, которому угрожает опасность. В мире этом на равных сосуществуют две Силы: Сила многочисленных простых смертных и Сила малочисленных, но могущественных магов. Третья же Сила, по замыслу авторов, представляет собой нечто столь чуждое всему человеческому, что и помыслить страшно, а персонифицироваться она должна в «маге, который не маг». Порядки в романе царят вполне феодальные: даже маги имеют многочисленных вассалов из среды более мелких чародеев. Читателю постепенно открывается прошлое Маррана и Ларта, и становится ясно: то, что совершает на своем пути лишенный всего Марран во имя простых смертных, значимо для него гораздо более, чем все чудеса, которые он мимоходом творил во дни своей разгульной юности. Хотя теперь он вроде бы и не совершает ничего сверхъестественного.

Единственное, что слегка портит впечатление от общей картины, так это Третья Сила, которой читателя пугают с самого начала книги — совершенно лишняя и необязательная для произведения, претендующего на психологизм и некую философию и во многом эти претензии оправдывающего. Наверное, именно поэтому авторам так и не удалось убедительно объяснить: что же представляет собой эта самая Сила. Как говорится, нас пугают — а нам не страшно.

Василий Владимирский

Сергей Абрамов. **Тихий ангел пролетел.** — М.: Олимп, 1994. — 288 с. — Тираж не указан; (о.)

Что было бы, если бы вторую мировую войну выигрвли Германия с Японией?.. «Опять Филип К. Дик?» — спросите вы. Нет, не этот рез Сергей Абремов.

Отринув умозрительные ужасы перепуганных западных интеллигентов, ввтор игрвючи погрузился в психологию голодного и озлобленного люмпене, давно и с звввистью поглядывающего нв сытых и довольных бундесбюргеров. Отличные бввbooкое пиво и сосиски высшего качестве в глазах постсоветского гражданинв, по Абрамову, выглядят серьезным аргументом в пользу умозаключения: лучше бы ОНИ победили нас. Конечно, кое-кто закончил бы свои жалкие жизни в концлагерях, зато остальным пиво, сосиски и «фольксваген» были бы гарантированы!

Начав раскручивать эту версию с некоей долей иронии, С.Абрвмов неожиденно увлекся идеей, попал под ее обеяние и с радостью осознал: а и вправду — ничего ТАКОГО бы не было. Коммунизм был бы уничтожен превосходящими силами «наци», в темная вурв фашизма, глядишь, и рвссосалась бы через десятилетие-другое. Тем более что, по версии С.Абрамова, в России «национал-социализм изначально отличался от его фашистского родителя... Он никого не давил, не ломал через колено, но, поставив во главу угла национальную идею вообще, дал толчок для развития идеи русской, татарской, бешкирской...» Подавление свобод, лагеря смерти и геноцид — все то, что у Филипа Дика выглядело символом конца цивилизации «Хомо сапиенс» и торжестве неандертальцев, у С.Абремова оказалось всего лишь мелкой бытовой неприятностью.

Любопытно, что лет двадцать назад тот же автор сочинил повесть «В лесу прифронтовом», где после неудачного эксперимента с мешиной времени из прошлого прорывается и движется к деревне грузовик с эсэсовцами. Героям удеется его остановить. А зачем? Вот был бы там орднунг, с пивом и колбасой...

Роман Арбитман

Вилли Конн. **Герой Бродвея.** — СПб.: Литера, 1994. — 352 с.; 50000 экз. (о.)

Ходят слухи, что автор этой книги вовсе не Вилли и даже не Конн. Словом, не их человек. Но какая, собственно, разница? Всего лет пять назад он был в нашей стране суперпопулярен — и этого достаточно.

Впервые книжечкв В.Конна с рассказом «Лили» в один печатный лист появилась в киосках «Союзпечети» в конце 1989-го. «Она легко скинула халат и повернулась ко мне совершенно голая и обворожительная...». Она — это инопланетянка. Бешеный успех. Две следующие брошюрки — «Похождения космической проститутки» и «Террорист СПИДа» — тоже разлетелись мгновенно. В каждом новом произведении Вилли («Второе пришествие Сатаны», «Постель дьявола-искусителя», «Сексуальный маньяк» и проч.) фантастика и эротика продолжали являть собой неразрывное целое: здесь исправно действоввли предстевители потусторонних сил, честные полицейские, гориллоподобные гвнгстеры и сексуально озабоченные инопланетяне. Бульварщина была демонстративной, открытой, незамысловатой. Триумфальному шествию Вилли были бессильны помешать и критики, и настоящие любители фантастики. Дело в том, что автор оказался в ту пору первой ласточкой, первой приметой грядущего отступления директивной словесности и стремительного наступления литературного ширпотребв. Еще не возникли повсюду книжные лотки, еще не хлынули на книжный рынок переводные НФ-триллеры и любовные романы, а Вилли уже был! И, пользуясь возникшими читвтельскими потребностями и неповоротливостью госиздательств, почти два года мог снимать пенки. Бизнес Вилли окончился только году в 91-м, когда вместо доморощенных суррогатов запвдного месскульта нв рынок попер настоящий фирменный масскульт профессионвльной зарубежной выделки. Вилли сгинул и появился на горизонте только теперь, спустя три года. В сборнике — полный корпус текстов, когда-то изданных в виде брошюрок. Правда, смысл этого явления вбсолютно неясен. На фоне роскошных толстых томов в целлофанированных переплетах хлипкая книжечка В.Коннв выглядит анахронизмом. Ясно, что читателя ему уже никогда не вернуть. Сик транзит. Небоскребы, небоскребы, в он меленький твкой.

Роман Арбитман

Евгений Лукин. **Там, за Ахероном:** Повести. — М.: Локид, 1995. — 461 с. (Современная российская фантастика). 52000 экз. (п.)

Имя волгоградского фантеста Евгения Лукина, ранее работавшего в соавторстве с супругой Любовью, стало известно российским поклонникам жанра в середине 80-х, когда в журналах «Знание — сила», «Вокруг света», «Наука и религия» были опубликованы их дебютные повести, а один из рассказов попал в число лвуреатов Всесоюзного молодежного конкурса антивоенной НФ. Увы, несмотря не очевидные достоинства (гуманистические идеи, увлекательный сюжет, точно выверенная стилистика), книгоиздатели не спешили включать произведения Лукиных в свои планы, и получилось твк, что сборник «Там, за Ахероном», недавно увидевший свет в московском издательстве «Локид», явился — если не считать пары-тройки малотиражных провинциальных изданий — первой полноценной книжной публикацией данных авторов.

Содержание сборника составили произведения разных лет, благодаря чему читатель может познакомиться с творчеством Лукиных в достаточно полном объеме. Почти все повести уже появлялись в периодике, среди них — сатирические «Пятеро в лодке, не считая Седьмых» и «Разрешите доложить!», антивоенные «Вторжение» (об инопланетной экспедиции, которая, не высказывая никаких признаков враждебности, попытелась высадиться на Землю, однако была немедленно уничтожена) и «Сталь разящая» (о планете, где выход из строя противопехотных оружейных комплексов отбросил человечество в каменный век и привел к появлению новой «жизнеформы» — живого металла). Обращвет нв себя внимание повесть «Миссионеры»: несколько наших современников, задумав изменить ход мировой истории и предотвратить завоевание Америки европейцами, отпрввляются в прошлое, снабжают аборигенов мощным оружием и тем самым ставят под угрозу уже европейскую цивилизацию.

Помимо произведений, написанных Е.Лукиным в совторстве, в сборник вошли и «сольные» его работы. Это повести «Амеба» (впервые опубликована в, журнале «Если») — кафкианский гротеск о человеке, который был столь близок духовно к упомянутому одноклеточному, что в конечном итоге нвчал размножаться делением, — и «Там, за Ахероном» (единственная не выходившая ранее вещь). Главный герой последней — легендврный Дон Жуан — совершвет дерзкий побег из царства мертвых в наш мир, чтобы с горечью осознать: с какой бы стороны пограничной реки Ахерон ты ни оказался, всюду встретишь одно и то же — корысть, пошлость, властолюбие.

Александр Ройфе

ВИДЕО-ГАД

Пиратские игры на суше и на море

Масштабы теневой видеоэкономики в России поражают воображение. Складывается впечатление, что наши пираты, шествуя в ногу со аременем, освоили способ нуль-транспортировки. Как иначе объяснить тот факт, что названия с афиш нью-йоркских кинотеатров перемещаются на кассеты в московских видеокиосках чуть ли не день в день с американскими премьерами? Самый крупный скандал года — «Водный мир», который у нас появился даже раньше, нежели у них. Поаысилось и качество копий, снятых на видеокамеру, — иные из них мало чем уступают кассетным или даже лазерным записям. Сразу видно, что их теперь снимают не украдкой ао время обычного киносеанса, а в гораздо более комфортных условиях.

Так что над нашими «точками видеопроката» по-прежнему развевается «Веселый Роджер». Давайте посмотрим, что удвлось добыть флибустьерам в последнее время. Оценки «сокровищам» выставлены по пятибалльной шкале.

ЭПИДЕМИЯ (Outbreak). *** Зрелищный медико-экологический триллер с элементами фантастики а-ля Майкл Крайтон («Штамм «Андромеда», «Кома»). Дастин Хоффман а роли америкенского врача пытается спрааиться со смертоносным вирусом, занесенным из Африки в маленький калифорнийский городок. Как и следовало ожидать, аиноваты во всем оказываются американские же спецслужбы, из чьих лабораторий этот вирус выпорхнул. Фильм добротный, но почти не фантастический — особенно если вспомнить неподтвержденную до сих пор версию о происхождении СПИДа. Снял картину давно уже работающий в Голливуде немецкий режиссер Вольфганг Петерсен, хорошо известный любителям фантастики («Враг мой», «Бесконечная история») и боевикоа («На линии огня»).

КОНГО (Congo) *** Несмотря на то, что Майкл Крайтон вот уже несколько лет как оставил режиссуру и переключился исключительно не литературную деятельность, его связь с кинематографом еще более упрочилась. Хотя бы потому, что несколько блокбастеров последнего времени («Парк юрского периода», «Восходящее солнце», «Разоблачение») были сняты по его романам. Данный фильм — экранизация романа Крайтона 1980 года, который, кстати, в прошлом году аышел и на русском языке в издательстве «Мир». Фильм любопытен еще и тем, что его постановку осуществил один из самых верных соратникоа Стивена Спилберга, продюсер его фильмоа Фрэнк Маршалл. Как режиссер он дебютировал в 1990 году удачной картиной «Арахнофобия», по отзывам критики, «лучшим фильмом о нашествии паукоа». Затем была жестокая драма «Выжившие» (1992), и вот теперь «Конго». К сожалению, это не лучшее творение Маршалла. Причем дело не столько в режиссуре, сколько в исходном литературном материале. В своем романе Крайтон попытался реанимировать жанр «африканских приключений» а традициях Райдера Хаггарда, привив к сему засыхающему стволу цветущую веточку очень популярного нынче жанра технотриллера. Но Мичурин из Крайтона не получился. Как-то не сочетаются все эти затерянные африканские города, охраняемые полуразумными гориллами-убийцами, со спутниковой связью и сверхмощными лазерами. Пусть даже лазеры эти работают на «голубых» алмазах, история которых восходит к самому царю Соломону. Однако режиссура добротна, динамична, и фильм вполне годится как легкий боевичок для семейного просмотра.

ДЕРЕВНЯ ПРОКЛЯТЫХ (Village of the Damned). **** Третья по счету экранизация романа Джона Уиндема «Кукушки Мидвича», снятая известным режиссером-фантастом Джоном Карпентером как прямой римейк первой — одноименного фильма Вольфа Риллы 1960 года. (Второй фильм, «Дети проклятых» Энтона М.Лидера, снятый в 1963 году, не был ни сиквелом, ни римейком, но довольно вольной экранизацией «по мотиаам». Например, там не было никакого Мидвича.) Впрочем, сохраняя общую сюжетную канву оригинала, Карпентер вносит в саою киноверсию небольшие, но весьма существенные коррективы. Во-первых, Мидвич из английской деревушки 50-х годов превращеется в современный американский поселок. Во-вторых, «инопланетное оплодотворение» происходит несколько иначе — в течение не суток, а всего лишь шести часоа беспамятства, охаатившего всех жителей Мидвича. В-третьих, из зачатых таким образом детей одна девочка рождается мертвой, и мальчик Дэвид, которому она должна была стать парой, оказывается не таким, как остальные — саетлоаолосые и золотоглазые «кукушата», чей коллективный разум предельно рационален и нечеловечески жесток (что показано в основном через поступки и слова лидера этой группы, девочки Мары, блестяще сыгранной Линдси Хоун). Дэвид же проявляет склонность к тому, чтобы понять людей и научиться сопереживать им. Наконец, финал римейка отличается от финала оригинала — при всей своей трагичности, он остааляет надежду на то, что две разумные расы все-таки сумеют договориться между собой. Следует отметить, что Карпентер, переживший ряд досадных неудач в конце 80-х — начале 90-х годов, ановь демонстрирует прекрасную форму. Сюжет фильма показан фрагментарно, — как цепочка узловых эпизодов, снятых скупо, а минималистской манере, но, как правило, сильно «заряженных» эмоционально. Многое остается за кадром, что не мешает вдумчивому зрителю отслежиаать основные повороты сюжета и понимать проблематику картины — скорее европейской по своему духу, нежели американской. Задействованные спецэффекты также не слишком изощренны, но впечатляющи — особенно в сценах, когда «кукушата» включают телепатические способности, чтобы подчинять своей воле людей. Отметим игру актеров — детей и азрослых, а из последних в первую очередь Кристофера Риаа («Супермен») и Линду Козловски. Любопытен также Марк Хэмилл (Люк Скайуокер из «Звездных войн») в роли местного священника.

ХИЩНИК 3: ЗАРАЖЕНИЕ (Predator 3: Bio-Force). * Глупый и бездарный НФ-боевик, не имеющий ничего общего с предыдущими двумя фильмами под тем же назаанием. Ракета, которая должна была выбросить за атмосферу Земли капсулу с опаснейшим веществом, полученным в ходе работ над биологическим оружием, терпит катастрофу и падает а американской глубинке. Группа десантников, посланная на розыск, находит спускаемый аппарат, однако вещество из треснувшей капсулы попадает в организм руководящего группой полкоаника (Лео Росси). Выполняя данные ему секретные предписания, полковник расстреливает десантникоа, но не слишком удачно — двое не убиты, а только ранены. Один из них (Тед Прайор) вступает в поединок со своим начальником, постепенно теряющим человеческий облик. Само собой, на Хищников из первых двух серий этот жуткий в своей примитианости монстр походит не более, чем на статую Свободы. Совершенно не понятно, каким образом режиссер Дэвид Прайор, известный лишь по нескольким фантастическим поделкам категории «Б», получил право на использование нашумевшего названия для своей очередной малобюджетной постановки.

БЭТМЕН НАВСЕГДА (Batman Forever). *** Третий фильм а знаменитом фантастическом сериале, снятом по одному из самых популярных американских комиксов 30-х — 50-х годов. Тим Бертон, режиссер первых двух фильмов («Бэтмен», «Бэтмен возвращается»), на сей раз выступил в качестве продюсера, а Майкл Китон, игравший роль Бэтмена/Брюса Уэйна, уступил эту роль Вэлу Килмеру («Виллоу»). Из всего актерского состава предыдущих фильмов сохранили свои роли лишь Майкл Гью (дворецкий Уэйна Альберт) и Пат Хингл (комиссар полиции Гордон), однако сказать, что их присутствие обеспечивает преемстаенность между прежней и новой реинкарнациями Бэтмена, на мой взгляд, нельзя. Дело в том, что произошла не только смена актерского состава — изменился сам дух сериала. Джоэл Шумахер («Коматозники») попытался сделать не столько сиквел, сколько римейк первого фильма, для чего внес существенные коррективы в дизайн, сюжет и концепцию Бертоновского сериала. Но увы — и режиссеру, и асей его коман-

де постоянно изменяет чувство меры. В этом фильме всего чересчур — мордобоев и перестрелок, спецэффектов и головокружительных трюков. Чтобы покруче завернуть сюжет, режиссер придал Бэтмену напарника — юношу-циркача по прозвищу Малиноека (Крис О'Доннелл). Злодеев, противостоящих отважным и благородным героям, тоже двое — гангстер-психопат Двуличие (Томми Ли Джонс) и гениальный маньяк-ученый Загадочник (Джим Керри). Удивительно, как это режиссер не додумался клонировать заодно и главную героиню (Николь Кидман), но на это, наверное, уже не хватило денег. Есть, впрочем, в фильме одна любопытная мысль, выходящая за рамки стандартного комиксового сюжета: о том, здоров ли психически человек, бегающий по крышам в резиновом костюме летучей мыши. Впрочем, до конца эту мысль Шумахер додумать то ли не успел, то ли позабыл. А зря. Ибо для американского кинематографа, известного своим пристрастием к экзотическим супергероям, это мысль действительно редкая.

СУДЬЯ ДРЕДД (Judge Dredd). *** Сильвестр Сталлоне, судя по всему, человек отважный — после не очень удачного экскурса в кинофантастику в 1993 году («Разрушитель») он опять рискнул сняться в НФ-фильме, да еще и вновь у режиссера-дебютанта! Картина Дэнни Кэннона сделана по мотивам известного комикса с таким же названием, одного из самых популярных в Америке. В отличие от «Бэтмена» этот комикс довольно свежий — первая история о «Судье Дредде» появилась в журнале комиксов «Армагеддон» в 1978 году. Действие фильма происходит в середине третьего тысячелетия. Земля на большей своей части превратилась в отравленную пустыню, а люди живут под куполами чудовищных мегалополисов. Законов, в нашем понимании, здесь нет: правопорядок в человеческих муравейниках осуществляют так называемые «судьи» — патрульные на летающих мотоциклах и с супероружием, которые сами отыскивают преступников, сами выносят им приговор и сами приводят приговор в исполнение. Самый крутой из патрульных — судья Дредд, которого, разумеется, играет Сталлоне: «Я не служу Закону, я и есть Закон». Но и на старуху бывает проруха: подставленный предателем, неподкупный блюститель Закона попадает в тюрьму, однако находит возможность вернуться в город, ввергнутый заговорщиками в кровавый беспредел. По-моему, очень актуальный для сегодняшней России сюжет. Стоит отметить, что в осуществлении этого масштабного и амбициозного кинопроекта принимали участие люди, хорошо известные в области кинофантастики: продюсер Эндрю Вайна («Вспомнить все»), сценаристы Уильям Вишер («Терминатор 2») и Стивен де Соуза («Коммандо», «Флинстоны»), композитор Алан Сильвестри («Назад в будущее») и оператор Эдриан Биддл («Чужие», «Виллоу»). Боевой костюм судьи Дредда разработан знаменитым модельером Джанни Версаче. Однако фильм, родившийся в результате их совместных усилий, несмотря на всю свою зрелищность, получился, увы, чуть выше среднего: слишком жесткая и к тому же изъезженная десятки раз сюжетная схема, угадываемые ходы. Тем не менее не исключено, что «Судья Дредд» положит начало новому популярному киносериалу.

ГАЛАКСИС (Galaxis) * Сталлоне с «Судьей Дреддом» — еще не провал. Его бывшей жене, белокурой скандинавской красавице Бригитте Нильсен («Кобра», «Рыжая Соня», «Убийство на Луне») очередной экскурс в кинофантастику принес куда меньше дивидендов. Эту полукосмическую, даже не оперу, а оперетку поставил Уильям Меза — известный мастер спецэффектов («Армия тьмы», «В осаде», «Бегущий от правосудия»), дебютировавший теперь как режиссер. Увы, спецэффекты в его фильме — единственное, на что можно посмотреть. Ибо все остальное способно вызвать лишь тоскливое недоумение. Представьте себе баскетбольного роста блондинку, затянутую в блестящую кожу, с внушительным бластером в руках вышагивающую по улицам американского города в поисках некоего «волшебного кристалла». Сей камень являет собой ни много ни мало — ключ к тайнам Вселенной. Стандартный «зубодробительный» сюжет раскручивается вокруг права обладания камнем, которое оспаривают местные гангстеры, «крутые» парни и, конечно, вейдероподобный космический убийца. Аккомпанемент у этого действа соответствующий — постоянные выстрелы, энергетические разряды и полицейские сирены. Представили? Понравилось? Можете брать кассету в видеопрокате.

СЕТЬ (The Net) **** Этот умный, крепко сбитый триллер — еще одно свидетельство тому, сколь прочно прописались киберпанковские идеи если не в научной фантастике, то уж, во всяком случае, в реальной жизни. Фильм режиссера Ирвина Уинклера практически не фантастичен, разве что возможности хакеров-террористов воздействовать исподтишка на все стороны современного, насквозь компьютеризированного общества здесь, наверное, слегка преувеличены. То есть жанр картины можно определить как политическую фантастику очень ближнего прицела. Впрочем, есть здесь и еще кое-что, что придает фильму явственный фантастический оттенок, а именно — то ощущение ирреальности мира, которое мы встречали ранее, например, в книгах Филипа Дика. Молодая программистка — ее играет стремительно восходящая кинозвезда Сандра Баллок («Разрушитель», «Скорость»), — едва ускользнув из рук убийцы, охотящегося за дискетой, на которой записана программа-ключ, открывающая доступ в любой, даже самый сверхсекретный банк данных, вдруг узнает, что ее в буквальном смысле слова стерли из жизни: компьютерные бандиты подменили все касающиеся ее записи в муниципальных, полицейских и прочих архивах, в которых мы (нет, пока еще не мы, а обскакавшие нас технологически американцы) оставляем след своей жизни. Она узнает, что у нее теперь другое имя, что она проститутка и наркоманка, что ее разыскивает полиция, что дом ее продан, а имущество исчезло не известно куда. А поскольку вела она затворнический образ жизни, то почти никто (слава Богу, что только почти) не в силах прийти ей на помощь. Фантастика? Как посмотреть...

ГАРРИСОН БЕРЖЕРОН (Harrison Bergeron) **** Ради таких находок я пролистываю десятки русских и западных киножурналов, перебираю в видеокиосках сотни и сотни потрепанных карточек, пытаюсь сориентироваться в надписях на продающихся кассетах, зачастую совершенно безграмотных. Но подобные удачи оправдывают весь многодневный неблагодарный труд. О том, что литературная основа фильма — рассказ Курта Воннегута, я догадался по названию, одноименному с произведением мастера. Прокатчики же завлекали зрителя в лучших своих традициях: «фантастические ужасы 1995 года». Картина не известного мне режиссера Брюса Питтмана — это научно-фантастическая драма-антиутопия о человеке, чьи способности значительно превышают «среднестатистические». Гаррисон Бержерон живет в обществе, которое его отцы-основатели попытались сделать «раем для средних людей», и поэтому всех тех, кто возвышается над общей массой, искусственно уравнивают с людьми менее талантливыми: спортсмены и танцоры обязаны выступать с грузами на руках и ногах, а умственные способности притупляются мозговыми импульсами, поступающими из специальных устройств, которые должны носить все и всегда. Фильм органично соединяет элементы сатирической комедии и жесткой психологической драмы, смотрится буквально на одном дыхании. Так что горячо его рекомендую всем любителям умного и тонкого фантастического кино — тем, кому «Сталкер» и «Бразилия» милее, нежели стандартные боевики с бесконечной стрельбой и взрывами.

ВОДНЫЙ МИР (Waterworld). ** Самый дорогой фильм за всю историю кинематографа (172 миллиона долларов) и самое крупное разочарование нынешнего сезона. Во-первых, в отличие от прежних бюджетных рекордсменов («Терминатор 2», «Парк юрского периода») «Водный мир» не продемонстрировал никаких принципиально новых достижений в области специальных эффектов. Во-вторых, оригинальный в общем-то замысел (мир после нового Всемирного Потопа) на поверку оказался чуть ли не полной калькой с боевиков по типу «Безумного Макса». В-третьих, снимавшиеся здесь первоклассные актеры, попав в плен ходульно-аркадного сюжета, не столько играют, сколько бегают, прыгают, стреляют, ну и, разумеется, плавают. Наконец, фильм этот, принадлежащий, казалось бы, жанру научной фантастики, изобилует таким количеством логических, сюжетных и научных несообразностей, что

не выдерживает никакой критики. Это, может быть, потому, что режиссер Кевин Рейнольдс никогда раньше НФ не снимал. Основные перипетии сюжета саязаны с поисками последнего клочка легендарной «суши». Карта, указыаающая путь, вытатуирована на спине маленькой девочки. За девочкой охотится банда «новых варваров»-пиратов (называемых в фильме «курильщиками»), которую возглавляет жастокий предводитель (Деннис Хоппер). Девочка вместе со своей взрослой опекуншей (Джинна Триплхорн) попадает на борт катамарана одинокого бродяги-мутанта с жабрами за ушами (Кевин Костнер). Дальнейший ход событий вычисляется элементарно. «Водный мир» занял почетное место в кунсткамере кинематографических курьезов — блокбастер катагории «Б». Такого действительно еще никто не видел.

Ну а теперь горячие новости о будущих фильмах, которые, возможно, нам тоже удастся посмотреть — под пиратским флагом или без оного.

На студии «Юниверсал» вовсю поговаривают о новом масштабном кинопроекте под названием «Terminator 3-D» («Терминатор 3»). При этом утверждается, что в работе над фильмом будут участвовать и режиссер Джеймс Камерон, и Арнольд Шварценеггер.

Режиссер и продюсер Тим Бертон купил права на экранизацию двух серий художестаенных открыток — «Марс атакует!» и «Динозавры атакуют!», — первая из которых была издана в 1962 году, а вторая — три десятилетия спустя. Сценарий Джонатана Гемса, осноаанный на сюжатах обеих серий, называется «Mars Attacks» («Марс атакует»).

Немецкий режиссер Роланд Эммерих («Универсальный солдат», «Звездные врата») готовится к съемкам нового НФ-фильма «Independence Day» («День незааисимости»), в котором будет рассказываться о вторжении из космоса. Сценарий к фильму написал сам Эммерих в соавторстве с Дином Деалином, с которым он уже работал над своими предыдущими фильмами.

Имеется информация о том, что компания «Парамаунт» собирается предложить главную роль в фильме «Stranger in a Strange Land» («Чужой в чужой земле»), экранизации знаменитого романа Роберта Хайнлайна, одному из самых дорогих голливудских актеров Тому Хэнксу («Форрест Гамп», «Аполлон-13»).

Масштабный фильм-катастрофу «The Day the Earth Caught Fire» («День, когда запылала Земля»), римейк одноименной картины Вэла Геста 1961 года о ядерных взрывах, которые сталкиааают Землю с орбиты, будет снимать Ян Де Бонт, известный кинооператор, дебютировавший недавно как режиссер («Скорость»). А Ренни Харлин («Скалолаз»), который первоначально планировался на роль режиссера, будет работать над другим фантастическим фильмом — «Exit Zero» («Нулевой выход») — о компьютерах, образовааших при помощи сетей электронный суперразум и задумавших погубить чалоаечество.

Жан-Клод Ван Дамм приглашен сыграть главную роль в фильме «Afterlife» («Жизнь после смерти»). Это история об ученом, чей мозг пересаживают в тело заключенного, после чего он бежит из тюрьмы и пытается доказать свою невиновность. Сценарий фильма написал Джосс Уэдон («Скорость»).

Вслед за Сталлоне и Ван Даммом еще один популярный герой боевиков Брюс Уиллис («Крепкий орешек», «Смерть ей к лицу»), кажется, всерьез решил попробовать свои силы в кинофантастике. Во-первых, он будет сниматься у известного французского режиссера Люка Бессона в фильме «The Fifth Element» («Пятый элемент»); о чем этот фильм, не сообщается, известно лишь, что это «футуристический научно-фантастический проект». Во-вторых, он начал работу с английским режиссером Терри Гиллиамом («Бандиты во аремени», «Бразилия», «Приключения барона Мюнхгаузена») над фильмом «Двенадцать обезьян». В этом фильме Уиллис играет заключенного, отправленного из XXI века в 1996 год, чтобы он нашел там некий вирус, ставший после мутации угрозой для жизни миллионов людей.

Лесли Нильсен («Голый пистолет») сыграет главную роль в ноаой кинопародии Мала Брукса («Молодой Франкенштейн», «Космические яйца») «Dracula, Dead and Loving It» («Дракула, мертвый и любимый»).

Король малобюджетного кино Роджер Корман станет продюсером сразу нескольких новых НФ-фильмов, в том числе «Invisible Mom» («Мамочка-невидимка») с Ди Уоллес Стоун, «Cyberzone» («Киберзона») с Марком Сингером и «Star Hunter» («Звездный охотник») с Родди Макдауэллом.

Австралийский режиссер Рассел Малкехи («Горец», «Тень») снимает фильм «Vampires» («Вампиры») — о борьбе с вампирами, оказавшимися на свобода изза недосмотра Ватикана. Бюджет фильма — 20 миллионов доллароа.

Режиссер Нил Джордан готоаится к съемкам сиквала к своему предыдущему фильму «Интераью с аампиром». Однако, поскольку студия не намерена привлекать к участию в этом проекте, который называется «The Vampire Lestat» («Вампир Лестат»), ни Тома Круза, ни Брэда Питта, сыгравших главные роли в первом фильме, на исключено, что и Джордан в итоге откажется от работы над сиквелом.

Как стало изаестно, главную роль в боеаике по мотивам мультипликационного НФ-сериала «Speed Racer» («Гонщик по имени Скорость») сыграет молодой, но уже весьма известный актер Джонни Депп («Эдвард Руки-Ножницы»). Возможно также, что роль его старшего брата исполнит Николас Кейдж («Пегги Сью аышла замуж»).

Режиссер Тоб Хупер («Полтаргейст», «Жизненная сила», «Захватчики с Марса») готовится к съемкам фильма «The Dentist» («Дантист»). Главный герой этого фильма очень своеобразно лечит зубы своим пациентам, используя в качестве пломб крохотных инопланетных тaарей.

Режиссер Филлип Мора, недавно закончивший работу над комадией «Ptarodactyl Women of Beverly Hills» («Женщины-птеродактили из Беверли Хиллс»), собирается снимать фильм по сценарию, обнаруженному недавно в архиве знаменитого режиссера и продюсера Джина Родденберри, создателя первого телесериала «Star Trek» («Звездный путь»). Этот сценарий, написанный Родденберри в 1975 году, называется «The Nine» («Девять») и повествует о контакте с инопланетянами.

По словам продюсера и сценариста Рика Бермана, восьмой кинофильм из цикла «Заездный путь», а отличие от предыдущего, где снимались герои обоих телесериалов (60-х и 80-х годов), будет построен на приключениях «нового поколения» экипажа звездолета «Энтерпрайз». Фильм планируется к выходу на экран в конце 1996 года.

Итальянский режиссер Габриэль Сальваторе снимает фильм «Nirvana» («Нирвана»). В фильме, действие которого происходит в 2010 году, рассказывается о видеоигре, которая станоаится разумной в результате заражения игровой программы компьютерным вирусом.

Сценарист и продюсер Рональд Шассет («Чужой», «Вспомнить все») работает над сценарием нового НФ-фильма «Dataman» («Человек из банка данных»).

В США ведется работа над несколькими новыми телевизионными сериалами, которые выйдут в эфир в 1996 году, причем некоторые из них основаны на популярных кинофильмах прошлых лет — таких, например, как «Полтергейст» и «Универсальный солдат». Еще один сериал, «The Tomorrow Man» («Человек из заатрашнего дня»), расскажет историю об андроиде, прибывающем из будущего, чтобы предотвратить катастрофу. Главную роль в этом сериале сыграет Джулиан Сэндс («Чернокнижник»). А известные режиссеры Оливер Стоун, Фрэнсис Форд Коппола и Тим Бертон, отвлекшись на время от работы в кинематографе, решили снять несколько короткометражных новелл для нового телесериала «Weird Tales» («Жуткие истории»), который будет базироваться на рассказах из одноименного журнала фантастики ужасов.

Алан Ностромов

Здравствуйте, любители фантастики!

Нынешний год, который подходит к концу, оказался для «Интеркома» особым. Впервые за пять лет своего существования журнал выдержал объявленный ежеквартальный режим выпуска — пусть даже в виде внутреннего приложения к журналу «Если». Для читателей, которые не в курсе (а таких, полагаю, большинство), поясню, что это действительно большое достижение, поскольку в предыдущие годы мы выпустили только четыре номера: два в 91-м и по одному в 92-м и 93-м. Пятый же номер, подготовленный к печати весной 94-го, из-за финансовых трудностей так и не был издан.

От имени редакции «Интеркома» и его авторского актива хочу поблагодарить редакцию журнала «Если», которая, взяв наше издание под свое крыло, позволила ему удержаться на рынке. Нам не придется начинать свою деятельность заново: мы сумели сохранить аудиторию и даже, как мне кажется, увеличили ее, о чем говорит возросшая читательская почта.

В новом году «Интеркомъ» возвращается к читателю в своем «сольном» варианте. Издательство «Terra Fantastica», под эгидой которого журнал и был создан пять лет назад, изыскало возможность возобновить выпуск «Интеркома». Выйдет в свет пятый номер журнала, созданный еще в 1994 году; готов и шестой номер, посвященный новым направлениям в фантастике. Предполагаемый тираж журнала составит 500 — 1000 экземпляров. Приобрести издание можно будет в специализированных книжных магазинах (в Москве, например, это фирма «Стожары»).

Понятно, что «Интеркомъ» в таком виде станет менее доступен любителям фантастики, особенно живущим в отдаленных уголках страны. Помочь им сейчас мы вряд ли сможем, хотя... Хотя есть у нас мысль попробовать все же включить «Интеркомъ» в подписные каталоги. Получится это или нет, станет ясно весной следующего года.

«Интеркомъ» был задуман как издание, ориентированное на людей, профессионально занимающихся фантастикой. И потому приход в «Если» был для нас своего рода экспериментом: сумеем ли мы работать на гораздо более широкую аудиторию, и будут ли этой аудитории интересны наши материалы. В своей оценке я могу опираться лишь на письма читателей, а они свидетельствуют: «Интеркомъ» оказался нужен не только специалистам, но и любителям фантастики.

Поэтому сотрудничество нашей редакции с журналом «Если» не прекращается. Более того, оно станет плодотворнее.

Начиная со следующего номера в «Если» появится постоянный, уже ежемесячный, раздел, посвященный фантастике и фэндому, в котором читатель увидит статьи по теории и истории фантастики, интервью с писателями и издателями, книжные рецензии и видеообзоры, блоки новостей и прочую оперативную информацию. В свою очередь, «сольный» «Интеркомъ» отныне не будет стремиться поспевать за всеми быстротекущими событиями и станет специализироваться на более глубокой проработке отдельных тем. Таким образом, оба журнала будут прекрасно дополнять друг друга, работая на благо общего дела — нашей любимой фантастики.

Следовательно, мы не прощаемся с вами, уважаемые читатели. До новых встреч на страницах «Интеркома» и «Если»!

Андрей Чертков,
редактор журнала «Интеркомъ»

Уважаемые читатели!

Мы рады, что редакция «Интеркома» сумела с помощью издательства «Terra Fantastica» выйти из финансового кризиса. К сожалению, не можем того же сказать о журнале «Если», чему свидетельство — нынешний сдвоенный выпуск. Ситуация вдвойне обидная, поскольку еще в начале года казалось, что основные проблемы остались позади и редакция подарит читателям все двенадцать номеров «Если». И действительно, впервые за время подписки мы выпустили шесть номеров журнала за первое полугодие, сумев обойтись без 5 — 6 сдвоенного. И тут же, буквально через месяц, открыв новое полугодие, были поставлены в тяжелое положение службой Минсвязи, которая подняла стоимость доставки и экспедирования сразу на 30 процентов. И в дальнейшем помесячный индекс инфляции на экспедирование и доставку, на бумагу и полиграфические услуги составлял 1,8 против 1,3 — 1,5, обещанных правительством в январе этого года, когда журналы формируют подписную цену на второе полугодие, закладывая в нее ожидаемый уровень инфляции.

К сожалению, в этой ситуации мы не можем гарантировать подписчикам, что подобное не повторится в первом полугодии 1996 года. Спонсоров наш журнал не имеет и дотаций не получает (кстати, Министерство печати и информации РФ, признав издание «уникальным», включило его в план дотируемых изданий, но ни копейки не выделило). Для журнала, не претендующего на прибыль и вынужденного держаться нижнего порога цен, стоимость подписки формируется исходя из себестоимости номера, умноженной на помесячный коэффициент предполагаемой инфляции, который прогнозируют специалисты Минпечати по отрасли и эксперты правительства в целом по России. Однако текущая инфляция, опровергая штатных футурологов, с большим запасом берет любые высоты.

И все же, как нам кажется, читатель «Если» остался в выигрыше. Заплатив за подписку цену ниже той, что требуют другие издания, он получил такое количество «конвенционной» прозы, которое не предложил ни один журнал, включая «Иностранную литературу», да и мало кто из издательств.

Причем, следуя редакционной политике, журнал знакомит свою аудиторию только с произведениями, ставшими ориентирами в фантастике (и потому, к сожалению, требующими немалых выплат за получение прав на публикацию). Вспомните романы Д. Адамса, Г. Бира, Д. Мартина, М. Коуни, Д. Эффинджера, рассказы современных авторов, доселе практически не публиковавшихся в России: У. Гибсона, Л. Шайнера, Д. Александера, К. Уиллрича и других. Два известных отечественных журнала пытались подписать договор с журналом «Analog», три издательства — с «Asimov's», но только читатель «Если» получил возможность познакомиться с произведениями, опубликованными на страницах этих известных НФ-изданий.

Коль скоро мы не можем дать гарантию, что правительство удержит хотя бы свои бюджетные отрасли в рамках означенных им инфляционных ожиданий, редакция готова обещать читателям только одно: в будущем полугодии вы откроете для себя новые звезды на небосклоне НФ, прочтете удостоенные самых престижных премий романы и повести зарубежных фантастов, познакомитесь с новыми произведениями отечественных писателей.

Редакция журнала «Если»

PERSONALIA ● PERSONALIA

ДЭВИДСОН, Аврам (DAVIDSON, Avram)

Читатели «Если» уже знакомы с творчеством этого писателя. В № 1, 1993 год был опубликован рассказ Аврама Дэвидсона «Моря, полные устриц», удостоенный премии «Хьюго». Однако в ту пору журнал еще не имел рубрики «Personalia» и потому помещает справку о Дэвидсоне в этом выпуске. Американский писатель и издатель А.Дэвидсон родился в Нью-Йорке в 1923 г. Служил в ВМС США в 1941 — 1945 гг., воевал на стороне Израиля в арабо-израильской войне 1948 — 1949 гг. Первый опубликованный НФ-рассказ — «Друга моего мальчика зовут Джелло» («Fantasy and Science Fiction», 1954 г.). Уже в ранних рассказах Дэвидсона заметны чувство юмора, граничащее с сарказмом, острый, проницательный взгляд. Эти черты сразу выделили его среди чересчур серьезных НФ-авторов. Известный рассказ дал название первому сборнику автора («Моря, полные устриц», 1962). Многие его ранние произведения появлялись в «Fantasy and Science Fiction» в 1962 — 1964 гг., когда Дэвидсон работал редактором этого журнала (благодаря чему, видимо, журнал был удостоен премии «Хьюго» в 1963 г.). Последующие рассказы Аврама Дэвидсона собраны в книгах «Что за странные звезды и небеса» (1965 г.), «Неведомые моря и берега» (1971 г.), «Консультации доктора Эстергази» (1975 г.) и некоторых других. Дань научной фантастике Дэвидсон отдал в таких романах, как «Мятеж в космосе» (1964 г.), «Рорк!» (1965 г.), «Хозяева Лабиринта» (1965 г.), «Дракон-шалун» (1965 г.). Он писал детективы («И наступил день восьмой...»,1964 г. и «Четвертая сторона треугольника», 1965 г.) под псевдонимом Эллери Куин. Однако в полной мере его талант проявился в фэнтезийном романе «Феникс и Зеркало». Это — псевдосредневековая фэнтези с причудливым, изысканным антуражем, сюжетом, полным литературных аллюзий и метафор. Продолжение сериала — роман «Вергилий в Аверно» вышел в 1987 г. Известность также заслужила дилогия «Перегрин: Primus» — (1971 г.) и «Перегрин: Secundus» (1981 г.). Произведения Дэвидсона — высший уровень американской фэнтези. Он, вероятно, наиболее «литературный» автор среди представителей этого жанра. Дэвидсон, по оценке Рэя Брэдбери, «смутьян», стоящий вровень с такими мастерами, как Киплинг и Честертон. По стилю его можно сравнить с Д.Вэнсом и Р.А.Лафферти. Произведения Дэвидсона — весьма нелегкая задача для переводчиков.

ЕТОЕВ, Александр Васильевич

Родился в 1953 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский механический институт по специальности инженер-механик. Два года проработал проектировщиком, а потом, по воле судьбы, одиннадцать лет — в хозяйственной части Эрмитажа. Последние несколько лет — ответственный редактор питерского издательства «Terra Fantastica». Пишет фантастику с середины 80-х. Направление, в котором автор любит работать, с одной стороны, строится на узнаваемом бытовом сюжете, даже анекдоте, а с другой — на ярких, необычных выводах. Публиковался в журналах «Уральский следопыт», «Пульс», «Молодежь и фантастика», в сборнике «Парикмахерские ребята» (М.: Советский писатель, 1992), в сборнике «Необъятный двор» (Алма-Ата, 1991). Не исключено, что в скором времени у Александра Етоева выйдет в свет первая авторская книга: «Пришельцы с несчастливыми номерами».

УОТСОН, Иэн

(см. биобиблиографическую справку в №11 — 12, 1994 г.) «В рассказах последнего сборника Уотсона есть все: научная фантастика, хоррор, социальная сатира, киберпанк. Это отчетливо европейская книга, многие повороты и сюжетные ходы которой будут непонятны для американского читателя. Лаконичные, по-античному изящные, изобретательные и в то же время совершенно свободные от традиционной научно-фантастической назидательности, эти рассказы поставят в тупик простого любителя традиционной НФ». (Из рецензии журнала «Локус» на последнюю книгу Иэна Уотсона «Пришествие Вертумна»).

ДИК, Филип К.

(см. биобиблиографическую справку в №7, 1993 г.) На следующий год после смерти писателя в 1982 г. его поклонниками была основана премия имени Филипа К. Дика. При жизни писатель не был в полной мере оценен критикой; его книги выходили в основном в мягкой обложке без последующего переиздания в твердом переплете. Поэтому специалисты и любители фантастики приняли решение о присуждении премии только книгам в жанре НФ и фэнтези, изданным в мягкой обложке. Критерии присуждения премии довольно расплывчаты, равно как и различна тематика книг-финалистов; однако достаточно взглянуть на списки призеров, чтобы убедиться в серьезности авторов. Это Руди Рюкер «Программное обеспечение», премия 1983 г.; Тим Пауэрс «Врата Анубиса», премия 1984 г.; Уильям Гибсон «Нейромант», премия 1985 г.; Джеймс Блэйлок «Гомункулус», премия 1987 г.; Дэйв Волвертон «На пути в рай», премия 1990 г. и другие. Вначале распорядителем премии был Томас Диш. Жюри выбирает двух лауреатов из 3 — 5 претендентов, один из которых — прошлогодний лауреат. Премия присуждается на съезде поклонников Филипа К. Дика «Норвескон», проходящем в окрестностях Вашингтона в марте — апреле ежегодно. Размер первой премии — 1000 $, второй — 500 $. Сумма относительно невелика, однако премия считается весьма престижной.

ВИНДЖ, Вернор (VINGE, Vernor)

Американский писатель. Родился в 1944 г. По основной профессии — профессор математики в университете Сан-Диего. В семидесятые годы был женат на Джоан Виндж, титулованной НФ-писательнице (отечественному читателю известна прежде всего романом «Снежная королева» и повестью «Брандер», опубликованной в «Если» № 4, 1993 г.). Автор в глазах читателей «ушел в тень» своей супруги, однако критиками был признан гораздо более «серьезным» писателем. Первая НФ-публикация — рассказ «Разделенность» («New Worlds», 1965 г.). Лучшие рассказы собраны в книгах: «Истинные имена и другие опасности» (1987 г.) и «Угрозы... и другие перспективы» (1988 г.). Первый роман Винджа — «Мир Гримма» (1969 г.) — яркая космическая опера «гуманистического» направления. Второй роман — «Остряк» (1976 г.) — затрагивает проблему конфликта личности, наделенной необычными психическими способностями, с ее окружением. К середине 80-х годов Вернор Виндж выпускает два романа в сериале «Реальное время» («Мирная война», 1984 г., и «Затерянный в реальном времени», 1986 г.), а затем снова замолкает на пять лет для того, чтобы в 1991 г. выпустить великолепный огромный роман «Огонь над бездной» (премия «Небьюла» за 1992 г.). Книга получила высокую оценку «товарищей по цеху», таких, как Грег Бир и Дэвид Брин, и, став по сути наиболее ярким событием в жанре «галактического эпоса» 90-х годов, сделала Винджа лучшим писателем этого направления последних лет.

Подготовил
Андрей ЖЕВЛАКОВ

ЕСЛИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Майкл Муркок
РЫЦАРЬ ХАОСА

Кристофер Сташефф
АЛХИМИК И КОЛДУНЬЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Барбара Сигел, Скотт Сигел
ЧУДОВИЩЕ КРОВАВОГО МОРЯ

Дон Уэбб
ОХОТНИК ЗА СЕНСАЦИЯМИ

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ
73118, 39801, 32305